

Человек Общество Культура

как предмет
философской рефлексии

Международная научная
конференция
Выпуск 8

Донецк - 2022

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДНР

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра философии (г. Донецк, ДНР)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
кафедра философии; каф. правовых и политических наук (г. Донецк, ДНР)

Воронежский государственный университет
кафедра истории философии и культуры (г. Воронеж, РФ)

Белгородский государственный институт искусств и культуры
кафедра философии и истории науки (г. Белгород, РФ)

Серия "Социально-гуманитарные исследования
учёных Донбасса"

Человек
Общество
Культура

как предмет философской рефлексии

**VIII-я Международная научная
конференция**

22 апреля 2022 года

Выпуск 8

Донецк-2022

УДК 159.955.4
ББК 88.3
Ч39

Редакционная коллегия:

Рагозина Т. Э., д.филол.н, доцент, зав. кафедрой философии, Донецкий национальный технический университет, Римский В. П., д.филол.н, профессор, зав. кафедрой философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; Дрожжина С. В., д.филол.н., профессор, ректор ГОВПО «ДонНУЭТ имени Михаила Туган-Барановского»; Сулимов С. И., к.филол.н., доцент, Воронежский государственный университет.

Рекомендовано к печати Учёным советом ДОННТУ 1 апреля 2022 г. Протокол № 1.

Ч39 Человек – Общество – Культура как предмет философской рефлексии : материалы междунар. науч. конф., 22 апр. 2022 г. / отв. ред. Т. Э. Рагозина. – Донецк: ДОННТУ, 2022. – 276 с. – [Серия «Социально-гуманитарные исследования учёных Донбасса»].

Материалы сборника освещают широкий круг вопросов социально-философского, историко-культурного, социально-политического, гуманитарного характера, связанных с осмыслением актуальных проблем развития человека, общества и культуры в современном мире.

Сборник рассчитан на научных сотрудников, преподавателей высшей школы, аспирантов, магистрантов, студентов и читателей, которых волнуют философские проблемы.

УДК 159.955.4
ББК 88.3

© ГОУВПО «ДОННТУ»
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

І. Человек – Общество - Культура: методологические аспекты проблемы

Рагозина Т. Э.	Проблема человека как «эхо сократовских идей»	7
Кухтин М. М.	Сущность человека у Майстера Экхарта и Карла Марса	23
Максименко А. В.	Проблема человека в свете трудовой теории происхождения общества и культуры	28
Беженарь М. С.	Человек и космос как проблема античной философии	36
Лустин Ю. М.	Философская рефлексия и социокультурное конструирование реальности (типологический подход)	42
Петрова Е. И.	Этническая и национальная составляющие как факторы формирования идентичности	50
Лемешко Г. А.	Государство и церковь: формы их взаимодействия	59
Рочняк Е. В.	Диалог религии и науки в современной культуре как проблема экофилософии	67
Овсяникова Д. Д.	Понятие культурной памяти как способ фиксации механизмов социально-исторической преемственности	77
Гижа А.В.	Проблема формирования понятия информации	88
Давыденко Э. Н.	Эффекты дегуманизации в цифровом мире	95
Мусатова С. В.	Характерные черты и противоречия информационного общества	105

II.

Человек – Общество – Культура: социально-политические и правовые аспекты проблемы

Брычков А. С., Никонов Г. А.	Безопасность общественного сознания в контексте информационно-идеологического противоборства	111
Сулимов С. И.	Социокультурные основания современного афроамериканского радикализма	122
Камарали А. А.	К социально-философским истокам нигилизма в современном обществе	133
Пряхин Н. Г.	Ното maudanus как выражение кризиса культуры и общества Украины	141
Поправко А. К.	Духовный маргинализм как важнейший фактор глобального кризиса человечества	148
Миргородский А.А.	Ответственность личности как морально-правовая категория: постановка проблемы	159
Шелухина О. Н.	Роль государства и механизма правового регулирования управления научно-техническим прогрессом в системе высшего образования ДНР	164
Кондратьев В.А.	Становление и развитие трудового законодательства на территории Донецкой народной республики: историко-правовой аспект	172
Ширкова И. В.	Роль интеллектуальных прав человека в управлении научно-техническим прогрессом	181
Певтиев О. В.	Нарушения прав интеллектуальной собственности в сети интернет и пути её решения	187
Поправко А. А.	Перспективы развития правовой системы ДНР после дипломатического признания со стороны Российской Федерации	192
Одинцова Е. А.	Бюрократизация образовательной среды	197
Ковалёва И. И., Писарева А. В.	К вопросу о самосохранении Русского мира ...	203
Власова Н. Н.	Соотношение права и морали в контексте философского мировоззрения	209

III.
Человек – Общество - Культура:
культурологические аспекты проблемы

Быковская Г. А., Черных В. Д.	Современный мир в антитезе культуры	214
Андриенко Е. В., Корнюхов Д. В.	Мировоззренческие истоки лидерства как социокультурного феномена: Древний Восток и Античная Греция	220
Отина А. Е.	Действительность в зеркале русской литературы и эстетической мысли первой четверти XIX века	225
Ромадыкина В.С.	Триединая формула русской доктрины «православие, самодержавие, народность» Сергея Семёновича Уварова	236
Романова А. С.	Саморазвитие личности в смысловом пространстве античной культуры	245
Нафанец Е. А.	Современная реальность культуры	250
Соловьёва Р. П. Соловьёва Ю. М.	Современная культура: концепты развития	258
Буланая Ю. В.	Семейные отношения в повседневной жизни	265
Сведения об авторах	271

I.

Человек - Общество - Культура: методологические аспекты проблемы

УДК 130.2

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА КАК «ЭХО СОКРАТОВСКИХ ИДЕЙ»

Т. Э. Рагозина

(д. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению проблемы человека через призму анализа содержания сократовского императива «Познай себя!». Автор пытается выяснить вопрос о том, какому из двух конкурирующих между собой принципов – антропоцентризму или социоцентризму – принадлежит ведущая роль в учении Сократа, ознаменовавшем собой разворот греческой мысли от проблем натурфилософии к проблеме познания человека.*

***Ключевые слова:** человек, общество, история, космоцентризм, антропоцентризм, социоцентризм.*

Перед современным обществом сегодня встают извечные философские вопросы, по сути дела те же самые, которые были поставлены на заре человеческой цивилизации и которые сегодня ждут своего ответа, продиктованного особенностями времени: куда и к чему в своём стремительном развитии движется современное общество, что составляет основу его развития, *кто* или *что* движет человеческой историей, определяя её ход, направление и результаты. При этом нельзя не видеть, что в фокусе философской рефлексии неизбежно оказывается *проблема человека* – закономерно рождаемая жизненными импульсами духовная потребность общества в осмыслении места, роли и предназначения человека в мире.

Поэтому вполне оправданно сегодня вновь звучит вопрос о том, какой философский принцип способен быть «ключом» к пониманию как общества, так и человека – *антропоцентризм* или *социоцентризм*? Соответственно, в какую философскую традицию оказывается объективно вписан марксизм всем содержанием и сутью своих взглядов на человека, общество и культуру?

В этом плане имеет смысл обратиться к истокам классической философской мысли, с тем чтобы взглянуть на эту проблему через призму двух конкурирующих между собой методологических принципов-антиподов, диалектически взаимосвязанных и одновременно диалектически отрицающих друг друга, – *антропоцентризма* и *социоцентризма* – и попытаться выяснить, какой из них, пройдя через века, нашёл своё логическое завершение в философии исторического материализма.

И первое, на что в этой связи должно быть обращено наше внимание, это – сократовский императив «Познай себя!», который знаменует собой демаркационную линию, разделившую древнегреческую философию на «досократовский» и «сократовский» периоды, и содержание которого раскрывает суть осуществлённого греческой мыслью разворота от проблем натурфилософии с характерной для неё постановкой вопросов о строении космоса и всего сущего к проблеме познания человека.

В частности, вот как на этот счёт расставляют акценты известные историки философии Дж. Реале и Д. Антисери: «Концептуальный антропоцентризм был доступен грекам лишь в определённых рамках. Мы находим его следы в «Воспоминаниях» Ксенофонта как эхо сократических идей. <...> В любом случае, греческая мысль определённно космоцентрична. Человек и космос никогда радикально не противопоставлялись, напротив, всегда соотносились друг с другом, ибо космос понимался как одушевлённый, живой, подобный человеку. И как бы ни были высоко ценимы заслуги и величие людей, они всегда органично вписывались в горизонт космоцентричной картины мира. Реальностью, превышающей космос, человек никогда не был; "есть много других вещей по природе более божественных (совершенных), чем человек, они пребывают среди видимого: например, звёзды, из которых образован универсум" (Аристотель)» [1].

Что ж, всё так, спору нет: греческая мысль в общем и целом действительно космоцентрична, что находит своё выражение в

описанной выше соотнесённости друг с другом человека и космоса, внутри которой космос понимался как одушевлённый, живой, подобный человеку, а человек – как часть космоса, как вещь среди других вещей, которая уже в силу одного этого не могла рассматриваться как реальность, превышающая космос, и потому для большинства античных мыслителей не могла быть предметом особого интереса. Казалось бы, всё так. Однако...

Не всё обстоит так однозначно. Сократовский императив «Познай себя!» свидетельствует о том, что *внутри космоцентричной картины мира*, которую являла собой греческая философия, зарождается и начинает набирать жизнеспособную силу *новое содержание*, нашедшее выражение в *новом принципе*, с развитием и дальнейшим обоснованием которого собственно и будет связано всё последующее конституирование философии как науки о *всеобщем*¹, или, если это выразить языком современной философии – о всеобщих законах развития природы, общества и мышления.

Чтобы не дать себе сбиться с толку и не пойти по стезе обыденных толкований сути сократовского призыва «Познай себя!», редуцирующих процесс познания человека исключительно к *саморефлексии*, обратимся к «Воспоминаниям» Ксенофонта, где, по словам Дж. Реале и Д. Антисери, в виде «эха сократических идей» можно отыскать следы «концептуального антропоцентризма», и выясним, *чьи* же это следы на самом деле и *каким* принципом они оставлены. – Такова главная задача предлагаемого ретроспективно-го анализа.

Эту задачу можно выразить и несколько иначе, представив её в виде вопросов, навеянных одним удивительно глубоким замечанием М. Лифшица, сказанным им по поводу *значимого в науке*: «Сократ не написал ни одной книги, но тень его прошла через века. Отсюда вовсе не следует, что лучший писатель тот, кто вовсе ниче-

¹ Впрочем, в этом же призыве Сократа к человеку *познать себя* таится и великая опасность, исходящая от установки эмпирического сознания, подменяющего подлинно философскую постановку проблемы её вульгарными версиями и редуцирующего суть проблемы, поставленной Сократом, к познанию *внутреннего мира человека*, к некоему *самоанализу*, *самопостижению*, *саморефлексии* и проч.

го не пишет. Отсюда следует только, что в науке больше всего весит сама *мысль, найденная в объективном развитии предмета, подсказанная им* и открытая органом мысли, соразмерным его задаче» (курсив наш – Т. Рагозина) [2, с. 198-199].

Итак, какая же *мысль* на самом деле заключена в сократовском императиве «Познай себя!», которая является настолько значимой для последующих поколений, что она, как связующая нить, преемственно соединяет эпохи, тенью проходя сквозь века и побуждая мыслителей к неустанным поискам? И второе: объективным развитием *какого предмета* была подсказана мысль, нашедшая своё воплощение в призыве к человеку – «Познай себя!»? – Вот два вопроса, на которые нам предстоит найти ответ.

В «Воспоминаниях» Ксенофонта мы видим сразу несколько важных направлений мысли Сократа, которые теснейшим образом пересекаются друг с другом, образуя связанную систему новых идей и взглядов, объединённых единым принципом.

Первое, что необходимо отметить в этой системе взглядов, так это следующее: скептицизм Сократа относительно целесообразности занятий натурфилософскими проблемами и вопросами устройства космоса, выразившийся в том, что «... он и не рассуждал на темы о «природе всего», как рассуждают по большей части другие; не касался вопроса о том, как устроен так называемый философами «космос» и по каким непреложным законам происходит каждое небесное явление» [3, с. 7], – это скептическое отношение вовсе не носило у Сократа характер стихийно сложившейся позиции неприятия или простого пассивного безразличия к подобного рода занятиям. Позиция Сократа – это, с одной стороны, *осознанный отказ* от одной системы взглядов, а с другой – столь же *осознанный выбор* в пользу другой системы взглядов, понятийно и терминологически пусть ещё и не сложившейся в полной мере.

Причём, оба акта построены на определённой аргументации, о чём нам повествует Ксенофонт: «Напротив, он даже указывал на глупость тех, кто занимается подобными проблемами» [3, с. 7], демонстрируя противоречивость результатов их занятий следующим образом: «...одним кажется, что сущее едино, другим, – что оно беспредельно в своей множественности; одним кажется, что всё вечно движется, другим, – что ничто никогда не может двинуться;

одним кажется, что всё рождается и погибает, другим, – что ничто никогда не может ни родиться, ни погибнуть» [3, с. 8].

Кроме того, «занимающимся вопросами о естестве мира», продолжает повествование Ксенофонт, «...он высказывал ещё такое соображение: *кто изучает дела человеческие, надеется осуществлять то, чему научится, как для себя, так и для других, для кого захочет...*» (курсив наш – Т. Р.) [3, с. 8]. Вот ключевой момент, свидетельствующий о рождении *качественно нового взгляда*. Здесь нас не может не поражать *социально-ориентированная, практическая направленность мысли* Сократа, совершенно нетипичная для прежних натурфилософов, которая совершенно явно содержит в себе идейный разворот от главного принципа мифологического сознания: от *космоцентризма* с его *идеей полной тождественности законов, в соответствии с которыми существуют человек и космос, к миру человека* как некоей особой реальности, являющей собой нечто отличное от космоса, от «естества мира» и потому выступающей несравненно более значимым предметом познания.

Этот новый взгляд находит своё развитие в следующих рассуждениях Сократа, адресованных всё тем же мудрецам, «занимающимся вопросами о естестве мира». Причём, нельзя не видеть, насколько эти рассуждения Сократа пронизаны нескрываемой иронией, если не сказать – сарказмом: «Но думают ли исследователи божеских дел, что *они, познав, по каким законам происходят небесные явления, сделают, когда захотят, ветер, дождь, времена года и тому подобное, что им понадобится*, или же они ни на что подобное и не надеются, а им кажется только достаточным познать, как совершается каждое явление такого рода?» (курсив наш – Т. Рагозина) [3, с. 8]

Вот они, гениальные зародыши нового взгляда, которые мы находим у Сократа в виде постановки проблемных вопросов, направленных на понимание принципиальных различий между природным *космическим порядком* и *нравственно-правовым порядком* мира человеческой культуры, а именно: между *вечным и несотворённым характером законов, по которым происходят небесные явления, и невозможностью воспроизведения человеком этих явлений по своему желанию* – с одной стороны, и *руководным по-*

рядком мира человеческой культуры, возникающим как *следствие и результат «дел человеческих»*, – с другой стороны.

Идея *рукотворности / сотворённости нравственно-правового порядка мира человеческой истории и культуры* в отличие от вечного и несотворённого космоса с его непреложными законами – этот гениальный зародыш нового принципа понимания мира, просматривающийся сквозь иронию сократовских аргументов, адресованных натурфилософам (людям, «занимающимся вопросами о естестве мира»), в полной мере почувствовал и по достоинству оценил уже Ксенофонт, посчитав необходимым специально обратиться на это внимание, зафиксировав прямую противоположность указанных позиций весьма назидательным образом: «Вот как он говорил о людях, занимающихся этими вопросами, а *сам всегда вёл беседы о делах человеческих*» (курсив наш – Т.Э.) [3, с. 8]. Почему же беседы о делах человеческих были лейтмотивом всех сократовских размышлений, явно выделявшим его как мыслителя среди его современников и предшественников? Ответ звучит просто, он заложен в приведённых выше словах Сократа: «...*Кто изучает дела человеческие, надеется осуществлять то, чему научится!*»!

Эта идея Сократа о человеке как создателе своих творений, мысль о возможности воспроизведения человеком форм и способов человеческой деятельности, то есть, того социального порядка (нравственного и правового), в соответствии с которым устроен мир человека и по законам которого, в отличие от порядка космического, протекает жизнь людей, – есть не что иное, как идея, вошедшая в явное противоречие с миром грёз и мечтаний мифического сознания.

Согласно последнему «...всё, что выходило из рук человека, окружало его как непостижимая тайна. Ему была чужда мысль считать себя создателем своих творений. Они возвышались не только над ним самим, - справедливо подчёркивает Эрнст Кассирер одну из особенностей мифического сознания, - но и над всем тем, что был в состоянии произвести весь его род. И если человек приписывал им какое-то происхождение, то оно могло быть только мифическое. Их сотворил Бог; спаситель принёс их с небес и научил людей пользоваться ими. Такие мифы о культуре встречаются в мифологиях всех времён и народов. То, что человеческое умение произвело в течение веков и тысячелетий, было не просто результатом

удавшихся действий, но дарами свыше. У каждого орудия было такого рода небесное происхождение» [4, с. 8-9].

И вот (непостижимо, но факт) в рамках сугубо *мифического толкования и мифической картины мира*, служивших материнской утробой, внутри которой зародилась и первоначально развивалась греческая философия, возникает и заявляет о себе зародыш иного мировоззрения – рациональный способ мышления, базирующийся на познании мира человеческой культуры, на «...изучении дел человеческих», дабы «...осуществлять то, чему научится», – принцип, призванный разрушить изнутри не только мифическую картину мира с её идеей полной соотнесённости космического и нравственно-правового порядков, не знающей никаких качественных отличий между ними, но и повлиять на средневековую картину мира с её идеей Бога-творца. И пусть это было только *начало*, возвестившее о свершившейся великой смене эпох в развитии человеческого духа, однако такое, которому было суждено развиваться и, пережив века, обрести зрелые исторические формы.

Указывая на то, что «Сократ ... являл собою друзьям образец высоконравственного человека и вёл превосходные беседы о добродетели и о других обязанностях человека» [3, с. 12], Ксенофонт на удивление тонко передаёт основную интенцию мыслей Сократа, всякий раз воспроизводя за конкретным содержанием различных бесед их общий фон, в качестве коего выступала проблема: *как устроены дела человеческие?* – вот тот стержневой вопрос, который выделяет Сократа как зачинателя новой философии из всей плеяды его современников.

Этот фон (*как устроены дела человеческие?*) совершенно отчётливо просматривается за попытками Сократа нащупать и поставить вопрос о таких специфически *социальных коллективных образованиях*, которые, наподобие природных законов, являют собой *логос* социального мира, образуя внутреннее устройство общественной жизни, некий невидимый глазу каркас, скрепы, на которых зиждется общественная жизнь человека, – словом, то, что сегодня мы называем системой культурных, социальных норм. Причём, он ставит этот вопрос во *всеобщей форме*.

Так, ведя «беседы о делах человеческих», о том, как устроена жизнь людей, в отличие от природного универсума, Сократ имеет в виду не отдельные поступки и деяния того или иного человека

и, тем более, не мотивы и желания, которыми руководствуются отдельные люди, а пытается обнаружить скрытое за отдельными делами и поступками нечто *всеобщее* и *типичное*: «...он исследовал, - уверяет потомков Ксенофонт, - что благочестиво и что нечестиво, что прекрасно и что безобразно, что справедливо и что несправедливо, что благоразумие и что неблагоразумие, что храбрость и что трусость, что государство и что государственный муж, что власть над людьми и что человек, способный властвовать над людьми, и так далее...» [3, с. 8]. Иными словами, Сократ ищет, находит и пытается зафиксировать не что иное, как *всеобщие формы социальности*, в рамках которых протекает жизнь человека. *Всеобщие социальные формы*, определяющие наши дела и поступки, – вот чем всецело поглощён Сократ в своих беседах, вот на что направлен его познавательный интерес.

Однако этим поворотом мысли основная интрига, касающаяся существа взглядов Сократа на *устройство дел человеческих*, ещё далеко не исчерпывается, ибо с этого момента перед ним с необходимостью встаёт другая главная проблема – об *источнике* возникновения этих социальных форм. Каково их происхождение, откуда и как они берутся? Кто и как их создаёт? Означает ли наличие в мире человеческой культуры *целесообразного порядка «дел человеческих»*, о которых повествует Сократ и на примере которых развивает своеобразную *телеологию истории*, – означает ли это, что в человеческом мире всё происходит в *соответствии с человеческим рассудком*? Вот главный и основной, собственно *философский* вопрос, которым задаётся Сократ, – вопрос, который он впервые в истории философской мысли артикулирует в явной форме и который тенью пройдёт через века. Вопрос о том, *какие силы движут миром человеческой истории, от чего* зависит ход её событий, *что* в ней первично ².

² Весьма показательно, что проблема познания «природы» человека и его специфического образа жизни, ставшая в эпоху Просвещения одной из важнейших тем, волновавших европейскую общественную мысль, также неизбежно повлекла за собой рождение новой формы постановки *основного вопроса философии*, очертив его общие контуры и сформулировав как «вопрос о том, *что* является определяющим фактором развития человеческой истории: *сознательная деятельность людей* или *всеобщие*

Какой же ответ даёт Сократ? Его ответ лежит в плоскости разграничения двух взаимосвязанных, но всё же принципиально отличных друг от друга наличных форм существования целесообразности – *субъективной и объективной*, обнаруживающих себя в реальной жизни человека двояким образом, а именно: 1) в виде конкретных дел и результатов, которые вполне подвластны человеку и зависимы от его рассудка, ибо достигаются на основе знаний, которыми человек вполне может овладеть, и 2) в виде более отдалённых результатов и последствий дел человеческих, о которых людям не дано знать, которые они не могут предвидеть и которые, стало быть, им неподвластны.

В частности, «...чтобы стать хорошим плотником, кузнецом, земледельцем, начальником над людьми, а также хорошо в этих делах разбираться, <...> – всеми такими знаниями, думал он, может овладеть, конечно, и человеческий ум; но самое главное в них, говорил он, боги оставляют себе, и ничего из этого люди не знают. Так, например, тот, кто образцово засадил для себя деревьями участок земли, не знает, кто будет собирать плоды; кто построил себе превосходный дом, не знает, кто будет жить в нём; <...> человек, опытный в государственных делах, не знает, полезно ли стоять во главе государства; <...> породнившийся через брак с влиятельными лицами в городе не знает, не лишится ли он через них отечества» [3, с. 6]³.

формы, в которых она осуществляется» [5, с. 22]. Собственно говоря, это создавало возможность также и постановки вопроса об отношении духа /разумных форм организации жизни человека, к природе / природному естеству).

³ Сегодня невозможно не видеть, какими гениальными отголосками отозвалось эхо сократовских идей в великих учениях Гегеля и К. Маркса. Так, в лекциях по философии истории Гегель следующим образом объясняет возникновение объективной динамики истории: «...во всемирной истории, - пишет Гегель, - благодаря действиям людей вообще получают-ся ещё и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется ещё и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения» [6, с. 27].

Как видим, Сократ весьма убедительно проводит разграничительную линию между *субъективной целесообразностью* поступков и действий отдельных лиц и *объективно-целесообразным* характером общего хода событий, делая в итоге два колоссальной важности вывода. Первый гласит, что «...если кто воображает, будто в подобных случаях нет ничего зависящего от бога, а всё будто бы зависит от человеческого рассудка, тот – безумец...» [3, с. 6] «Безумец!» – это звучит как приговор *всякому антропоцентризму!* Поэтому взгляды Сократа при всём желании невозможно записать ни по ведомству *стихийного*, ни по ведомству «*концептуального антропоцентризма*», как посчитали возможным их квалифицировать упомянутые нами выше авторы – Дж. Реале и Д. Антисери.

Второй важный вывод Сократа связан с осмыслением природы целесообразности второго типа – *объективной целесообразности*, которая обнаруживает себя в виде отдалённых результатов дел человеческих, о которых людям не дано знать, которые они не могут предвидеть и которые в силу этого не только неподвластны им, но ещё и сами заставляют людей считаться с ними. В этой связи большое значение имеет следующее свидетельство Ксенофонта о взглядах Сократа: «... его вера в промысел богов о людях, - утверждает Ксенофонт, - была не такова, как у большинства людей. <...> Сократ был убеждён, что боги всё знают, – как слова и дела, так и тайные помыслы, что они везде присутствуют и дают указания людям обо всех делах человеческих» [3, с. 9].

В данном случае важно понимать, что указанные взгляды Сократа о богах и их роли в общественной жизни – это отнюдь не обыденные представления мифического сознания, характерные для его современников, на что справедливо обращает внимание А. Ф. Лосев, давая следующую оценку этим взглядам: «...учение Сократа о промысле и провидении решительно порывало с наивным *политеизмом* и приобретало вид философской *телеологии*. Сократ признавал общий разум в практических целях – для объяснения наглядно видимой целесообразности, не объяснимой ссылкой на случайность» [7, с. 50].

Дело в том, что убеждение Сократа в существовании тотального попечительства богов о людях есть по сути дела первое в истории философской мысли представление о наличии в общественной жизни людей некоей надындивидуальной, надличной, *безы-*

мянной социальной силы, обуславливающей деяния людей, управляющей всем ходом событий и приводящей к определённым результатам⁴.

Как всякий первопроходец, Сократ вынужден был вести свой поиск наощупь, сталкиваясь со множеством трудностей, связанных с вычленением, фиксацией и выражением в понятийной форме особенностей такого нового предмета познания, как *всеобщие социальные формы*, существующие в любом обществе в виде системы нравственных, политико-правовых и прочих норм, из которых соткан мир человека. В частности, сложность вычленения и исследования этих *социальных образований /системы норм* состояла и состоит в том, что им присущ особый *способ бытия*. Дело в том, что такого рода образования, с точки зрения способа своего существования, есть *нечто идеальное* или, говоря языком марксизма и немецкой классической философии, нечто «чувственно-сверхчувственное». Однако, эта идеальная форма бытия *норм*, качественно отличающая их от способа бытия вещей, предметов и явлений чувственного мира, ничуть не отменяет их онтологического статуса *объективных социальных образований*.

Более того, в известном смысле можно утверждать, что социальные нормы обладают куда большим объективным бытием, нежели мир чувственных вещей. Дело в том, что нормы не просто принадлежат той же самой объективной реальности, существующей вне нас, что и остальной чувственно-предметный мир культуры, созданный человеком, но и, в дополнение к этому, обладают *объективно-принудительной силой закона*, выступая в качестве пусть и «безымянной и безличной», но при этом весьма могуще-

⁴ В этом смысле средневековый христианский провиденциализм Августина является вовсе не первой исторической формой объективно-телеологических взглядов на общественную историю людей. Более того, модель понимания истории, сложившаяся на рубеже поздней Античности и раннего Средневековья в учении *А. Августина*, заслуга которого, согласно оценке Г. Г. Майорова, состоит в том, что «...он впервые рассмотрел всю историю человечества как единый, закономерный и объективный процесс, встроенный в процесс эволюции мира в целом» [8, с. 330], оказалась логически возможной в том числе благодаря Сократовской идее о попечительстве богов людям.

ственной силы, которая задаёт содержание и определяет способы протекания нашей деятельности.

Как тут не вспомнить великого немецкого философа первой половины XX века Николая Гартмана, который удивительно тонко подметил следующее: «коллективные образования (а нормы – это и есть социальные образования, возникшие как результат совместной, коллективной деятельности людей – Т. Р.) ... в самом жизненном опыте оказываются весьма ощутимой реальной силой. Кто нарушает их закон, может почувствовать на себе всю их жёсткость. И уж тем более в историческом аспекте именно в них осуществляется изменение и становление, а индивид вовлечён в эти события, как в единую жизнь более высокого порядка» [9, с. 194].

Так вот, значение и масштаб фигуры Сократа состоят в том, что он, обратив свой познавательный интерес к миру человека, первый наткнулся на эту особую, «чувственно-сверхчувственную» реальность, обладающую идеальным бытием, – на «коллективные социальные образования», которые представляют собой весьма «ощутимую реальную силу» – *Логос* социального мира.

Иначе говоря, убеждение Сократа в существовании надличной, безымянной *социальной силы*, в соответствии с указаниями которой совершаются все дела человеческие и которая (в лице богов) господствует над человеком как некая необходимость, определяя общий ход событий, не зависящий от устремлений человеческого рассудка, – это убеждение есть не что иное, как исторически первое, зародышевое представление об *объективном и закономерном характере человеческой истории*, пусть и существующее пока ещё в превращённой форме – в оболочке мифических представлений.

Зато с высоты сегодняшнего дня видно, какие ростки и всходы дало это зародышевое представление и какими отголосками сегодня звучит «эхо сократовских идей» в великом учении К. Маркса и Ф. Энгельса об истории как «общем итоге» множества разнонаправленных действий людей, существующем в виде безымянной и надличной *социальной силы*, обретающей статус *объективного субъекта истории*⁵.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс в принципиальном плане высказались по этому вопросу ещё в «Немецкой идеологии» (1845 г.): «Социальная сила, т. е.

Как бы то ни было, но поставленная Сократом задача познать, как устроен мир человека, по каким законам осуществляется его нравственный и правовой порядок, – эта задача, будучи теснейшим образом сопряжена с основополагающим принципом *Логоса*, который лёг в основу всей греческой философии и позволил ей развиваться, в итоге обусловила такой финал, когда «...пёстрые и амбивалентные творения мифотворческой фантазии были подвергнуты наконец испытанию мыслью и, тем самым, лишены своих корней» [4, с. 10].

Иначе говоря, вслед за первым великим достижением натурфилософов⁶, связанным с выработкой ими понятия *Логоса*, второе

умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, – эта социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединённая сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, – напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение» [10, с. 33].

Именно этот момент, одинаково разделяемый и Гегелем, и Марксом, является тем отправным пунктом, который только и позволяет философии уйти от субъективистского взгляда на историю и встать на путь открытия объективных законов её развития. Детальное обоснование этого тезиса читатель может найти в статьях Рагозиной Т.Э. «Проблема человека как предмет философской рефлексии» [11, с. 35-45] и «Проблема субъекта истории как системообразующий принцип философской рефлексии» [12, с. 47-56].

⁶ «...Исходный пункт и цель этой колоссальной работы, – говорит Э. Кассирер о достижении натурфилософской, досократовской мысли, – оказывается связанной с неким основополагающим принципом, который лёг в основу и позволил развиваться греческой философии. Принципом, сыгравшим такую роль в греческой философии, стало понятие *Логоса*» [4, с. 10]. Если мы обратимся к ранним работам К. Маркса, то найдём схожую оценку значимости идей античной философии о *логосе* / о *законе* как *едином и всеобщем*: «...первые греческие мудрецы являются подлинным духом субстанции, воплощённым знанием о субстанции...» [13, с. 55].

величайшее достижение античной мысли было связано с открытием Сократом специфичного *Логоса социального мира*, что в целом ознаменовало собой великую смену эпох в истории духовной жизни древности, заложив основы *рационального способа мышления о мире*.

Анализ содержания целого ряда приводимых Ксенофонтом мыслей и рассуждений Сократа, позволяет определённо утверждать, что этот *рациональный способ мышления о мире* в учении Сократа связан вовсе не с «концептуальным антропоцентризмом», а с зародышевой, исходной формой идеи *социоцентризма*, с идеей *объективного субъекта истории*. И тот факт, что указанная идея первоначально возникает ещё не в своей адекватной, исторически зрелой и чистой форме – как некое *понятие об объективном законе общественного развития, не зависящем от воли и сознания людей*, а выступает пока в оболочке мифических представлений, неся на себе их отпечаток и разделяя с ними своеобразие ограниченности их исторического содержания, – всё это ничуть не отменяет того обстоятельства, что она выступила той идеей, которая была принципиально противопоставлена Сократом не только *космоцентризму*, но и всем возможным формам и будущим разновидностям *антропоцентризма*, навсегда став их антиподом.

Социоцентризм императива «Познай себя!» родился на свет как великое предчувствие Сократа: предчувствие *всеобъемлющего объективного порядка в мире человеческой истории – предчувствие объективного субъекта истории!* Отголоски этого великого предчувствия, позволившего в конечном итоге конституировать философскую мысль как науку о *едином и всеобщем*, нескончаемым эхом отзвучат во всех последующих великих социоцентристских доктринах, начиная с учения Аврелия Августина и заканчивая учениями Гегеля и Маркса.

Список литературы

1. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 2. Средневековье / Дж. Реале, Д. Антисери. – Пер. с итальянского С. Мальцевой, научный редактор Э. Соколов. – ТОО ТК "Петрополис", 1995. – 368 с.

2. Лифшиц М. Человек тридцатых годов / М. Лифшиц // В мире эстетики. – М.: Изобразительное искусство, 1985. – С. 189-313.
3. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Ксенофонт. – М.: изд-во Наука, 1993. – 379 с.
4. Кассирер Эрнст. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардари-ка, 1998. – 784 с. (Лики культуры)
5. Рагозина Т. Э. Культура как явленная метаморфоза первичной реальности / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2015. № 1-2 (1-2). – С. 7-24.
6. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VIII. Философия истории / пер. А. М. Водена, под ред. и с предисловием Ф. А. Горохова. – М. ; Л. : Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. – 470 с.
7. Лосев А. Сократ / А. Лосев // Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР ; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1970. – Т. 5 : Сигнальные системы – Яшты. – С. 49-51.
8. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии (латинская патристика) / Г. Г. Майоров. – М. : Мысль, 1979. – 431 с.
9. Гартман Н. К основоположению онтологии / Н. Гартман ; пер. с нем. Ю. В. Медведева. – Санкт-Петербург: «Наука», 2003. – 639 с.
10. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 3. – С. 7-544.
11. Рагозина Т. Э. Проблема человека как предмет философской рефлексии // Философия и культура в гуманитарном дискурсе / Отв. ред. Сулимов С. И. – Воронеж : Воронежский ЦНТИ, 2021. – С. 35-45.
12. Рагозина Т. Э. Проблема субъекта истории как системообразующий принцип философской рефлексии / Т. Э. Рагозина // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы межд. научной конференции; Отв. ред. Т.Э. Рагозина. – Донецк, 2017. – С. 41-56.
13. Маркс К. Тетради по эпикурейской философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1975 – Т. 40 – С. 21-140.

T. E. Ragozina

(doctor of philosophy, associate Professor)
Donetsk national technical University
(Donetsk, Donetsk people's Republic)
E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

**THE HUMAN PROBLEM
AS AN "ECHO OF SOCRATIC IDEAS"**

***Annotation.** The article is devoted to the consideration of the human problem through the prism of the analysis of the content of the Socratic imperative "Know yourself!". The author tries to clarify the question of which of the two competing principles - anthropocentrism or sociocentrism – plays a leading role in the teachings of Socrates, which marked the reversal of Greek thought from the problems of natural philosophy to the problem of human cognition.*

***Keywords:** man, society, history, cosmocentrism, anthropocentrism, sociocentrism.*

УДК 141.33

М. М. Кухтин

(к.полит.наук, доцент)

Донецкий национальный университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА У МАЙСТЕРА ЭКХАРТА И КАРЛА МАРКСА

Аннотация. В тезисах анализируются представления Майстера Экхарта и Карла Маркса о сущности человека. Делается вывод, что дихотомия обладания-бытия и программа развития человеческого потенциала, занимающие столь видное место в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», в неявном и менее развитом виде присутствовали уже в неортодоксальной мистике позднего европейского Средневековья. Доказывается, что с классовой точки зрения Майстер Экхарт воплощал прогрессивные тенденции общественного развития.

Ключевые слова: Карл Маркс, Майстер Экхарт, отчуждение, эмансипация, обладание и бытие.

Энциклопедия «Британника» пишет о Майстере Экхарте: «Во второй половине XX в. большой интерес к Экхарту проявляли некоторые марксистские теоретики и дзэн-буддисты» [1]. В данном утверждении устанавливается непосредственная связь между весьма несходными интеллектуальными традициями, что может показаться слишком смелым. Целью данных тезисов является проверка его первой части методами материалистической диалектики.

Эрих Фромм в произведении «Быть человеком» так характеризует общие черты Майстера Экхарта и Карла Маркса: «Оба отличались антиавторитарным радикализмом и были сторонниками независимости человека, активного использования им присущих ему сил, жизни против смерти, бытия против обладания. Для обоих разум был высочайшей способностью человека» [2, с. 121]. Стремясь сблизить двух мыслителей, Фромм заходит еще дальше и приписывает немецкому мистiku скрытый атеизм, а основателю научного коммунизма – пророческие, мессианские тенденции [там же]. Последнее замечание является достаточно рискованным, однако в его первой части можно найти рациональное зерно, проанализировав классовые корни учения Майстера Экхарта.

Средневековые западноевропейские ереси нередко в фантастической форме выражали интересы народных масс, выступавших против феодализма и неразрывно связанной с ним официальной церкви [3, с. 117-120]. Взгляды Экхарта были осуждены папой Иоанном XXII, который находился в полной политической зависимости от Франции, а также был известен своими интригами и страстью к накопительству [3, с. 156-160]. Наконец, его самого не без оснований подозревали в ереси [4]. При этом в современном католицизме неортодоксальный немецкий мыслитель, по крайней мере, не является одиозной фигурой [5], а его сановный оппонент удостоился ряда положительных оценок [6].

Экхартом интересовались многие философы, далекие от коммунизма (Артур Шопенгауэр, Эмиль Чоран, Умберто Эко), однако здесь нет противоречия с тем, что утверждает Фромм. И нигилизм, и постмодернизм можно рассматривать как отражение общего кризиса капитализма в сознании людей, которые не видят выхода из него (в данной связи стоит вспомнить представления Д. Лукача о Шопенгауэре как предвестнике империализма [7, с. 176, 193]).

Для Фромма основная черта сходства двух мыслителей – дихотомия бытия и обладания, причем только первое признается правильным модусом человеческой жизни: «Экхарт отвергает собственническую структуру существования как зло, стоящее на пути к свободе человека, его живости, нахождению себя» [2, с. 133]. Интересно сравнить это со знаменитым отрывком из «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» К. Маркса: «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем... <...> на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение *всех* этих чувств – чувство *обладания*» [8, с. 592].

Разумеется, остается фундаментальная противоположность между мистикой и материалистической диалектикой, однако она имеет диалектический характер и не сводится к простому взаимному отрицанию.

Некоторые современные исследователи отдельно подчеркивают, что Маркс понимал религию как необходимый момент развития человеческого разума, а Вальтер Беньямин и вовсе считал, что религия и исторический материализм сотрудничают в про-

странстве всемирной истории: первая дает трансценденцию, второй – связь теории с практикой [9, с. 34].

По мнению М. Хоркхаймера, первоначальная благая весть христианства (по сути, протест против угнетения и солидарность с его жертвами) была быстро искажена богословами, которые защищали интересы господствующего класса своего общества [9, с. 38]. В данном контексте учение Экхарта можно рассматривать как своеобразную попытку вернуться к первоначальному христианству, снова актуализировав модус бытия без обладания, предложив массам веру, которая не станет духовным оружием эксплуататоров. Интересно, что доминиканский орден, к которому принадлежал мыслитель, относился к категории нищенствующих. В XIII-XIV вв. Церковь активно стремилась поставить под свой контроль новые религиозные ордена, так или иначе смыкавшиеся с массовыми движениями за социальную справедливость, причем последние нередко принимали форму ересей.

С другой стороны, существует связь между гуманистической религиозностью и нетеистическим религиозным опытом [9, с. 40]. Это отчасти доказывает пример Л. Фейербаха, повлиявшего не только на классиков марксизма и русских революционных демократов, но и, среди прочего, на диалектическую теологию [10], стремившуюся в обход оформленной религии, через «прыжок веры» прийти к неопостижимому, фактически лишенному конкретных качеств Богу [11].

Немецкий философ-неомарксист Э. Блох также считал, что Экхарт отчасти предвосхитил идеи Маркса. Оба мыслителя хорошо знали книги древнееврейских пророков и полагали, что «сострадание означает справедливость» [12]. Экхарт выступал за духовную эмансипацию масс [13, с. 174-179], а это уже революционный призыв, потому что «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями» [14, с. 45]. Кроме того, по словам современного протестантского богослова М. Фокса, немецкий мистик, по сути, верил в имманентность царства Божия («Царствие Божие внутри вас есть») и возможность построить его на земле [12]. Упоминание Э. Блохом пророческих текстов Ветхого Завета вполне закономерно. Оставаясь на почве рабовладельческого мировоззрения, пророки, тем не менее, резко выступали против сверхэксплуатации и закабаления угнетенного свободного

населения, что сыграло свою положительную роль в тогдашнем обществе [15, с. 539-541].

Мистика Майстера Экхарта отражала как материальные противоречия феодального общества, так и нараставшую критику его господствующей идеологии, воплощенной в схоластически оформленном католицизме. Произведения мыслителя не свободны от ограничений эпохи, однако их многослойность позволила косвенно выразить некоторые революционные концепции, сохраняющие актуальность и сегодня.

Список литературы

1. Schürmann R. Meister Eckhart / R. Schürmann // Encyclopaedia Britannica. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/biography/Meister-Eckhart> (дата обращения: 19.09.2021).
2. Фромм Э. Быть человеком / Э. Фромм // Быть человеком. Концепция человека у К. Маркса. – М.: АСТ, 2020. – С. 7-189.
3. Лозинский С. Г. История папства / С. Г. Лозинский // Библиотека атеистической литературы. – 3-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1986. – 382 с.
4. Douie D. L. John XXII / D. L. Douie // Encyclopaedia Britannica. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/biography/John-XXII> (дата обращения: 21.09.2021).
5. Шишова Т. Экхарт / Т. Шишова // Католическая энциклопедия. В 5 т. – М.: Издательство Францисканцев, 2013. – Т. 5. – С. 456-459.
6. Задворный В. Иоанн XXII / В. Задворный // Католическая энциклопедия. В 5 т. – М.: Издательство Францисканцев, 2005. – Т. 2. – С. 322-323.
7. Lukacs G. Die Zerstörung der Vernunft. Bd. 1. Irrationalismus zwischen den Revolutionen / G. Lukacs. – Darmstadt und Neuwied: Luchterhand, 1973. – 272 p.
8. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс // Из ранних произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – С. 517-642.
9. Siebert R. J. The Critical Theory of Religion: From Having to Being / R. J. Siebert, M. R. Ott, D. J. Byrd // Critical research on religion. – 2013. – I (1). – P. 33-42.
10. Фейербах // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/philosophy/text/4707952> (дата обращения: 05.10.2021).
11. Аверинцев С. С. Диалектическая теология / С. С. Аверинцев // Диалектическая теология. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/philosophy/text/1954442> (дата обращения: 05.10.2021).

12. Fox M. Meister Eckhart: Mystic Critiquing Unjust Economic Consciousness / M. Fox // Daily Meditations with Matthew Fox. – Режим доступа: <https://dailymeditationswithmatthewfox.org/2020/05/26/meister-eckhart-mystic-critiquing-unjust-economic-consciousness/> (дата обращения: 04.10.2021).
13. Майстер Экхарт. Трактаты. Проповеди / Майстер Экхарт // Литературные памятники. – М.: Наука, 2010. – 438 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – С. 7-544.
15. Дьяконов И. М. Древнееврейская литература / И. М. Дьяконов // Библиотека всемирной литературы. Т. 1. Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 537-550.

M. M. Kukhtin

(Candidate of Political Sciences, Associate Professor)

Donetsk National University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

**MAN'S ESSENCE IN MEISTER ECKHART
AND KARL MARX**

Annotation. The ideas of Meister Eckhart and Karl Marx about the essence of man are examined in the points. It is concluded that the possession-being dichotomy and the human development program, which occupy such a prominent place in the "Economic and Philosophical Manuscripts of 1844", were already implicit in a less developed form in the unorthodox mysticism of the late European Middle Ages. It is proved that, from the class point of view, Meister Eckhart embodied the progressive tendencies of social development.

Key words: Karl Marx, Meister Eckhart, alienation, emancipation, possession and being.

УДК 130.2

А. В. Максименко

(аспирант кафедры философии)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: a_teacher@bk.ru

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ

***Аннотация.** В статье рассмотрена проблема сущности человека с позиции трудовой теории антропосоциогенеза; проанализировано действительное содержание философской категории «труд» в марксизме в отличие от ее экономической трактовки, широко распространённой в постмарксовской философии советского периода; выдвинуто предположение о социальной сущности человека, благодаря которой человек формирует себя как личность в процессе всестороннего общения с другими индивидами.*

***Ключевые слова:** трудовая теория антропосоциогенеза, социальная сущность человека, марксистская концепция труда, универсальность человека.*

Труд – источник всякого богатства < ... > Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он – первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека.

– Фридрих Энгельс⁷

В своей знаменитой статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Ф. Энгельс, опираясь в целом на данные современного ему естествознания и тогдашней антропологии, обстоятельно развил и обосновал тезис о том, что труд создал са-

⁷ Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – Огиз: ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941. – С. 134.

мого человека. Это, конечно же, нисколько не отменяет необходимости развёрнутого философского обоснования этого положения сегодня. Сегодня, как и в предшествующие эпохи, в повестку дня встаёт вопрос о том, что такое человек, в чём его сущность и предназначение, каким образом труд оказывает своё формирующее влияние на становление человека?

Анализ сущности человека, как одной из самых важных проблем философии, является особенно актуальным в переходные периоды развития истории. Поскольку такой анализ оказывается возможным при условии понимания действительной природы, происхождения и сущности человека, постольку целью данной статьи является рассмотрение вопроса о труде как основе и необходимом условии возникновения человека, общества и культуры, то есть – с позиции трудовой теории антропосоциогенеза. Вряд ли можно надёжно обосновать эту концепцию, не углубившись в «предысторию» труда.

Проблема философского обоснования труда как универсальной основы, субстанции-субъекта истории становления человека, общества и культуры была поставлена марксизмом, но ввиду разных причин не получила должного осмысления и основательного теоретического обоснования в *послемарксовской философии советского периода*.

Согласно Т. Э. Рагозиной, временный отход философского сообщества в конце XX – начале XXI вв. от трудовой теории антропосоциогенеза возник в результате «...упрощённой и односторонней трактовки советскими философами Марксовой концепции труда как основы общества и истории, когда действительное содержание труда как субстанции общественно-исторического процесса оказалось усечённым до объёма одной из его сторон, одной из особенных форм его существования – *орудийной деятельности*» [2, с. 16], протекающей по схеме «цель – средство – результат».

Если мы обратимся к известной статье А. Г. Спиркина «Труд» из «Философской энциклопедии», то увидим, что именно в этом ключе А. Г. Спиркин, пытаясь передать суть Марксовых взглядов на труд, трактует сущность труда, выделяя следующие основные его структурные элементы: «...всякий труд, - пишет автор статьи, - включает в себя три момента: целесообразную деятельность человека, предмет труда и орудие труда» [3, с. 262]. Со-

гласно точке зрения А. Г. Спиркина, категориальная схема «цель – средство⁸ – результат» как раз и выражает суть марксистского понимания роли труда как основы общества и истории. Однако, указывает Т. Э. Рагозина, данная категориальная схема была выработана задолго до Маркса и активно использовалась ещё в эпоху Просвещения философской и политэкономической мыслью в качестве объяснительной формулы, «отражающей механизм *индивидуальной деятельности человека*» [4, с. 22].

Будучи общепринятой в течение многих лет, такая трактовка марксистской концепции труда как основы истории общества и культуры не давала и не могла дать ответ на главный вопрос о становлении человека и общества, ибо содержала в себе неразрешимое логическое противоречие.

В частности, трактовка труда, осуществляющегося по формуле «цель – средство – результат», предполагает, что *цель* предшествует всему процессу труда и его результату в качестве некоей идеальной модели, способа действий индивида и, следовательно, неизбежно предполагает «...наличие готового человека с готовым сознанием, – человека, уже способного отличать себя от природы и противопоставлять себя окружающему миру» [4, с. 23].

Сведение труда к одной из его частных форм – к орудийной деятельности, протекающей по схеме «цель – средство – результат», создавало неразрешимую логическую коллизию в решении проблемы антропогенеза, загоняя проблему происхождения человека и его сознания в тупик. Схожая ситуация складывалась и в психологии. К примеру, в психологической теории деятельности данный вопрос выражается в принципе единства сознания и деятельности: «С одной стороны, сознание развивается в трудовой деятельности, а с другой – сознание определяет характер и содержание труда, так как трудовая деятельность реализуется человеком, который может её совершенствовать» [5, с. 12].

Цель в психологии труда является идеальной формой представления результатов деятельности, которая складывается у человека до начала осуществления деятельности и в дальнейшем оказывает влияние на все ее содержание, т.е. труду как материальной

⁸ Предмет труда и орудие труда, взятые вместе, образуют то, что принято выражать философской категорией «средство».

деятельности всегда предшествует сознание в виде наличия цели и целевых установок. Аналогичную мысль можно найти и в упомянутой статье А. Г. Спиркина «Труд»: «Цель предваряет во времени и регулирует сам процесс труда» [3, с. 262]. В связи с таким пониманием нередко можно встретить утверждение, например, что сознание первично по отношению к труду, т.е. без определенного интеллектуального начала невозможна регулярная трудовая деятельность.

Данное противоречие заставило современную науку искать различные доказательства данной точки зрения на пути редукции сущности труда как целесообразной деятельности человека к более простым и неразвитым формам, предшествующим ему. Соответственно, это порождало нездоровое творчество и поиск все новых терминов для обозначения указанных форм, как-то: «предсознание» (Е. Зеленов, Н. Наричин, Р. Фрейджер и др.), «предтруд» (К. Э. Фабри, Г. Х. Шафикова, О. И. Саламатина, В. Ильин и др.), «предречь» (А. Леонтьев, Е. Соколова и др.). Однако, *редукционизм* в целом как способ объяснения высшей формы существования предмета исследования за счёт сведения её к низшим формам существования оказался не только не способным объяснить факт происхождения человеческого сознания и целесообразности как таковой, но и продемонстрировал свою полную методологическую несостоятельность.

Теоретический кризис в решении проблемы обоснования труда как реальной основы становления общества и человека произошёл во многом из-за того, что в трудах отечественных философов категория «труд» рассматривалась некритически и в большей мере не как философская, а как экономическая категория, ставшая абстрактно-всеобщим выражением экономической точки зрения на труд как на процесс, производящий *вещи* – общественное богатство, в силу чего труд в самом начале эпохи Просвещения собственно и стал предметом классической буржуазной политэкономической науки⁹.

⁹ Подробнее об отличии философской категории «труд» от «труда» как политэкономической категории можно найти в статье Рагозиной «О философском обосновании труда, или: о необходимости критического сведения счётов с недавним философским прошлым» [4, с. 20-35].

В рамках философского анализа труд следует рассматривать не только как процесс, производящий *предметное богатство* (вещи и материальные средства, необходимые для жизни человека), но и как процесс, производящий *общество*, то есть саму *форму связи* индивидов друг с другом, объективно складывающуюся в этом процессе труда как *способ их совместной деятельности* – способ, ведущий к нужному им всем результату, овладение которым и было не чем иным, как процессом становления первобытных коллективных форм мышления. В этом смысле марксизм и рассматривает труд как деятельность, социально обуславливающую становление человека разумного, в целом – как основу истории общества и культуры.

Несомненно, отечественная антропология и историческая наука столкнулась с указанными трудностями при анализе антропосоциогенеза, которые обусловлены упрощенным пониманием человеческой сущности, редукционистским толкованием труда, сводящим всё его содержание исключительно к форме целесообразной орудийной деятельности. На деле, и мышление вместе с членораздельной речью, и изготовление человеком вещей и предметов в процессе целесообразного преобразования природы, и производство формы общественной связи между людьми, – все они, взятые в своей отдельности ещё не выражают исчерпывающим образом сущность и содержание труда, являясь в то же время его необходимыми моментами и сторонами. «Труд – это способ существования и развития человека, процесс производства людьми собственной материальной жизни и сущности. Продуктом, а стало быть, предметом и средством труда являются сами люди» [6, с. 208].

Человек в этом ключе является социальным индивидом, производящим свою жизнь посредством преобразования материального мира, и развивается в рамках социальных отношений. Вместе с тем, как утверждает В. В. Корякин, человек является помимо прочего индивидуальным существом, универсальная, родовая и индивидуальная сущность которого раскрывается в системе таких сущностных свойств, как труд, мышление, общение, способности, потребности и т.д. Однако далее возникает главный вопрос теории антропосоциогенеза, поставленный еще К. Марксом и

Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии»¹⁰, а именно: каким образом человек превращает себя в предмет своей преобразовательной деятельностью [7, с. 27-28].

А. Арсеньев, исследуя идеи К. Маркса относительно природы человека, констатирует, что «орудийный характер предметной деятельности делает человека независимым от ограниченного характера его естественных органов действия: рук, зубов и т. д. Приспосабливая в качестве орудий предметы и силы природы, человек заставляет природу воздействовать на саму себя, и такой способ действия в принципе ничем не ограничен, кроме самой природы. Поэтому человек – это потенциально универсальное, всеобщее, бесконечное существо» [8, с. 12].

Универсальность человеческой сущности может определяться, согласно Арсеньеву, его потенциалом, однако человек сущностно незавершён. «Противопоставляя, например, универсальности человека (как задаче будущего) его ограниченность в условиях капиталистического разделения труда, К. Маркс называл человека «частичным». История, следовательно, выступает как процесс разрешения противоречия между потенциальной универсальностью человека и его актуальной ограниченностью в каждый данный момент. Человек, по К. Марксу, существо, родовая сущность которого не даётся ему вместе с биологической наследственностью. Он должен стать личностью в процессе своего индивидуального развития, активно осваивая исторические формы материальной и духовной культуры через своё включение в мир человеческих отношений» [8, с. 13]. Т.е., общество – это природная среда человека, в которой он формирует себя как личность в процессе всестороннего общения с другими индивидами. Любая социальная группа несет определенную, т.е. ограниченную функцию общественного бытия, поэтому, по выражению Маркса, формирование индивида оказывается в таком случае формированием частичного человека, а не универсальной гармоничной личности, а, значит, задача человека состоит в преодолении любых форм групповой общности, препят-

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что людей от животных отличает способность производить собственную жизнь посредством труда.

ствующей универсальности¹¹ (всесторонности, с точки зрения своих способностей и возможностей для деятельности).

Таким образом, понимание труда как некоей формы социальной связи индивидов дает нам право предполагать, что человек является продуктом совместной деятельности людей. Т.е. одной из существенных характеристик человека действительно является его социальность, а значит индивид может развиваться в неповторимую универсальную личность только при свободном общении с другими такими же универсальными личностями и, следовательно, своим существованием и своей деятельностью способствует становлению и развитию других таких же индивидов в обществе.

Список литературы

1. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – Огиз: ГОСПОЛИТ-ИЗДАТ, 1941. – 338 с.
2. Рагозина, Т. Э. О некоторых уроках критического «сведения счётов» с недавним философским прошлым / Т. Э. Рагозина // Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-практической конференции 24-25 апреля 2020 года / Отв. ред. С. И. Сулимов – Воронеж : Воронежский ЦНТИ, 2020. – С. 16-24.
3. Спиркин, А. Г. Труд / А. Г. Спиркин // Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР ; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1970. – Т. 5. – С. 261-262.
4. Рагозина, Т. Э. О философском обосновании труда, или: о необходимости критического сведения счётов с недавним философским прошлым / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация (Донецк). – 2019. – № 2 (10). – С. 20-35.
5. Павлова, А. М. Психология труда [Текст]: учеб. пособие / А. М. Павлова; под ред. Э. Ф. Зеера. – Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. – 156 с.

¹¹ С точки зрения философии, *универсальное* – это категория, обозначающая многосторонность, присущую отдельному явлению; способность единичного поворачиваться разными гранями. В отличие от категории «всеобщего», универсальное не есть общее, присущее многим предметам, но *многое, присущее одному предмету*. Универсальное – это свойство личности, оставаясь актуально одним, быть потенциально многим; это не абстрактное, уводящее от единичного, а многосторонность, в нем заключенная.

6. Корякин, В. В. К вопросу о сущности антропосоциогенеза (материалистический подход» / В. В. Корякин, Д. Н. Бабенцев // Новые идеи в философии. – 2018. – № 5 (26). – С. 203-212.
7. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 3. – С. 7-544.
8. Арсеньев, А. Наука и нравственность / А. Арсеньев // Развитие личности. – 2013. – № 4. – С. 8-69.

A. V. Maksimenko

(Postgraduate student of the Department of Philosophy)
Donetsk National Technical University
(Donetsk, Donetsk People's Republic)
E-mail: a_teacher@bk.ru

**THE HUMAN PROBLEM IN THE LIGHT OF THE LABOUR
THEORY OF THE SOCIETY AND CULTURE ORIGIN**

Annotation. The article deals with the problem of the human essence from the standpoint of the labour theory of anthroposociogenesis; the actual content of the philosophical category “labour” in Marxism is analyzed in contrast to its economic interpretation, which is widespread in the post-Marxist philosophy of the Soviet period; an assumption was made about the social essence of a human being, thanks to which a human forms himself as a person in the process of comprehensive communication with other individuals.

Key words: labour theory of anthroposociogenesis, social essence of a human being, Marxist concept of labor, universality of man.

УДК 130.2

М. С. Беженарь

(ассистент)

Донецкий национальный технический университет,
(Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: Mascha.bezhenar@mail.ru

ЧЕЛОВЕК И КОСМОС КАК ПРОБЛЕМА АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается ключевая проблема античной философии – взаимоотношение человека и космоса, в рамках которой человек рассматривается как синтез микро и макрокосмоса. Дается анализ природно-космической концепции, проблема многоаспектная, не имеющая единообразной формулировки.*

***Ключевые слова:** человек, космос, микрокосм и макрокосм, гармония, число, душа, вселенная, тело, духовность.*

Проблема человека своими истоками уходит в античную философию, представляя на протяжении всей последующей истории философской мысли как проблема многоаспектная, не имеющая общей единообразной формулировки: «Так, если в центре внимания Античности была природно-космическая жизнь, в которой человек предстал исключительно как природное существо, в Средние века – Бог и связанная с ним идея творения мира, в котором человеку отводилась роль существа тварного (хотя и созданного по образу и подобию Божьему), то в эпоху Возрождения и Просвещения в центре внимания оказывается уже сам человек как творец и созидатель самого себя и мира человеческой культуры, а потому – и как главный предмет моральной и философской рефлексии» [1, с. 37].

Античная философия – исторически первая форма европейской теоретической мысли, ставшая основой развития и культурным горизонтом для всех последующих форм мышления, возникших в рамках интеллектуального пространства средневековой, новой и современной Европы... [2, с. 125]. Греческая философия является основной формой систем верований, культурных ценностей и правовых кодексов во всем мире, поскольку она во многом способствовала их развитию «Как известно, философия греков эпохи классики есть учение о космосе, об элементарных стихиях, об их

возникновении и уничтожении и о космических законах этого становления» [3, с. 49].

Человек в античной философии рассматривался как составная часть Вселенной, наделенная всеми характеристиками и свойствами макрокосма, но в уменьшенном варианте. Микрокосм и макрокосм – это два аспекта теории, разработанной древнегреческими философами для описания людей и их места во Вселенной «Космос – первообраз, а человек – подражание» [3, с. 572]. Парная концепция макрокосма и микрокосма представляет идею о том, что существует соответствующее сходство в природе или структуре между людьми и вселенной. Концепция микрокосма / макрокосма рассматривает человека как меньшее представление вселенной, а вселенную как антропоморфное существование. Ранние мыслители рассматривали индивидуальное человеческое существо как малый мир (микрокосмос), состав и структура которого соответствуют вселенной, или большому миру (макркосмос, или мегакосмос). Космос в античной философии означал «порядок» в общем смысле и подразумевал гармоничное, а потому прекрасное расположение частей в любой органической системе; следовательно, это также относилось к порядку в человеческих обществах, отраженному в хорошем правительстве. Сравнения между обществом и человеком, а также обществом и вселенной были разновидностью микрокосмической теории.

В частности, в научных взглядах древних пифагорейцев содержится также учение о гармонии, применяемое к космологии (учение о гармонии сфер) и к учению о душе (душа как гармония ее тела) [4, с. 9]. Идея соответствия или некоторой преемственности между космосом и человеком встречается у Пифагора в зачаточной форме. Однако он не использовал терминологию микрокосма/макркосма и не имел четкого антропоморфного взгляда на космос. Пифагор был первым философом, который применил термин «космос» ко Вселенной, возможно, из-за применения его к звездному небосводу.

Наиболее полно развитая версия этой идеи в древности была сделана Платоном, некоторые данные указывают на то, что философы до него сформулировали какую-то её версию. Идея, возможно, зародилась как архетипическая тема мифологии, которую досократовские философы переработали в более систематическую фор-

му. «Демокрит создал учение о полном параллелизме макрокосма и микрокосма, так что он в сущности проповедовал всеобщий имманентизм: все, что существует, вполне понятно человеку, и человек есть то, что мы больше всего знаем» [3, с. 460]. Некоторая форма этой идеи, по-видимому, была распространена среди большинства древних культур.

Среди дошедших до нас греческих текстов этот термин впервые появляется в «Физике» Аристотеля, где он встречается в случайном замечании [5]. Платон не использовал термин «космос», когда развивал эту идею. Платон утверждал, что люди и вселенная состоят из элементарного тела и разумной души, и что так же, как человеческое тело происходит от тела вселенной, человеческая душа должна происходить из тела вселенной. Следовательно, Вселенная – это не только упорядоченная система, но и разумный организм. Платон более подробно изложил эту тему в «Тимее», где он объяснил, как структура человеческого существа параллельна структуре вселенной через определенные соответствия в теле и душе. Подобно тому, как тело вселенной имеет шаровидную форму, а его душа состоит из орбит, по которым блуждают планеты, так и душа человека состоит из орбит, по которым блуждают его эмоции, и обитает в голове, которая имеет шарообразную форму. Остальное человеческое тело существует только для того, чтобы служить голове [6].

В отличие от макрокосма, который содержит в себе все вещи и бессмертен, а потому не нуждается ни в органах чувств, ни в органах пищеварения, ни в конечностях для передвижения, микрокосм является лишь частью целого, и его существованию угрожают окружающие элементы, так что он нуждается в таких дополнительных частях, чтобы воспринимать опасность и избегать ее, а также восполнять утраченные питательные вещества. Более того, внешние возмущения, угрожающие микрокосму, нарушают орбиты его души, приводя в беспорядок его эмоции. Но когда беспорядочный микрокосм наблюдает за небом, он видит там упорядоченное движение планет, следующих по орбитам макрокосмической души. С помощью философского исследования он осознает соответствие между собой и своим великим двойником. Достигнув этого понимания, микрокосм осознает, что так же, как вселенная использует разум для управления планетами, она также должна использовать разум для управления своими эмоциями. Так микрокосм преодоле-

вает свой внутренний разлад и готовит свою душу к возвращению на небеса, откуда она пришла.

Неоплатоник Плотин объединил концепцию микрокосма/макрокосма в свою уникальную мистическую метафизику. Он представлял себе космос и человека не как совершенно отдельные существа, а как непрерывное существование. Душа и тело или духовность и материальность мыслились как одно слитное существование, и слияние духовности / материальности применялось ко всем существам. В метафизике Плотина каждое существо одновременно духовно и материально, и каждое существо проявляет эти природы в той или иной степени.

В контексте своей мистической метафизики Плотин разработал более четкое понятие «мировой души», чем идея Платона в «Тимее». Платон представил понятие «демиург» как созидующее божество, спроектировавшее и структурировавшее *порядок* космоса, но не как творца *самого космоса*.

Плотин понимал этот процесс сотворения космоса как «эманацию единого». Он утверждал, что «нус» (греч. nous разум или интеллект) и «мировая душа» произошли от божественного начала, которое он назвал Единым. В контексте эманации Плотин объяснил душу космоса.

Плотин использует аналогию с Солнцем, излучающим свет без разбора и при этом не уменьшающим самого себя, или отражение в зеркале, которое не уменьшает или иным образом не изменяет отражаемый объект.

Первая эманация – это nous (мысль), метафорически отождествляемая с демиургом в «Тимее» Платона. Это первая воля к добру. Из ума происходит мировая душа, которую Плотин подразделяет на высшую и низшую, отождествляя низший аспект Души с природой. Из мировой души происходят индивидуальные человеческие души и, наконец, материя на низшей ступени бытия и, следовательно, на наименее совершенной ступени космоса.

Несмотря на эту довольно обыденную оценку материального мира, Плотин утверждал в конечном счете божественную природу материального творения, поскольку оно в конечном счете происходит от Единого через посредство ума и мировой души. Именно по Добру или по красоте мы узнаем Единого в материальных вещах, а затем в Формах [7, с. 466]. Основанный на идее преемственности

между космосом и человеком, между духовностью и материей, мистический союз между человеком и космическим божеством стал для Плотина важной религиозной практикой [7, с. 443].

Как видим, понимание человека в античной философии было представлено чисто натуралистическим образом: эта концепция берет начало в древних верованиях, не отделяющих человека от природы. В учениях некоторых античных философов понятие микрокосма вообще отсутствует, так как они хотя и наделяли самого человека особыми свойствами, однако считали, что душа человека – это фрагмент мировой души, что рождало понимание двойственности человеческой сущности.

Список литературы

1. Рагозина Т.Э. Человек как предмет философской рефлексии / Т.Э. Рагозина //Материалы международной научно-методической конференции "Философия и культура в гуманитарном дискурсе" Воронеж 27-28 апреля 2021года, Воронеж: Воронеж ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2021. С. 35-46.
2. Степин В.С., Семиги Г. Ю. Новая философская энциклопедия в четырех томах/ В.С. Степин, Г. Ю. Семиги. – М.: «Мысль», 2010. – Т. 1. – 741.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики ранняя классика/ А.Ф. Лосев. – М.: «АСТ», 2000. – Т. 1. – 628 с.
4. Ямвлих. О Пифагоровой жизни : Пер. с древнегреч. И.Ю. Мельниковой. – М.: Алетейа, 2002. – 192 с.
5. Аристотель. Сочинения в четырех томах/ Аристотель // Соч. – М.: Мысль, 1981. – Т. 3. – 6113с.
6. Платон Сочинения в четырех томах/ Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 752 с.
7. Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / Общ. ред. П. П. Гайденко, В. В. Петров. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 880 с.

M. S. Bezhenar

(assistant)

Donetsk National Technical University,

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: Mascha.bezhenar@mail.ru

MAN AND SPACE

AS A PROBLEM OF ANCIENT PHILOSOPHY

***Annotation.** The article includes the key problem of ancient philosophy - the relationship between man and the cosmos, within which a person submits to the synthesis of micro and macrocosm. An analysis of the natural-cosmic picture is given, the problem is multifaceted, having no analogues of a uniform formula.*

***Key words:** man, cosmos, microcosm and macrocosm, harmony, number, soul, universe, body, spirituality.*

УДК: 130.2

Ю. М. Лустин

(к. филос. наук, доцент кафедры философии)
Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)
E-mail: lustin56@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ (ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

*С появлением рефлексии связано
философское осмысление жизни...
(С. Л. Рубинштейн,
«Проблемы общей психологии»)*

***Аннотация.** В статье содержательный дискурс философской рефлексии, в аспекте типологической проблематики, рассматривается в фокусе социокультурного конструирования реальности. Обосновано интегративное проявление типологической многосвойственности философской рефлексии в деятельности субъекта социальности. Отмечается особая роль культуры социального конструирования и проектирования в современном информационном обществе, поскольку именно с ними связана инновационная жизнедеятельность личности.*

***Ключевые слова:** личность, философская рефлексия, социокультурное, конструирование, типология.*

В современном информационном обществе все большее значение приобретают рефлексивные способности человека, чьи возможности в осознанном понимании реальности и самопознании созидающей эффективности своей практической деятельности истине безграничны. В многочисленных научно-теоретических дискурсах методологически емкое и сложно структурированное понятие «философская рефлексия» имеет многосмысловую акцентуацию о своей сущности (Д. И. Дубровский, И. Р. Гальперин, И. Н. Болдырева, Т. В. Козырева, А. А. Хачатрян, И. Н. Семенов, А. Г. Спиркин, С. Ю. Степанов, Г. В. Ожиганова, И. С. Ладенко, Т. В. Еремина, Д. Н. Уснадзе, Г. П. Щедровицкий). Однако, при обилии научных работ психологической, культуроло-

гической, социологической направленности ощущается недостаточное количество исследований в предметности социально-философской тематики. Данное обстоятельство указывает на незавершенность общепризнанного методологического построения единой теории философской рефлексии, что позволяет оставаться актуальным вопросу ее основательного применения в познавательных конструктах социокультурной реальности.

В гносеологическом плане рефлексия – это процесс самопознания индивида, эволюционно развитая ступень его логико-интуитивной способности в анализе объективной и субъективной данности (ощущения, восприятия, эмоции, чувства, состояния, реакции, намерения и пр.). Философская рефлексия, как и любая другая категория, имеет собственное содержание, субстанциональную функциональность, природно заданные формы субъектологического обнаружения и практической реализации, целеопределенную направленность и органическую связь с другими категориями сознания (мышления) индивида.

Заслуживает внимания диалектический аспект рассмотрения философской рефлексии в формате единства понятий «производящее – воспроизводящее». Так, по утверждению В. Н. Усова «...философскую рефлексию можно определить как саморефлексию, т. е. как отражение себя в ином, а иного в себе (производящая саморефлексия) и /или как отражение иного в себе, а себя в ином (воспроизводящая саморефлексия)» [1, с. 197]. Особый интерес вызывает глубоко научный взгляд на проблему рефлексии доктора философских наук Т. Э. Рагозиной, которая рассматривает противоречивую сущность человека через призму исторического сознания, исторических форм эволюционного развития человека в рамках марксистской концепции всемирной истории как «процесса порождения человека человеческим трудом» (К. Маркс). По ее мнению, трудовая деятельность человека – это основная детерминанта механизма рефлексии и «наличные исторические формы представлений о природе и сущности человека, внешне столь несопоставимые и, казалось бы, полностью взаимно исключают

друг друга, в действительности воплощают лишь начальную и «конечную» ступени развития *понятия «человек»* [2, с. 45].

Интегративная сторона философской рефлексии типологически многосвойственна. Философский тип рефлексивной деятельности социализированной личности типичен всем актам человеческой жизнедеятельности и, пребывая в различных формах своего самоосуществления, реализуется как:

а) способ освоения реальности человеком в предметности всеобщей методологии отражения (духовная рефлексия, практическая рефлексия, духовно-практическая рефлексия). В данном социокультурном значении философская рефлексия выступает в своеобразной роли «зеркальной призмы», самопроявляемой в когнитивной возможности субъекта «смотреть на себя со стороны» (М. С. Мириманова);

б) средство конструктивно-прагматической персонализации свойств внутреннего мира субъекта социальной практики. В этом гносеологическом дискурсе обнаруживается конструктивное и проективное обнаружение философской рефлексии, предполагающее новое видение онтологии событийных (фактических) моментов действительности, закономерно трансформирующихся в сознании (мышлении), индивида. Важно отметить, что человек не является абсолютным приемником наличных естественно-природных существенностей, а целенаправленно или спонтанно форматирует, интерпретирует, популяризирует образы (мысле-образы) реальности, конструирует новые и их опрактичивает в своих действиях позитивной (негативной) направленности.

в) фиксирующий характер воспроизводящей рациональности (иррациональности) субъективного содержания мыслительных конструктов социализированной личности. Определенные аспекты такого основоположения отражены в системно-уровневой рефлексивной модели мышления И. Н. Семенова.

Конструктивное и проективное значение философской рефлексии имеет качественную определенность «описывающего концепта» мышления сознательной личности, логико-интуитивный

вектор которого направлен на модельное, алгоритмическое, комбинированное (комбинаторное) постижение действительности. Рациональное познание реальности наиболее продуктивно в контексте диалектического проявления универсалий сходства, тождества и различия, чья диалектика концептуальной выраженности имеет методологически обоснованный типологический характер.

Следуя логике такого подхода можно утверждать, что субстанциональность социокультурного конструирования реальности многомерна в конвергентной целостности своих образно-психологических, интуитивных, логико-аналитических, сенситивных (чувственных), оценочных, прагматических, креативных, проектно-конструктивных, мониторинговых составляющих, которые отражают сложную типологию социально-экономической, интеллектуальной, культурно-исторической сфер общественной жизни.

В этом отношении философская рефлексия является личностным образованием, которое в предметном поле дисконтинуума, то есть непрерывного формирования субъективных образов, мыслеформ в сознании (мышлении) индивида, определяет высокий уровень его самопознания и морально-духовной устойчивости. Говоря о рефлексивной содержательности самосознания, Н. В. Нарыков, Т. Г. Анистратенко утверждают, что рефлексия в области самосознания реализуется на уровнях: отражения с последующим самостоятельным конструированием личностных смыслов; осознания себя как отдельной, самостоятельной и автономной личности, которая отличается от других; осознания себя как актора, агента и субъекта коммуникативных взаимоотношений... [3, с. 39].

В самом общем виде типология проективных свойств человека разворачивается в общепризнанной схеме социокультурного конструирования реальности, процессуальность которой отражена в классическом формате: «опрактичивание – типизация – институализация – легитимация» (П. Л. Бергер, Д. Б. Дондурей, И. В. Калинько, М. Г. Кошман, Р. В. Ленъков, Л. И. Левина, Т. Лукман, А. В. Соловьев [5], В. Г. Федотова, М. Н. Филатова [6]).

В интегрированности данного формата обнаруживается развитая способность человека воспринимать, осваивать, анализировать и модифицировать образное видение мира социокультурной событийности. Исходя из этого, философская рефлексия направлена, прежде всего, на истинное постижение культууроёмких моделей существующей реальности, которые являются информационно ориентированными, мировоззренчески мотивированными, социально признанными и цивилизационно востребованными.

Модальная глубина и социально-типологическая ширина охвата сознанием человека всего многообразия объективного и субъективного мира во многом зависит от его интеллекта, степени развития моральных качеств, образованности, профессиональной компетентности, социально мотивированного уровня потребностей и интересов.

В парадигме типологического познания философская рефлексия играет конструктивно организующую роль, а поэтому имеет эксплицитную и имплицитную форму выражения (самовыражения). Под имплицитным, то есть внутренним механизмом рефлексирования, понимается способность личности комбинировать идеальные образы на основе их «опорных смыслов», детерминированных субстанциональными параметрами проявления социального опыта. Типология социально-конструирующих качеств (свойств) человека, функционирующих на основе философского уровня мышления человека, выступает фактором формирования его логических и сенситивных способностей как опорных моментов преображенного конструирования (реконструирования), проектирования образного содержания социальной действительности. Под эксплицитным подразумеваются онтологические способы выражения колоритной содержательности субъективного мира личности, мера цивилизованного достижения ею своей человекомерной сущности.

Типологический подход к анализу концептуального функционирования философской рефлексии в социокультурном конструировании реальности, в обобщенности сказанного, позволят утвер-

ждать, что «Рефлексивная составляющая типологического конструктива ориентирована на социокультурную реконструкцию всего предшествующего знания человека, что позволяет достигимо представлять его обновленное содержание в процессе инновационного развития личностного интеллекта. Данное установление предполагает, прежде всего, диалектику перехода логико-гносеологических связей, образований, зависимостей различной модальности в устойчивые элементы креативно обновленной человекомерной содержательности, которые идентифицируют эвристические, оригинально-новаторские и смыслопостигаемые пути творческого самоопределения индивида» [4, с. 192].

Типология социокультурного содержания философского вида рефлексии включает в себе множество потенциальных возможностей. К основным потенциалам рефлексивной деятельности личности можно отнести: когнитивный, психологический, оценочный, аналитико-синтетический, логико-смысловой, интеграционный, инновационный, креативный. Созидающая конструктивность потенциалов обнаруживается в характерном способе рефлексивной трансформации образов сознания (мышления) человека, их комбинирование с целью эффективного применения (использования) на практике. Логика социокультурного конструирования реальности развертывается в широком диапазоне познавательной и праксиологической активности индивида, что позволяет привлекать в «когнитивную орбиту» его мыслительной деятельности неограниченные ресурсы как объективных, так и морально-духовных, субъективных и единоличных связей, отношений, опосредований.

Говоря о конструировании социальной реальности нельзя забывать о возможности искаженного отражения ее релевантности, в виду того что для субъективных суждений не существует абсолютно истинной эмпирической базы, привнесенной в познавательную деятельность человека извне. «Социальная реальность, по мнению А. В. Соловьева, – это реальность совершенно особого рода. В ней с самого начала отчетливо выражен субъективный ком-

понент» [5, с. 47]. Избежать различного рода познавательной неадекватности помогут специальные требования, предъявляемые к конструированию. По утверждению М. Н. Филатовой, они включают в себя способность человека конструировать осмысленно, сочетая различные конструктивные решения и выбирая наиболее целесообразные из них с учетом динамики развития проектируемой среды [6, с. 82].

Таким образом, философская рефлексия – это сложно организованный, многогранный и многоуровневый индивидуальный феномен человека. Философский вид рефлексии, в экспликации своей онтогносеологической значимости, представляет собой не только форму развития, совершенствования и реализации потенциальности индивидуального «Я», но и мобильный фактор опредмечивания и распредемечивания сущностных сил социализированной личности.

Научно-философское осмысление рефлексивной сущности человеческого сознания (мышления) позволяет обнаруживать его новые типологические характеристики. Философская культура креативно осмысленной рефлексии в конструировании реальности совершенствует социально-гносеологические механизмы когнитивного развития личности в современной быстро меняющейся информационной среде.

Философская рефлексия – это специфическое звено связи человека, природы, информационного общества и культуры. Она есть интеллектуальная скрепа в самоосознанном способе жизнедеятельного существования личности, ее неотделимости от «Другого». В функциональности философской рефлексии воспроизводится, формируется и праксиологически реализуется субъективная очевидность личности, долженствующая концептуализация которой всесторонне способствует социокультурному конструированию реальности.

Список литературы

1. Усов В.Н. О специфике философской рефлексии / Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: «Социально-гуманитарные науки», 2012. – Вып.18. – С. 195-199.
2. Рагозина Т. Э. Человек как предмет философской рефлексии / Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 27-28 апреля 2021 года / Отв. редактор к. фи-лос. наук, доц. Сулимов С. И. – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2021. – С.35-45.
3. Нарыков Н. В., Т. Г. Анистратенко Многоуровневый характер социально-личностной рефлексии // Психопедагогика в правоохранительных органах.2017. № 3(70). – С.36-39.
4. Лустин Ю.М. Типологический конструктив как гносеологическая доминанта мыслетворчества личности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 1А. С.188-195. DOI : 10.34670/AR.2021.6461.028
5. Соловьев А.В. Социальное конструирование реальности и проблемы методологии // Сибирский психологический журнал, 2004. № 20. – С. 47-50.
6. Филатова М.Н. Методологические основы социокультурного конструирования // Вестник РУДН, 2009. №3. – С.78-84.

Yu. M. Lustin

(Ph.D. in Philosophy, Associate Professor)
 Donetsk National University of Economics and Trade
 named after Mikhail Tugan-Baranovsky
 (Donetsk, Donetsk People's Republic)
 E-mail: lustin56@mail.ru

PHILOSOPHICAL REFLECTION AND SOCIO-CULTURAL CONSTRUCTION OF REALITY (TYPOLOGICAL APPROACH)

***Annotation.** In the article, the meaningful discourse of philosophical reflection, in the aspect of typological issues, is considered in the focus of the socio-cultural construction of reality. The integrative manifestation of the typological multi-property of philosophical reflection in the activity of the subject of sociality is substantiated. The special role of the culture of social construction and design in the modern information society is noted, since it is with them that the innovative life activity of the individual is associated.*

***Key words:** personality, philosophical reflection, sociocultural, construction, typology.*

УДК 101.1:316

Е. И. Петрова

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)
E-mail: elena_i_v@inbox.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам формирования этнической и национальной идентичности, их взаимосвязи и соотношению в процессе становления идентичности. Подчеркнуто значение концепта нации для развития современных глобализационных теорий, в частности для будущего национального государства и трансформаций национальных интересов.*

***Ключевые слова:** этнос, нация, идентичность, социально-культурная общность, самосознание, комплементарность, коммуникативная эффективность.*

Процесс возрастания роли национального фактора тесно связан с проблемами государственного строительства, взаимодействия общественно-государственного и частного. Неслучайно в современном мире национальное выступает одним из основополагающих принципов организации современного общества. Это делает крайне актуальным теоретическое осмысление национального, проблемы национальных ценностей, которые являются средством формирования социально-групповой идентичности.

Для каждого поколения людей нация является сакральной ценностью, которая принадлежит к одному из самых сложных созданий человеческого существования, природу и сущность которой доказать научно непросто.

Социально-политические реалии современности в значительной степени определяют актуальность данной темы. Роль национального фактора в развитии современного мира проявляется как в межнациональной напряженности, которая тесно переплетена с проблемой национального самоопределения, так и в повышении значимости национального самосознания, национального языка, национальной культуры в жизни общества.

Исследование актуальных вопросов становления наций и их идеологического обоснования, их роль в формировании идентичности в европейской общественно-политической философии нашло отображение в работах многих ученых. Вследствие этого сформировался ряд основных теорий и концепций нации. Хотя они являются достаточно условными, но при этом выполняют определенную функцию способа осмысления дискурсивных вопросов в понимании понятия «нация».

Эта проблематика разрабатывается в трудах как зарубежных (Брубейкер Р., Дойч К., Маркс К., Энгельс Ф.) так и отечественных (Гумилев Л.Н., С.В. Дрожжина, Широкогоров С.М. и т.д.) ученых.

Целью данного исследования является анализ основных теорий становления национальной идентичности и обоснование роли нации и этноса в формировании идентичности.

Ее реализация предполагает решение следующих задач:

- осуществить обзор теоретико-методологических основ классификации формирования теории нации;
- исследовать роль нации и этноса в формировании идентичности.

Развитие социальной философии показало, что этнос – это специфическая жизнедеятельность определенной социально-культурной общности. То есть, важную роль в формировании этносов сыграло духовное начало, которое существует в форме общественного сознания, народного духа.

Как мы уже отмечали ранее, автором первой наиболее общей концепции этноса как самостоятельного явления считается С.М. Широкогоров, определявший этнос как группу людей, объединенных единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни [1, с.26-29]. В свою очередь Л.Н. Гумилев обозначал этнос как совокупность сложных переплетений географических, биологических, социально-психологических феноменов на грани мистификаций. Он отмечал, что этносы – это категории биологические, являющиеся частью биосферы Земли. И тогда, если в традиционной этнологии и философии этнос рассматривается как социальная общность, развитие которого подчинено социальным законам, то у Л.Н. Гумилева – это категория географическая, так как различия этносов между собой определяются не расой, языком, религией или уровнем образованности, а только стереотипом поведения, что является высшей формой адаптации человеческого сообщества к ландшаф-

ту, то есть места, где зародился, развивался этнос и где сформировался как система [2, с. 92]. То есть ученый определяет этнос как коллектив людей, сложившийся естественно на основе оригинального стереотипа поведения, существующий как энергетическая структура, которая противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности – чувства «взаимной симпатии (антипатии) людей, определяющее деление на «своих» и «чужих» [2, с. 92]. Это понимание этноса является одним из основных направлений примордиалистского подхода, представители которого подчеркивают, что признаками этноса не являются ни территория, ни экономика, ни гражданские права. Этнос – это общность судьбы, культуры, языка, нравов, психологии. Наиболее важной детерминантой для этноса является объективное прошлое, как сконцентрированный социально-культурный опыт, определяющий подлинное бытие этноса в мире. Понятие «этнос» и «нация» в этой теории определяется одинаково.

Представители еще одного подхода, конструктивистского, утверждают, что нации появляются в истории человечества при переходе от аграрных обществ к индустриальным, т.е. в период появления капиталистических отношений.

Одной из черт современного конструктивизма является отрицание объективного характера существования наций, этносов, рас и вообще любых социальных групп. Так, Р. Брубейкер, определяя онтологический статус больших социальных групп, пишет: «Понимание реальности расы не требует постулирования существования рас. ... Но реальность расы, и даже ее чрезвычайная принудительная сила в некоторых обстоятельствах, не зависит от существования «рас». Так же и реальность этничности и национальности – и решающая сила этнической и национальной идентификаций в некоторых обстоятельствах – не зависит от существования этнических групп или наций как субстанциальных групп или сущностей» [3, с. 30]. Таким образом, согласно мнениям сторонников конструктивизма, расы, нации и этносы – это плоды интеллектуальной деятельности ученых, способы категоризации и упорядочения мира с помощью универсальных когнитивных структур не являются субстанциями, объектами в мире «вещей в себе», частью объективного мира в собственном смысле этого слова – как независимого от воли и сознания человека. То есть, нации, этносы, расы обретают реальность лишь тогда, когда имеются группы, которым они хотели бы

подражать, с которыми могли бы отождествлять себя, считать себя принадлежащими к данным социальным конструкциям. Таким образом, идея идентичности становится основополагающей, именно идентичность субъектов делает существующими (объективирует) социальные общности, придает им особую реальность - «субъективную», делает их подлинными инструментами социокультурного развития.

Отрицание объективного характера нации, во-первых, почти лишает смысла анализ ее объективных компонентов, таких как территория, язык, общая культура, способы хозяйственной деятельности, а во-вторых, по существу сводит нацию к самосознанию людей, которые ее представляют. Таким образом, хотя утверждение конструктивистов о том, что нации конструируются на основе самосознания, т.е. идентичности, субъектов, относящих себя к данной нации можно считать правильным, но не учитывать объективные признаки нации – территории, язык, историю, культуру, было бы большой ошибкой, ведь объективные признаки имеют солидный исторический бэкграунд и не всегда напрямую соотносятся с той формой национального самосознания (идентичности), которая существует на данный момент.

Являясь твердой и устойчивой, национальная идентичность может быть функциональной, способной задавать общую социальную рамку большинству представителей данного народа. Надежным и устойчивым источником формирования идентичности может быть только прошлое, то, что уже произошло, существует, представляет собой конкретный объект для понимания и изучения, чего не скажешь о настоящем и будущем, которые лишены определенности, и вряд ли способны выступить в роли надежных источников идентичности. Работа по укреплению идентичности ведется сегодня именно по этому пути – позитивная репрезентация прошлого (исторического и культурного) с целью оптимизации актуального социокультурного развития страны, укрепления универсальных форм идентичности.

Если этническое можно назвать основой конкретного социального организма, которая обеспечивает его стабильность, то национальное – это скорее совокупность приобретенного, накопленного в процессе исторического развития данной формы соци-

альной коллективности, которую можно считать причиной его постоянных изменений.

Классик марксизма Ф. Энгельс, так говорит о формировании устойчивых этнических общностей, ставших одной из первых предпосылок к образованию народа-нации как классовой, политико-экономической категории «... родственные племена сплачивались в постоянные союзы, делая, таким образом, первый шаг к образованию наций» [4, с. 292].

В контексте развития государства нация олицетворяет единство народа и государства, единство жизни в пределах национальной культуры. В социально-гуманитарных исследованиях этническое и национальное часто рассматривается как тождественные феномены, или этническое считалось составной частью национального, или национальное заменялось этническим.

Строительство социального пространства обусловлено различными процессами этнической и национальной идентичности и охватывают духовные, политико-правовые, культурно-исторические, социально-правовые факторы.

Нация предполагает интегрированность разных форм единого экономического, политического, социального и духовного организма, целостность которого поддерживается государством. Исходя из вышесказанного, соотношение этноса и нации выглядит следующим образом. На протяжении долгого исторического периода существуют социальные общности, которые именуются этносами. А сначала эпохи, которую К. Маркс называет «эпохой отношений вещной зависимости» [5, с. 101], начинается период формирования и становления наций. То есть между этносом и нацией есть связь как между менее и более развитой формой общества.

Однако, формирование наций не сводит этническое к нулю, не делает его менее актуальным, поскольку нации состоят из людей, а люди обладают определенными этническими чертами.

На протяжении всего исторического развития этносов – от племени до нации – этнос выполняет определенную функцию «информационной защиты» путем воспроизводства в новых поколениях тех ценностей, символов, правил поведения, которые он выработал в процессе адаптации к природной и социальной среде [6], то есть выполняет функцию формирования этнической идентичности.

Независимо от географических, исторических, культурных условий понятие нации всегда содержит следующие элементы:

гражданство, общее волеизъявление, массовое участие населения страны в делах государства. Характерным признаком становления наций является участие всех слоев населения в политической жизни страны.

Вместе с тем, выделение нации среди других социальных общностей возможно и на основе ее собственно этнических свойств. Политическая и экономическая консолидация нации формирует особенности национального характера, складывает национальное самосознание индивидов, включающее в себя осознание этнической общности, приверженности к национальному языку, формируются определенные стереотипы отношения людей к своей нации и иным этническим общностям.

В современном мире можно наблюдать две тенденции цивилизованного развития наций. Первая тенденция проявляется в процессе унификации культур, становлении нового «мирового порядка», однополярности мира.

Этот процесс направлен на то, чтобы навязать народам мира единый стандарт жизни, западную систему ценностей, что в свою очередь ведет к размыванию национального своеобразия, культурных традиций, уничтожению значения национальной идентичности.

Вторая тенденция полностью противоположна. Она подчеркивает стремление народов к сохранению своего этнического и национального своеобразия, защите национальных традиций и ценностей. Эта тенденция сопряжена с борьбой за национальную независимость, за политическое самоопределение наций, за становление и развитие национальной идентичности.

В свою очередь, европейская социальная философия выделяет две модели формирования нации: государственно-национальную, которая поясняет идею национального единства закреплением конституционных основ национального бытия, и национально-государственную, поясняющую это явление объединением народа в нацию вокруг институтов государственной власти. В первой модели нация является политическим объединением, во второй – культурным единством. Таким образом, можно сказать, что противоречия между политической и этнической структурой общества возникли еще в период становления и развития национального государства.

По мнению немецкого социолога и политолога К. Дойча нация определяется не по набору определенных субъективных или объективных признаков (территория, язык, государственность), а по коммуникативным возможностям, объясняя феномен нации с позиции современных теорий информации и коммуникации. Основным понятием коммуникативной теории является понятие «комплементарности», или иначе «коммуникативной эффективности», то есть способность элементов определенной структуры взаимодополнять или заменять друг друга. Комплементарность обеспечивает существование общего коммуникативного пространства. Например, швейцарцы могут говорить на четырех разных языках, и при этом, действовать как единый народ, поскольку каждый из них имеет достаточно усвоенных привычек, символов, воспоминаний, исторических событий и личных ассоциаций, которые позволяют каждому швейцарцу успешно общаться именно со швейцарцем, а не с человеком, говорящим на том же языке, но принадлежащим к другому народу [7, с. 325].

Таким образом, нация характеризуется, прежде всего, определенным уровнем общественной коммуникации между людьми и группами внутри нации. Поэтому, можно подчеркнуть, что коммуникативная теория – это, прежде всего, расширение контактов и укрепление связей между различными этническими группами, что ведет к росту взаимопонимания и сближения наций.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. В качестве главных признаков этноса можно выделить язык, территорию, государственную принадлежность, этническое самосознание, общность происхождения. Мы признаем правомерность всех названных признаков, но при условии, что «этнос» – не просто сумма признаков, а целостное образование, в котором на передний план могут выходить различные компоненты;
2. Осмысление феномена «нация» возможно через комплексный подход, который является методологически оправданным, так как благодаря ему политические (гражданские) и этнокультурные составляющие вместе с исторической памятью не противопоставляются друг другу, а наоборот – тесно взаимодействуют.
3. Анализируя понятие «нация» можно выделить определенные черты, которые его характеризуют: общее государство и общая четко определенная территория; исторически сформированное чув-

ство единства и коллективного самосознания; желание совместной жизни в настоящем и будущем; культурное единство (обычаи, литература, искусство) и общий язык; общая национальная память и история. Но ни одна из этих черт не может играть роль основного фактора для всех национальных сообществ, их объединение просто необходимо.

3. Формирование этнической и национальной идентичности процесс сложный и непрекращающийся, имеет огромное значение для развития современных глобализационных теорий, в частности для будущего национального государства и трансформаций национальных интересов.

4. Этническая идентичность растворяется в национальной, то есть этническая завершается национальной

Список литературы

1. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений /С.М. Широкогоров – М.: МГУ им М.В. Ломоносова, 2010. – 124с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли /Л.Н. Гумилев – М.: Айрис-пресс, 2012. – 558с.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в трех томах, т.3. / К.Маркс, Ф.Энгельс – М.: Изд-во пол. лит-ры, 1979. – 643с.
5. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. (Первоначальный вариант «Капитала»). Ч.1// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / Изд. 2-е. Т.46. Ч.1. – М.: Политиздат, 1968. – 559 с.
6. Чебоксаров Н.Н. Народы, расы, культуры / Н.Н.Чебоксаров, И.А.Чебоксарова. – М.: Наука, – 1985. – 272 с.
7. Дойч К. Народи, нації та комунікація / Карл Дойч // Націоналізм: народи, нації та комунікація [антологія; упоряд. О. Проценко, В. Лісовий] – К.: Смолоскип, 2006. – С. 317–332.

E. I. Petrova

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: [elena i v@inbox.ru](mailto:elena_i_v@inbox.ru)

ETHNIC AND NATIONAL COMPONENTS AS FACTORS OF IDENTITY FORMATION

***Annotation.** The article is devoted to the formation of ethnic and national identity, their interrelation and correlation in the process of identity formation. The importance of the concept of the nation for the development of modern globalization theories, in particular for the future of the national state and transformations of national interests, is emphasized.*

***Keywords:** ethnos, nation, identity, socio-cultural community, self-awareness, complementarity, communicative effectiveness.*

УДК 130.2

Г. А. Лемешко

(старший преподаватель)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая народная республика)

E-mail: lemeshko.donntu@gmail.com

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ: ФОРМЫ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье дается определение и анализ сложившихся и наиболее распространенных в мире моделей взаимоотношений государства и церкви в современном мире.

Ключевые слова: государство, религия, церковь, религиозная организация, теократические государства, государственная церковь, отделение церкви от государства

Взаимоотношение государства и церкви имеет длительную и сложную историю. Уже в первобытном обществе, когда государства как такового еще не существовало, а религиозная группа совпадала с родом или племенем, имела место тесная взаимосвязь жреца и вождя, более того, часто эти две «должности» осуществлялись одним и тем же лицом. Это имело долгосрочные и серьезные последствия, так как тем самым закладывались предпосылки в дальнейшем к обожествлению власти.

Каждая историческая эпоха в зависимости от экономических, социальных и политических факторов диктовала свои особенности и специфику этого взаимодействия. Поэтому можно согласиться с утверждением Ф. Г. Тернера о том, что «вопрос об отношении государства к церкви не может получить одного общего ответа, а должен быть различно решаем соответственно со временем, со средою, в которой вопрос поставлен, и с прочими сопровождающими условиями» [1, с. 23]. В современную эпоху в связи с быстро меняющимся миром и, соответственно, с возникновением новых явлений в общественной жизни многих стран, взаимоотношения церкви и государства все больше начинают волновать философов, экономистов, политических деятелей и даже широкие массы населения, по-

скольку эта проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Поэтому задачей данной статьи является определение и анализ сложившихся и наиболее распространенных моделей взаимоотношений государства и церкви в современном мире. Религия – древнейшее явление в истории человечества, возникшее приблизительно 35-40 тысяч лет назад. Существует множество определений религии, указывающих на ту или иную ее сторону в качестве определяющей. Но наиболее точно сущность религии, с нашей точки зрения, раскрыл Фридрих Энгельс в работе «*Анти-Дюринг*». Он писал: «*Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в которых земные силы принимают форму неземных* [2, с. 110].

Главным признаком религии является вера в существование сверхъестественного. Эта вера не требует доказательств, предполагает двухсторонние отношения между верующими сверхъестественным и всегда носит эмоциональный характер.

Религия является важнейшей частью жизни общества. Она была рядом с человеком на протяжении всей истории его существования. Во многих своих проявлениях культура вышла из недр религии, а некоторые были опосредованы ею. Являясь формой общественного сознания, она оказывала и оказывает большое влияние на мировоззрение человека.

Социальная роль религии выражается в ее функциях. На разных этапах развития человеческого общества эти функции были разными, но наиболее значимыми являются мировоззренческая, компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, интегрирующая, культуротранслирующая, легитимирующая.

Государство существовало не всегда, а появилось на определенной ступени развития человечества, когда религия уже выполняла свои функции несколько десятков тысяч лет. Первые государственные образования в истории человечества возникли лишь около 5 тыс. лет назад. В «*Большой юридической энциклопедии*» государство рассматривается как «определенный способ организации общества, основной элемент политической системы, организация публичной политической власти, распространяющаяся на все об-

щество, выступающая его официальным представителем и опирающаяся в необходимых случаях на средства и меры принуждения» [3, с. 164].

Государство, также как и религия, выполняет ряд специальных внутренних и внешних функций. К внутренним функциям относятся: экономическая, социальная, правовая, политическая, культурно-воспитательная. Сравнивая функции религии и государства, можно сделать вывод о том, что в определенных сферах они выполняют сходные задачи: во все времена и религия, и государство регулировали поведение людей, хотя и разными методами, и оформляли это поведение организационно, хотя эти формы также были разными. Формы и методы решения этих задач по содержанию и целям могут либо соответствовать, либо противоречить друг другу. Следовательно, у религии и государства есть точки соприкосновения.

Во многих религиях содержатся специальные указания по поводу отношения к государственной власти. Например, в христианстве есть слова апостола Павла, высказанные им в Послании к римлянам, в которых он учил христиан повиноваться властям независимо от их отношения к Церкви: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящийся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель и наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» [4, с. 124]. В исламе связь церкви и государства на протяжении веков проявлялась в идее и в фактическом слиянии государственной и церковной власти.

Следует отметить, что государство имеет отношения не с религией как таковой, а с религиозными организациями, которые являются неотъемлемым элементом социальной структуры современных обществ. Как отмечал В. И. Гараджа, «религиозные идеи всегда имеют своего носителя и этим носителем является какая-то социальная общность» [5, с. 123], т.е. группа людей, которая эти

верования разделяет. Религиозные организации существовали и существуют практически во всех странах независимо от их отношения к религии.

История знала множество форм взаимоотношений религии и церкви: от простых групп верующих, которые наделялись сакральным характером, до сложнейших организованных структур с серьезными правовыми системами. Более того, даже одни и те же формы в разных странах проявлялись по-разному, имели свои особенности и специфику. Поэтому невозможно проанализировать ситуацию в каждой отдельно взятой стране, но в мире сложились определенные модели этих взаимоотношений, которые с определенной степенью условности можно применить ко многим странам.

Условно можно выделить три модели отношений государства и религиозных организаций: теократические государства, государства с государственной религией (церковью), государства, основанные на отделении церкви от государства.

Теократические государства. Теократия – это «форма управления государством, при которой светская власть находится в руках духовенства»[6,с.45]. Основными признаками теократии как формы политического управления являются: отождествление светской и духовной властей; возглавляются эти государства религиозными деятелями; общественная жизнь регламентируется нормами религиозного права; для них характерно резко отрицательное отношение к другим религиям; религиозные праздники объявляются государственными; существует жесткий контроль за поведением и образом жизни личности.

К такому типу государства относится прежде всего государство-церковь Ватикан. Это государство возникло еще в 756 году как папская область на территории современной Италии и просуществовало до 1870 г. Затем в процессе объединения Италии оно вошло в состав Итальянского государства. В 1929 году по Латеранскому соглашению, подписанному между Папой Римским Пием XI и правительством Муссолини, на карте мира появилась папское государство – Ватикан. Оно расположено в центре Рима, занимает площадь 44 гектара, население – около 1000 человек. Ватикан имеет свой герб, гимн, почту, радио, телеграф, прессу, армию, даже железную дорогу длиной 800м. Законодательной, исполнительной и судебной властью в государстве обладает папа Римский. Он же является также главой Католической Церкви. Папа Римский счита-

ется наместником Бога на земле и непогрешимым в вопросах веры и морали.

К теократическим государствам можно отнести также два государства Персидского залива: Иран и Саудовскую Аравию.

Иран, согласно конституции 1979 года, провозглашается исламской республикой. Высшим руководителем, главой государства и верховным главнокомандующим является религиозный лидер. Он определяет общее направление развития страны, внешнюю и внутреннюю политику, осуществляет абсолютный контроль над светскими органами власти, которые в соответствии с конституцией есть в Иране.

Современная Саудовская Аравия является исламской абсолютной монархией. Такое утверждение вытекает из конституции страны, принятой в 1992 году, в которой сказано, что «Королевство Саудовская Аравия – суверенное арабское исламское государство. Его религия – ислам, Конституция – Книга Всевышнего Аллаха и сунна Его Пророка, да благословит его Аллах, язык – арабский, столица – г. Эр-Рияд»[8, с.14]. Саудовская Аравия представляет собой абсолютную теократическую монархию, которая управляется сыновьями первого саудовского короля Абд аль-Азиза. Он имел 12 жен и 37 сыновей – законных наследников, среди которых и происходит наследование престола. Только после смерти последнего из сыновей корона должна перейти к старшему внуку.

Государства с государственной религией (церковью). Государство с государственной религией – это форма политического правления, в конституции и иных нормативно-правовых актах которого определенная церковь признается частью государственной системы. При такой форме политического правления государство и церковь тесно сотрудничают в различных сферах общественной жизни, при этом государственная церковь имеет различные привилегии: церковь может выполнять некоторые государственные функции (регистрация браков, рождений, смертей); иногда она имеет право регулировать семейно-брачные отношения; имеет беспрепятственный доступ в систему образования, а также собственную юрисдикцию; государственная церковь может участвовать в политической жизни страны, выдвигать своих кандидатов в органы государственной власти; главы государств дают религиозную клятву или присягу при вступлении в должность. Такое требование за-

конодательно закреплено в более чем 30 странах. Церковь участвует и в коронации монархов. Со своей стороны государство финансирует деятельность государственной церкви; участвует в решении кадровых вопросов, зачастую напрямую назначая священнослужителей; регулирует внутреннюю деятельность церкви через принятие соответствующих правовых актов.

В некоторых странах государственная церковь возглавляется монархами. Такая система существует, например, в Англии, где государственной является Англиканская церковь. Верховным ее правителем является монарх, в настоящее время королева Елизавета II, хотя в действительности она делегирует свои полномочия в этой сфере парламенту: 26 епископов (из 42) – так называемые «духовные лорды» – представляют церковь в Палате лордов парламента Англии. Государственная церковь существует более чем в 20% странах мира. Например, в Англии, как уже отмечалось, это англиканство, в 14 странах Европы и Латинской Америки – католицизм, в Шотландии – пресвитерианство, в Швеции, Норвегии, Дании, Исландии – лютеранство, в Греции – православие, в 17 странах Азии и Африки – ислам, в Израиле – иудаизм и т.д.

Государства, основанные на отделении церкви от государства. Требование отделения церкви от государства впервые было провозглашено в XVI веке в период Реформации и было направлено против порядков средневековой Европы, которые установила Католическая церковь. В большинстве современных государств это требование закреплено в конституциях.

Принцип отделения церкви от государства закреплен и в международных правовых актах: Всеобщей декларации прав человека (ст.18), Международном пакте о гражданских и политических правах (ст.18), Уставе ООН (ст.55, 56) и других. В них устанавливается, что каждому человеку предоставляется возможность свободно мыслить, исповедовать любую религию и придерживаться любых убеждений. Всеобщей декларацией прав человека определено, что все люди равны перед законом и имеют право без всякого различия на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации (ст.7). По международному праву свобода религии или убеждений подлежит ограничениям, установленным законом, лишь в случаях угрозы общественной безопасности, порядку, здоровью и морали, а также основным правам и свободам других лиц.

Для государств, которые провозгласили отделение церкви от государства, характерны следующие черты: равенство всех религий перед законом; запрет на государственное финансирование деятельности любой религии; невмешательство государственных органов во внутренние дела церкви, а церкви в дела государства; религиозные организации не имеют права выполнять юридические функции и вмешиваться в политическую жизнь страны; отделение школы от церкви, провозглашение светского характера образования; право граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, быть атеистом. Суть принципа отделения церкви от государства главным образом состоит в том, чтобы объявить религию частным делом.

Классическими примерами такой формы взаимоотношений церкви и государства являются Франция и США. К этому типу относятся и большинство стран СНГ. Однако нельзя абсолютизировать ни один из названных признаков принципа отделения церкви от государства. На практике в каждой отдельной стране они могут иметь самые разные проявления.

В заключение следует отметить, что предложенная типология государств в зависимости от их отношения к религиозным организациям, как и любая другая типология, является достаточно условной: во-первых, потому, что к одному и тому же типу государств относятся страны с разными политическими режимами, а, следовательно, и традиционно разным отношением к религии; во-вторых, во многих государствах отмечается разрыв между законодательством и его применением на практике; в-третьих, существуют государства, которые могут быть отнесены к пограничным состояниям и в которых идет постоянная борьба между светскими и религиозными институтами.

Соотношение церкви и государства многомерно. Оно может проявляться в разных сферах, в разных формах и в разной степени интенсивности. Исходя из конкретной ситуации, отношения между церковью и государством могут способствовать как стабилизации, так и дестабилизации общественных отношений.

Систематизация и классификация форм взаимодействия государства и религиозных организаций, выявление характерных для этих форм черт и характеристик являются одними из способов

формирования адекватных государственно-религиозных взаимоотношений.

Список литературы

1. Тернер Ф.Г. Свобода совести и отношения государства к церкви // Сборник государственных знаний / под ред. В.П. Безобразова. – СПб.: Типография В. Безобразова, 1877. – Т. 3 – 58 с.
2. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. собр. соч. – Москва: Политиздат, 1962 – Т. 20. – С. 5–338.
3. Большая Юридическая Энциклопедия. Автор и составитель А.Б. Барихин. – Москва: – Книжный мир, 2010. – 959 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва: Издательство Московской Патриархии, 1976. – 1371 с.
5. Гараджа В.И. Социология религии – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 236 с.
6. Философский энциклопедический словарь. – Москва: Инфра, 2011 – 568 с.
7. Подопригора Р.А. Государство и религиозные организации (административно-правовые вопросы). – Алматы. – Аркаим, 2002. – 324 с.
8. Современная Саудовская Аравия. Составители: Ахмедов В.М., Гашев Б.Н., Исаев В.А., Филоник А.О., Шарбатов Г.Ш., Яковлев А.И.– Москва: Институт востоковедения РАН, 1998. – 280 с.
9. Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы / Воскресенский А.Д. (отв. ред.). – Москва: МГИМО (У) МИД России, 2011. – 685 с.

G. A. Lemeshko

(senior lecturer)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: lemeshko.donntu@gmail.com

THE STATE AND THE CHURCH: FORMS OF THEIR INTERACTION

***Annotation.** The article defines and analyzes the established and most widespread models of the relationship between the state and the church in the modern world.*

***Keywords:** state, religion, church, religious organization, theocratic states, state church, separation of church from state.*

УДК 215(045)

Е. В. Рочняк

(к. филос. наук, доцент)

Горловский институт иностранных языков
(г. Горловка, Донецкая Народная Республика)

E-mail: lero1981@yandex.ru

ДИАЛОГ РЕЛИГИИ И НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КАК ПРОБЛЕМА ЭКОФИЛОСОФИИ

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению аспектов взаимоотношения религии и науки в истории и современном мире. В работе мы определяем сходства и различия, а также пути взаимодействия религии и науки, анализируем роль и функции религии и науки в современной культуре.*

***Ключевые слова:** наука, религия, конфликт разума и веры, диалог религии и науки.*

В сферу интересов достаточно молодого научного направления экофилософии как философии гармонии и равновесия различных систем входит значительное количество вопросов. В частности, глубоко плюральный характер экофилософии подчеркивал один из её фундаторов А. Несс: «Философия как разновидность софии (или) мудрости является открыто нормативной, она содержит как нормы, правила, постулаты, объявления о приоритетах ценностей, так и гипотезы, касающиеся положения дел в нашей вселенной. Мудрость – это политическая мудрость, рецепт, а не только научное описание и прогноз. Детали эконософии будут иметь множество вариаций из-за значительных различий, касающихся не только «фактов» загрязнения, ресурсов, населения и т. д., но и ценностных приоритетов» [1, с. 8]. Основной задачей экофилософии является полный, всеобъемлющий анализ нашей общественной и индивидуальной ситуации. Её универсальный характер включает в себя весь глобальный контекст жизни человека.

Существует три основных пути познания человеком мира: наука, религия и искусство. Наука дает человеку возможность рационально постигать окружающую среду. Через искусство человек реализует свою потребность в художественном самопознании для

«проживания» различных жизненных ситуаций. Религия – это тоже способ осмысления мира, но не путем изучения физической реальности, в которой живет человек. Религия не заинтересована в познании законов материального мира, религия – это сфера духовного.

История открытого противостояния между религией и наукой начинается в XVII-XVIII веках в Европе, когда с развитием естественных наук обостряется противоречие между философско-теологическим типом мировоззрения, господствовавшего в Средневековье и новым, «объективистским» типом научного мировоззрения. В основе этого конфликта, не решенного по сей день, лежит противостояние разума и веры.

Цель данной работы определяется необходимостью анализа аспектов взаимоотношения религии и науки в истории и современном мире, освещение многообразия взаимоотношений между научным и теологическим положениями, попыткой концептуализации диалога религии и науки.

Столетиями ориентиром форм поведения и источником ценностей для человека была религия. Однако в Новое время на Западе получает распространение такое явление как секуляризация, которое провело границу между авторитетом церкви с её опорой на веру и авторитетом государства, апеллирующего к науке. Человек веры ушел на периферию, а в центре стал человек, ориентированный на накопление практических, применимых в каждодневной жизни знаний. Процесс секуляризации позднее стал источником множества проблем на современном этапе развития цивилизации, фундамент которых – состояние экзистенциальной растерянности и тревоги, не понимания своего места в мире и отсутствия жизненной цели, требующей активной душевной и духовной работы: «Вопреки видимому благополучию, современный человек подавлен глубоким чувством бессилия и пассивно встречает надвигающиеся катастрофы» [2, с. 69].

Многие религиозные деятели, философы, историки и даже политики в своих выступлениях говорят о том, что актуализация религиозных традиции поможет обществу восстановить идеалы духовности и человечности. Они выступают за восстановления храмов, увеличения их числа, рассматривая это как индикатор позитивных перемен. Мы не видим смысла отрицать эту позицию, но отметим, что все перемены начинаются с внутреннего мира чело-

века, а не доступных для внешней фиксации количественных изменений.

В 2015 г. на портале BBC NEWS была размещена статья К. Уайт «Наука и религия: можно ли положить конец вражде?». Уже в заголовке акцентируется, что в современной культуре наука и религия находятся в состоянии конфликта. Как отмечает автор: «Среди сегодняшнего научного сообщества не единого отношения к вопросу веры» [3]. К. Уайт указывает и на то, что многие ученые сегодня выступают с атеистическими взглядами и крайне отрицательно относятся к религии. Одним из них является популяризатор материалистической картины мир Р. Докинз, известный многолетней борьбой с религией. В своей книге «Бог как иллюзия» он называет веру не заслуживающей доверия и даже бредовой.

Однако такая точка зрения не является преобладающей среди представителей научного мира. Достаточно вспомнить утверждение Коперника о том, что «глубина религиозного чувства помогает великим ученым в определяющих открытиях, поскольку вызывает «восторг перед всемогущим Строителем вселенной» [4]. А основатель современной рационалистической науки Ф. Бэкон когда-то сказал: «Только поверхностное знание природы может увести нас от Бога; напротив, более глубокое и основательное ведет нас назад, к Нему» [5, с. 15]. Такого же мнения придерживается и выдающийся физик XX в. М. Планк: «Религия и наука нисколько не исключают друг друга, как это полагали раньше и чего бояться многие наши современники; наоборот, они согласуются и дополняют друг друга» [5, с. 49]. В числе современных ученых, открыто поддерживающих религию, следует назвать и профессора-астрофизика кафедры теологии и религии Даремского университета преподобного Д. Уилкинсона. Ученый-священник настаивает на том, что «люди внутри и вне церкви убеждены, что у науки и религии непростые отношения, но упрощенная модель, согласно которой наука вставляется противником религии, не объясняет очень интересных взаимоотношений между этими сферами» и замечает, что «многие вопросы, которые вера и наука став друг другу, приносят плоды» [6].

Есть и те исследователи, которые соглашаясь, что давняя идея конфронтации между наукой и религией является устаревшей, все же не считают их союзниками. Так, например, Дж. Уильямс, специалист по преподаванию естественных наук в Университете

Сассекса говорит: «Проблемы, как правило, возникают в кругах людей, которые пытаются совместить науку и религию или же наоборот использовать религию, чтобы подвергнуть сомнению науку» [6]. Он считает, что это неправильное понимание природы науки: «Наука ищет объяснения природным явлениям, в то время как религия пытается понять смысл жизни» [6]. По мнению Дж. Уильямса, «...наука и религия не могут быть интегрированы, то есть наука не может ответить на многие вопросы, которые поднимает религия и, аналогично, религия не может ответить на научные вопросы» [6].

В 2016 г. портал Forbs опубликовал отрывок из книги «Вера против фактов» американского генетика Дж. Койна под названием «Не верю: почему наука и религия несовместимы». В своей книге он ставит вопрос, почему из всех человеческих занятий, которые можно сравнить с религией, нас так беспокоят ее отношения именно с наукой: «В современном мире не кипят горячие споры о примирении с религией спорта, литературы или бизнеса. На повестке дня стоит вопрос о гармонизации именно науки и религии» [7].

В 2020 г. Региональная аналитическая сеть Центральной Азии опубликовала статью «Могут ли наука и религия сосуществовать в гармонии?» [8]. С целью поиска ответа на данный вопрос исследовательский центр Pew Research Centr летом 2019 г. провел интервью с представителями разных вер: мусульманами, индустами, буддистами и христианами в Малайзии и Сингапуре. Выбор был определен тем, что эти две страны Юго-Восточной Азии в последние годы вложили значительные средства в научные исследования и одновременно они представляют территорию с религиозно разнообразным населением. В результате опроса все респонденты в той или иной степени подтвердили, что наука и религия являются частично совпадающими, но не совместимыми областями. На вопрос «Противоречит ли наука религии?» было высказано мнение, что наука и религия в целом совместимы, т.к. часто пытаются описать похожие вещи, однако отношения между ними охарактеризованы как конфликтные.

В связи с такой ситуацией важность диалога очевидна. Он должен осуществляться поэтапно, решая вопросы, связанные с точками столкновения этих двух форм познания мира. Это такие вопросы как, например, возникновение Вселенной, происхождение жизни, ее многообразие, происхождения человека и культуры.

Следует отметить, что все большее количество ученых, философов и богословов уверены в наличии уже существующего открытого диалога между наукой и религией, в котором и первая и вторая сохраняют собственную автономию – метод, данные, язык и опыт. Поэтому утверждение в несовместимости религии и науки в корне неверно. Подчеркнем, что отношения между религией и наукой не проектируются лишь на страницах специализированных работ философов науки и богословов: они формируются культурно-историческими процессами и проявляются в культурных и социальных явлениях.

Неоспоримым доказательством совместимости науки и религии является тот факт, что такие величайшие естествоиспытатели всех времен, как И. Кеплер, И. Ньютон, Г. Лейбниц и другие, не только не отрицали существование религии, но и были проникнуты глубокой религиозностью. Более того, эти великие умы утверждали, что свою веру они почерпнули из занятий наукой, научных исследований природы, акцентируя мысль, что только полужнания удаляют от Бога, а истинные знания приближают к Нему.

Известный далеко за пределами нашей родины русский и советский религиозный деятель, хирург и ученый Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), живая вера которого оказала огромное влияние на его научную работу, неоднократно утверждал, что религия и наука могут существовать в единстве. Для него занятие наукой были нравственным долгом, этому он обучал и своих учеников.

Научное познание предполагает веру в разумное целесообразное устройство мира, а закономерность, наблюдаемая в нем, поражает ученых и мыслителей и наводит на мысль о существовании высших сил. Другими словами, вера в разумность мира является основанием науки. Данная мысль принадлежит А. Эйнштейну, который сказал следующее: «К религии относится вера в то, что мир является управляемым по законам разума, что этот мир постигается разумом. Я не могу себе представить подлинного естествоиспытателя без веры в это» [9, с. 254-255]. Подобную мысль мы встречаем и у Ч. Дарвина, считавшего, что «мир покоится на закономерностях и в своих проявлениях представляется как продукт разума – есть указание на его Творца» [9, с. 267]. Будучи ученым, он также не отрицал существование Бога и религии, о чем свидетельствует фра-

за из его письма: «Я никогда не был атеистом в смысле отрицания существования Творца» [9, с. 267].

Приведенные выше примеры еще раз подтверждают, что религия и наука могут существовать вместе, а в некоторых случаях дополняют друг друга своими познаниями о мире. Общеизвестный исторический факт: первые анатомические атласы, математические формулы и карты были созданы священнослужителями. Создатели античной науки были одновременно и религиозными мыслителями. Пифагорейское общество было религиозно-ортодоксальным. Аристотель, отец современного естествознания, был создателем религиозных и философских принципов, вошедших в христианское мышление. В средние века монастыри собирали древнюю литературу и были средоточием знаний своей эпохи.

На наш взгляд, правомерно считать, что религия и наука не могут противоречить одна другой уже потому, что они имеют различные сферы и различные методы своего влияния и исследования. Об это в свое время сказал М. В. Ломоносов: «Правда и вера суть две сестры родные, дочери одного Всевышнего Родителя, никогда между собою в распрю придти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрствования на них вражду всклеплет» [10, с. 209]. Или еще цитата: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал Свое величество, в другой – Свою волю. Первая – видимый сей мир, Им созданный; вторая – Священное Писание» [10, с. 209-210]. Аналогичную мысль сегодня постулирует американский физик, лауреат Нобелевской премии Ч. Х. Таунс: «Вера в упорядоченную Вселенную, доступную человеческому познанию, сделала возможным научный прогресс. Цель науки – познать порядок во Вселенной и суть вещей. Задача религии – постижение цели и смысла Вселенной» [11, с. 77].

Действительно, для религии безразлично, как решаются те или иные проблемы математики, по каким путям движутся планеты, как физика определяет центр тяжести, что она говорит о свойствах тел, о явлениях света, теплоты и так далее, чему учит химия о простых и сложных телах, о соединении одних и разложении других и т. п. Наука сама по себе не содержит нравственных ценностей. Религия же дает нам знания о том, для чего мы живем и как мы должны жить. Наука может нам разложить по полочкам материальный мир, религия же говорит о духовном. Область науки – это область интеллекта. Человек – существо разумное, т.е. облада-

ющее даром разума, интеллектом, но он не должен сужать себя до пределов только этой сферы. «Религия, – по словам французского философа Э. Бутру, – предлагает человеку более богатую и более глубокую жизнь, интеллектуальную жизнь: она есть род синтеза – вернее, сокровенной духовной связи инстинкта и разума, при котором каждый из двух, слитый с другим и, благодаря этому, преобразенный и воспламененный, обладает полной и творческой силой, которая ускользает от него, когда он действует отдельно» [12, с. 25-26].

Приведем еще два высказывания, свидетельствующие об ограниченных возможностях человеческого разума и науки. Первое принадлежит лауреату Нобелевской премии по физике, фундаментатору квантовой электроники А. М. Прохорову, а второе – члену-корреспонденту АН СССР, учёному в области общей механики и прикладной математики Н. Н. Моисееву. А. М. Прохоров в дискуссии с Ч. Х. Таунсом сказал: «Наука не может дать абсолютного знания, но она на это и не претендует, ибо всякое знание относительно» [12, с. 56]. Н. Н. Моисеев в статье «Научное предвидение – иллюзия и реальность» писал: «Но как бы хорошо не были известны эти законы, развитие любого процесса (в частности траекторию космического корабля) можно предсказать лишь приблизительно. Мы ничего, никогда не знаем абсолютно точно, а всегда только «почти точно». Это маленькое «почти» присутствует во всех наших расчетах, и к тому есть, по меньшей мере, две причины. Во-первых, как говорят философы, нам доступна лишь относительная истина. Уже при изучении процессов, протекающих в неживой природе, мы сталкиваемся с явлениями, предсказать дальнейшее развитие которых мы не можем, хотя они могут быть очень простой природы...» [12, с. 61-62].

О научно-технической революции можно сказать, что она изменила многое в привычном жизненном укладе. «Человек стал больше знать, больше думать, но стал ли он от этого добрее, честнее, человечнее?» [13, с. 205] – вопрошает советский писатель Д. А. Гранин. Принесли ли технические открытия счастье человеку – это вопрос сложный и ответ на него скорее отрицательный. В. С. Соловьев в своей знаменитой повести «Три разговора» писал: «Наша культура и наше внешнее усовершенствование жизни не принесло человечеству счастья. Несмотря на видимый блеск науч-

ных завоеваний, людей ныне, как и в конце античного века, мучит душевная тоска, тоска иссякшего и неспособного к любви сердца, ненасытной и неудовлетворенной гордости, ужас пустоты небытия» [14, с. 541]. Единственное, свидетелями чего мы сами являемся – это огромный разрыв между прогрессом в области научно-технических достижений и его отсутствием в человеческих взаимоотношениях, как в личном, так и в общественно-социальном и межгосударственном плане.

В своей сути и наука, и религия стремятся познать истину. И наука, и религия объясняют происхождение Вселенной, человека, место человека в мире, смысл человеческой жизни. Диалог между наукой и религией связан с самой сутью человеческого существования, в котором мир материи и мир духа объединены. Соперничество науки и религии за власть над умами людей, за право на непогрешимость парадигмы, на владение сокровенной истиной вредит обеим сторонам, мешает спокойно слушать и слышать друг друга и плодотворно сотрудничать.

Религия и наука являются как независимыми, так и созависимыми сферами, главная задача которых – способствовать общему движению человечества к гармоничному и безопасному будущему. Показательны в этом отношении ставшие хрестоматийными слова из письма М. Горького И. Е. Репину: «Я уверен, что человек способен бесконечно совершенствоваться, и вся его деятельность – вместе с ним тоже будет развиваться, – вместе с ним из века в век. Верю в бесконечность жизни, а жизнь понимаю как движение к совершенствованию духа» [цит. по: 15, с. 10].

Список литературы

1. Naess A. Deep Ecology Movement : an Introductory Anthology. – Berkeley: North Atlantic Publishers, 1995. – 328 p.
2. Рочняк, Е. В. Восприятие свободы современным человеком // Zbiór artykułów naukowych. Konferencji Międzynarodowej Naukowo-Praktycznej «Priorytetowe obszary nauki» (Zakopane: 29.11.2015 - 30.11.2015) – Warszawa: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2015. – Część 6. – Str. 68-70.
3. Уайат, К. Наука и религия: можно ли положить конец вражде? – Текст : электронный // <https://www.bbc.com/russian> : сайт. – URL: https://www.bbc.com/russian/society/2015/03/150323_religion_science_relationship.

4. Николай Коперник. История человека, перевернувшего мир / Всемирная история с Андреем Сидорчиком. – Текст : электронный // <https://aif.ru/> : сайт. – URL: https://aif.ru/society/science/nikolay_kopernik_istoriya_cheloveka_perevrnuvshego_mir.
5. Пылаев, М. А. Западная феноменология религии : теоретико-методологические основания и перспективы построения религиоведения как науки о святом / М. А. Пылаев. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2006. – 95 с.
6. Уайат, К. Наука и религия: можно ли положить конец вражде?
7. Не верю: почему наука и религия несовместимы? – Текст : электронный // <https://www.forbes.ru/> : сайт. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/dosug/324291-ne-veryu-pochemu-nauka-i-religiya-nesovmestimy>.
8. Могут ли наука и религия сосуществовать в гармонии? – Текст : электронный // <https://www.caa-network.org/> : сайт. – URL: <https://www.caa-network.org/archives/20416>.
9. Наука и религия : междисциплинарный и кросс-культурный подход / Science & Religion : an interdisciplinary and cross-cultural approach // под ред. И. Т. Касавина. – Москва : Канон+ : РООИ «Реабтация», 2006. – 471 с.
10. Религия в истории и культуре : учебное пособие / М. Г. Писманик [и др.]. – Пермь : Книжный мир, 1995. – 301 с.
11. Пылаев, М. А. Западная феноменология религии.
12. Матецкая, А. В. Религиоведение : краткий курс / А. В. Матецкая, С. И. Самыгин. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 216 с.
13. Наука и религия : междисциплинарный и кросс-культурный подход.
14. Соловьев, В. С. Сочинения в 2-х т. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; Примеч. С. Л. Кравца и др. – М. : Мысль, 1988. – 822 с.
15. Баркова, Э. В. Культура ноосферного города в экофилософском измерении // Экофилософия в проектировании ноосферного города : сборник статей по итогам Второго российского круглого стола с международным участием 14 мая 2021 года : сборник статей / кол. авторов; под ред. Э. В. Барковой, О.М. Бузской. – М. : РУСАЙНС, 2021. – С. 6 – 16.

E. V. Rochnyak

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Gorlovka Institute for Foreign Languages

(Gorlovka, Donetsk People's Republic)

E-mail: lero1981@yandex.ru

**DIALOGUE OF RELIGION AND SCIENCE
IN MODERN CULTURE
AS A PROBLEM OF ECOPHILOSOPHY**

***Annotation.** The article is devoted to the consideration of aspects of the relationship between religion and science in history and the modern world. In this work, we identify similarities and differences, as well as ways of interaction between religion and science, analyze the role and functions of religion and science in modern culture.*

***Keywords:** science, religion, conflict of reason and faith, dialogue of religion and science.*

УДК 130.2

Д. Д. Овсяникова

(ассистент кафедры)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: dareyos@list.ru

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ КАК СПОСОБ ФИКСАЦИИ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

***Аннотация.** Статья посвящена осмыслению особенностей осуществления социально-исторической преемственности в процессе общественного развития. Понятие культурной памяти рассматривается автором как способ фиксации механизмов сохранения и передачи значимого социального опыта. Анализируются исследовательские подходы, осмысливающие понятие культурной памяти в качестве фундаментального философского понятия.*

***Ключевые слова:** общественное развитие, социально-историческая преемственность, культурная память.*

Человеческое общество существует в постоянном развитии: вырабатываются новые способы социального взаимодействия, изменяются условия материальной и духовной жизни людей. Однако в то же время, несмотря на все происходящие трансформации, сущностные контуры социального способа бытия остаются неизменными. С одной стороны, развитие определяется переходом объекта в новое качественное состояние, его изменением, но при этом, с другой – новое не возникает из ничего, оно предполагает уже существующее состояние объекта в качестве необходимого фундамента своего формирования.

Развитие общества представляет собой сложный противоречивый процесс, нацеленный одновременно как на изменение, так и на сохранение выработанных в рамках общественной жизнедеятельности ценных элементов коллективного опыта, поддерживающих целостность социальной общности: если бы человеческое общество не обладало способностью накапливать и передавать важный социальный опыт, каждое новое поколение вынуждено было бы начинать своё движение с самого начала, раз за разом проходя один и тот же путь.

Получившее выражение в понятии социально-исторической преемственности свойство человеческого коллектива сохранять и транслировать знания, наработанные в рамках общественной практики, обеспечивает утверждение внутреннего единства общества в процессе его развития. Таким образом, преемственность выступает основополагающим по своей сути фактором в существовании общественного целого, неотъемлемой составляющей его исторического движения, что обуславливает важность исследования сущностного содержания и особенностей реализации механизма фиксации и трансляции ценного социального опыта как фундаментального основания общественного бытия.

Несмотря на то, что некоторые аспекты представлений о преемственности как факторе развития могут быть выявлены уже в философских воззрениях древности, само понятие «преемственность» было сформулировано и введено в философский дискурс только в XX-м веке исследователями марксистской диалектики.

Большая советская энциклопедия раскрывает понятие преемственности как «связь между явлениями в процессе развития, когда новое, снимая старое, сохраняет в себе некоторые его элементы» и определяет её как одно из проявлений диалектики отрицания отрицания и перехода количественных изменений в качественные [1, с. 514].

Развитие невозможно без отказа от отживших форм существования явлений, при котором происходит отрицание старого качества объекта новым. Однако диалектическое отрицание не предполагает полного уничтожения старого, оно представляет собой единство разрушения и созидания, необходимо включающее в себя момент преемственности, поскольку «разрушение не может быть абсолютным и не означает распада всех структур и элементов системы. Те из них, которые способствуют повышению уровня организации системы, сохраняются и преобразуются, включаясь в качестве элементов, подсистем и структур в новую систему. Иным путём и не может совершаться поступательное развитие от низшего к высшему» [2, с. 127].

Отрицание с необходимостью сопровождается процессом уничтожения, но диалектическое отрицание не терпит уничтожения напрасного, бесплодного; отрицание старого и переход в новое качество предполагает установление связи между различными этапами в развитии: «В диалектическом отрицании заложено единство

прерывности и непрерывности, т. е. оно предполагает преемственность в развитии. Непрерывность выражается в том общем, что переходит от предыдущего предмета, прерывность – в том особенном, что отличает новое от старого» [3, с. 36].

Соединение старого с новым, происходящее при сохранении ценных элементов прошлого качественного состояния объекта, является необходимым моментом развития. Преемственность, прокладывая таким образом связующую нить между прошлым, настоящим и будущим, обеспечивает сохранение устойчивой целостности явления в процессе его изменения.

В свете диалектического подхода развёрнутое теоретическое обоснование преемственности как элемента развития впервые было дано Г. В. Ф. Гегелем в рамках формулирования закона отрицания отрицания, согласно которому развитие представляет собой процесс зарождения противоречия с его последующим снятием: исходная стадия, обозначенная тезисом, снимается антитезисом, который в свою очередь снимается синтезом. При этом снятие утверждается не только как момент отрицания (уничтожения), но также и как процесс сохранения, поскольку последующая ступень развития вбирает в себя позитивные элементы предыдущих этапов [4, с. 99].

Осуществляемое К. Марксом и Ф. Энгельсом переосмысление сформулированных Г. В. Ф. Гегелем диалектических принципов в свете материалистической философии дало новый толчок в теоретическом анализе процессов преемственности. Применение диалектического подхода к социально-историческим процессам, проводимое в марксистской философии, утверждает представление о сохранении в снятом виде элементов прошлого этапа в существовании общества на его новой ступени развития.

Дальнейшее формирование представлений о преемственности связано с развитием советской философской мысли, в рамках которой понятие преемственности получило своё фактическое выражение и теоретическое обоснование. Так, например, одним из первых к данной проблематике в своём исследовании обратился Э. А. Баллер, утверждающий преемственность в качестве всеобщей философской категории: «связывая отрицаемое и отрицающее, преемственность является всеобщим закономерным обнаружением диалектического единства прерывности и непрерывности движу-

щейся материи» [5, с. 17]. Полемизируя с аргументами авторов, настаивающих на том, что «классики марксизма-ленинизма нигде не называют преемственность в качестве особой философской категории», Э. А. Баллер указывает на то, что преемственность обладает теми же признаками, что и любая философская категория, «а именно: объективностью, всеобщностью, сущностью» [5, с. 13-14]. Таким образом преемственность обосновывается как необходимое условие любой формы изменения как в органической, так и неорганической природе. Однако в то же время преемственность имеет специфичный характер в каждом конкретном случае отрицания: например, как демонстрирует автор, поступательная преемственность, предполагающая прогресс или регресс в развитии, присуща лишь процессам, происходящим в живой природе и человеческом обществе.

Вместе с тем в отличие от преемственности в природе, осуществляющейся стихийно, особенность преемственности в общественном развитии – исторической преемственности – связана с деятельностью людей, «более или менее осознанно объединяющихся для решения возникающих перед обществом задач» [5, с. 23].

Осознанная деятельность, являясь основополагающим моментом социального способа существования, определяет также специфику процесса преемственности в обществе, что, как следствие, приводит к проблеме осмысления внутреннего механизма осуществления социально-исторической преемственности: то есть каким именно образом в процессе изменения социального целого происходит сохранение в структуре общества позитивных компонентов, присущих предыдущей стадии его развития? В каких социальных явлениях обнаруживается сущностное содержание процесса удержания положительных элементов, воспринимаемых из прошлого этапа существования общества, – каковы формы его внешнего выражения?

Посвящённая категории преемственности статья в Большой советской энциклопедии описывает преемственность в обществе как «передачу социальных и культурных ценностей от поколения к поколению, от формации к формации и усвоение этих ценностей каждым новым поколением, каждой новой социальной системой». При этом содержание социально-исторической преемственности раскрывается автором статьи через представление о «памяти обще-

ства», накапливающей и хранящей культурную информацию прошлого, на основе которой создаются новые ценности [1, с. 514-515].

В современном философском дискурсе проведённая параллель между преемственностью и «памятью общества» закрепились в понятии «культурной памяти», ставшем выразителем механизма сохранения и передачи ценного социального знания. Термин «культурная память» на первых этапах своего формирования может быть обнаружен в работах, посвящённых психологическим исследованиям социальной природы памяти индивида [6]. Однако введением данного термина в научный оборот в качестве философского понятия исследовательская мысль обязана Ю. М. Лотману – основоположнику структурно-семиотического подхода в изучении культуры.

Ю. М. Лотман не формулирует чёткого определения, очерчивающего границы понятия культурной памяти, однако в рамках семиотического подхода задаёт определённые базовые установки в понимании сущности и особенностей реализации памяти культуры.

Так, автор отталкивается от указания на то, что «функционирование какой-либо коммуникативной системы подразумевает существование общей памяти коллектива», поскольку «без общей памяти невозможно иметь общий язык» [7, с. 616]. Обмен информацией является основополагающим моментом в реализации человеческого взаимодействия, что, следовательно, наделяет память общества – как необходимый базис процесса коммуникации – характеристиками фундаментального элемента самого социального способа существования. В конечном итоге, культура, отождествляемая в рамках семиотического подхода с информацией, начинает мыслиться как коллективный интеллект и коллективная память, то есть «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [7, с. 673].

Несмотря на то, что Ю. М. Лотман не обращается в данном случае к категории преемственности непосредственно, фактически в своих рассуждениях он раскрывает особенности реализации преемственного развития в обществе, утверждая коллективную – культурную – память в качестве некоторой внутренней «движущей силы» данного процесса.

Охватываемый категорией преемственности момент сохра-

нения позитивных элементов прошлого, позволяющий удерживать общество как целостность в его историческом движении, автор рассматривает как «некоторый смысловой инвариант», сохраняющий идентичность самому себе, несмотря на всю вариативности истолкования, возможную в контексте новой эпохи.

Таким образом, «прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определённых условиях вновь заявить о себе» [7, с. 615]: то есть содержащаяся в памяти общества информация, предполагает как сохранение, так и дальнейшую актуализацию, тем самым свидетельствуя о том, что культура как память предстаёт в качестве не только фиксированного результата, но и самого процесса взаимодействия.

То есть объединение индивидов в некую целостность предполагает установление и поддержание коммуникационной связи, которая представляет собой постоянно воспроизводящийся и актуализирующийся процесс, задействующий в каждый момент своей реализации общую для участников коммуникации память. Изначальная автономность организуемых в общность элементов свидетельствует о том, что потребность в формировании средств устанавливаемой связи – общей памяти – появляется именно в процессе взаимодействия как его результат, а также как его необходимое условие. Из этого следует, во-первых, что память культуры, возникающая в процессе общественной коммуникации, по природе своего происхождения изначально социальна, и во-вторых, будучи неотъемлемой составляющей взаимодействия, предполагает постоянное сознательное и бессознательное присутствие полного объёма фиксируемого знания.

Следовательно, память не может осмысливаться просто как «пассивное хранилище» для культуры, поскольку в рамках своего функционирования «она сохраняет прошедшее как пребывающее» [7, с. 674].

Вместе с тем другой аспект актуализации культурной памяти находит выражение в процессе столкновения сохраняемой информации с новыми кодами, используемыми для их дешифровки в современном срезе культуры, что приводит к «смещению значимых и незначимых элементов структуры текста», порождая таким образом новые смыслы.

В воззрениях автора, раскрывающих значение памяти в фор-

мировании новых «текстов», несмотря на узко-семиотическую трактовку данных процессов, может быть выявлено имплицитно содержащееся представление о роли культурной памяти – как механизма социально-исторической преемственности – в процессе развития самого общественного целого. Так, с одной стороны, будучи надындивидуальной по способу образования и реализации, культурная память фиксирует и передаёт информацию, необходимую для обеспечения адекватного социального взаимодействия, удерживая тем самым общество в присущих ему границах, но в то же время, с другой – в переосмыслении сохраняемых в памяти культуры элементов прошлого опыта зарождаются новые основания для качественных изменений в обществе.

Рассмотренные автором особенности осуществления культурной памяти охватывают фундаментальные процессы развития общества, однако рамки исследования, заданные спецификой семиотического подхода, ограничивают потенциал проведённого анализа: узконаправленная сосредоточенность на самой коммуникации не позволяет выйти в плоскость поиска предельных оснований формирования социального целого.

Новый виток в развитии представлений о культурной памяти связан с выходом в свет монографии Яна Ассмана: «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» [8].

В своих рассуждениях Я. Ассман формирует представление о двух регистрах общественной памяти о прошлом: коммуникативной и культурной. Автор обращается к идее «дрейфующей лакуны», описанной этнологом Яном Вансиной, – явления, обнаруживаемого зачастую в традициях, сосредоточенных вокруг устного предания о прошлом. В памяти таких обществ в изобилии фиксируются сведения о недавних событиях, однако по мере углубления в прошлое, воспоминания становятся всё более скудными, подходя к границе информационного пропуска. Однако периоды более древние, содержащие сведения о возникновении общества – его истоке, вновь получают достаточно масштабное отображение в предании [8, с. 50-51].

Сохраняемые обществом знания о недавнем прошлом, согласно автору, фиксируют личный опыт индивидов, разделяемый с современниками, и охватывают примерно три-четыре поколения.

Данный пласт воспоминаний Я. Ассман обозначает термином «коммуникативная память». В свою очередь, «культурной памятью» автор называет ту часть воспоминаний коллектива, которая обращается к фиксированным моментам в прошлом и отображает представления сообщества о собственном происхождении.

Сущностные характеристики данных двух модусов коллективного воспоминания Я. Ассман раскрывает в их разграничении и противопоставлении. Так, с точки зрения содержательной составляющей, коммуникативная память сосредоточена на историческом опыте, реализуемом в рамках индивидуальных биографий, в то время как культурная выражает мифическую предысторию существования коллектива.

Как раскрывает представление о мифе автор – это «обосновывающая история, история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [8, с. 55]. Фактически, для обосновывающих целей культурной памяти важность представляет не столько достоверное знание о прошлом, сколько история, воссозданная в воспоминании – то есть миф, приобретающий нормативную и формирующую силу. В итоге, культурное воспоминание наделяется сакральным значением: «фигуры воспоминания имеют религиозный смысл, и воскрешение их в памяти часто происходит в форме праздника», который также выполняет функцию воссоздания в памяти обосновывающего прошлого [8, с. 55]. Таким образом, через ритуализированную по форме своего осуществления коммуникацию, направленную на воспроизведение информации об истоке формирования общности, происходит утверждение коллективной идентичности вспоминающей группы. Как утверждает автор: «ритуальность коммуникации уже сама по себе есть оформление», и в данном обстоятельстве обнаруживается ещё одна важная черта культурной памяти, касающаяся особенностей её внешнего проявления, – высокая степень оформленности, выраженная в ритуале, обряде, тексте и т.д. [8, с. 55].

Поскольку культурная память не наследуется биологически, она нуждается в функционировании специальной «мнемотехники», обеспечивающей преемственность в смене поколений. Групповая память не имеет физиологической основы, потому её замещает культура – «комплекс обеспечивающего идентичность знания, объективированного в символических формах» [8, с. 95]. В зависимости от приверженности отдельных культур определённому способу

сохранения знания, Я. Ассман выделяет два «типа когерентности» – обрядовую и текстовую.

В своём анализе автор уделяет особенное внимание рассмотрению различных способов фиксации обосновывающего знания и обстоятельств, обусловивших их формирование. В рамках своего исследования Я. Ассман выявляет характерные черты, присущие культурной памяти, и анализирует особенности их практической реализации на примерах древних цивилизаций Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Однако, фокусируясь исключительно на осмыслении эмпирически существующих наличных форм реализации культурной памяти – таких как обряд, канон и т.д., – Я. Ассман фактически не формулирует цельное понятие культурной памяти, способное выразить её всеобщее сущностное содержание как социального феномена.

Попытку осуществить анализ культурной памяти с точки зрения её всеобщей формы представляет собой подход, предложенный в работах Т. Э. Рагозиной. Опираясь на марксистскую методологию исследования общественно-исторического процесса, она изначально ставит решение проблемы на предельно широкую основу, рассматривая культурную память в качестве «атрибутивного свойства общества как „социальной органической системы“, воспроизводящей все необходимые предпосылки и условия своего бытия и себя как некую самотождественную целостность на всех этапах своего развития» [9, с. 45].

Развивая свою мысль, Т. Э. Рагозина отмечает, что «преemptивность социально-исторического развития, благодаря которой можно говорить о феномене культурной памяти как механизме *сохранения прошлого в настоящем*, осуществляется благодаря нескольким факторам и особенностям функционирования общества в качестве *органической системы*» [9, с. 54]. Прежде всего, «... в силу того, что производство общественной жизни *в виде производства средств существования* постоянно („ежедневно и ежечасно – уже для одного того, чтобы люди могли жить“) *воспроизводит себя как некую целостность*, выступая фактором непрерывности процесса...; 2) в силу того, что общественное производство есть *производство форм коллективной жизни* – социальных форм, которые, будучи *носителями родовых качеств* социальной жизни, продолженных за границы индивидуального существования, выступают в

качестве *надындивидуальных способов кодирования, сохранения, передачи и воспроизводства* жизненно важного опыта...; 3) в силу того, что структура общества как „органического целого“ на зрелой ступени его развития содержит в себе в качестве своих собственных органов элементы и отношения давно исчезнувших общественных форм» [9, с. 54].

В итоге всеобщее понятие сущности культурной памяти предстаёт в работах Т. Э. Рагозиной в виде развёрнутого определения, согласно которому культурная память есть «...*философское понятие*, выражающее единство противоположных категориальных характеристик социально-исторического процесса, обеспечивающее, с одной стороны, его *развитие* и *изменчивость*, с другой – *устойчивость* и *преемственность*. Культурная память есть не что иное, как *объективно существующее противоречивое свойство*, выражающееся в способности социокультурного организма воспроизводить себя в своей *тождественности, всеобщности, инвариантности* и одновременно продуцировать в себе самом (внутри себя) *различие, особенность, изменчивость*. Причём важно понимать, что это – не разные свойства, а именно *одно свойство*, <...> – *свойство целостности* развивающегося во времени социокультурного организма» [10, с. 14].

Таким образом, философский анализ особенностей осуществления преемственности в процессе социального развития, раскрывая то, как именно происходит установление связи между прошлым, настоящим и будущим в существовании общества, утверждает понятие культурной памяти в качестве выразителя механизмов и форм сохранения и передачи позитивных элементов, выработанных на предыдущих стадиях общественного бытия: культурная память, как необходимое и неотъемлемое свойство фиксации и трансляции значимого социального опыта, присущее социальному организму, обеспечивает целостность общества в его историческом движении.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 22 : Ремень – Сафи / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Сов. энциклопедия, 1975. – 627 с.
2. Морозов, В. Д. О диалектическом отрицании и отрицании отрицания / В. Д. Морозов // Диалектика отрицания отрицания. – М.: Политиздат, 1983.– С 121-134.

3. Даниленко, Л. Е. О месте закона отрицания отрицания в системе законов диалектики / Л. Е. Даниленко, Ф. Н. Рекунов // Диалектика отрицания отрицания. – М.: Политиздат, 1983. – 342 с.
4. Гегель, Г.В.Ф. Сочинения. Т.5. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель; пер. Б. Г. Столпнера. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 698с.
5. Баллер, Э. А. Преемственность в развитии культуры / Э. А. Баллер. – М.: Наука, 1969. – 294 с.
6. Выготский, Л. С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребёнок / Л.С.Выготский, А.Р.Лурия. – М.: Педагогика-Пресс, 1993 – 224 с.
7. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : «Искусство – СПб», 2010. – 704 с.
8. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
9. Рагозина, Т. Э. Проблема культурной памяти как способ рефлексии над социальной формой / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация (Донецк): научный журнал. – ГОУ ВПО «ДонНТУ». – Донецк, 2017. – Выпуск № 1 (5). – С. 42-56
10. Рагозина, Т. Э. Культурная память versus историческая память / Т. Э. Рагозина // Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал. – БГИИК. – Белгород, 2017. – Выпуск 3 (15). – С. 12-21.

D. D. Ovsianikova

(assistant)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: dareyos@list.ru

**THE CONCEPT OF CULTURAL MEMORY
AS A WAY OF FIXING
THE MECHANISMS OF SOCIO-HISTORICAL CONTINUITY**

***Abstract.** The article is devoted to understanding the features of the implementation of socio-historical continuity in the process of social development. The concept of cultural memory is considered by the author as a way of fixing the mechanisms of preservation and transmission of significant social experience. The article analyzes the research approaches that comprehend the concept of cultural memory as a fundamental philosophical concept.*

***Key words:** social development, socio-historical continuity, cultural memory.*

УДК 111.83

А. В. Гижя

(канд. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ

***Аннотация.** Анализируется представление об информации, проходящее в последние десятилетия этапы своей понятийной конкретизации. Отмечается существующая содержательная неопределенность понятия информации в философском отношении. Причиной непрекращающихся попыток онтологизации феномена информации является техногенный сдвиг западных идеологов во взгляде на базисные социально-политические регуляторы.*

***Ключевые слова:** информация, информированность, вещь, атрибутивный, функциональный, система, организованность, историчность.*

Категориальная структура языка получила свое прояснение уже в античной философии, и наиболее системно это сделано в трудах Аристотеля. В Новое время в раскрытие содержательности и природы основных категорий мышления внес неопределимый вклад своей «Наукой логики» Гегель, продолжающий, во многом, тенденции античной философии. Он завершил создание универсально применимого, диалектического способа истинностного мышления, который, безусловно, не может быть воспринят вне встречного, активного диалогового самораскрытия субъекта.

Вторая половина XX века добавила еще один понятийный конструкт - информацию, содержательность которого философскому сообществу ясна лишь отчасти. Его не было ни в «Метафизике» Аристотеля, ни у Гегеля, ни у Маркса, ни даже у Хайдеггера. Без него обошлись Ньютон, Эйнштейн и создатели квантовой механики. Результатом этого невнимания служит отсутствие возможности в случае возникновения познавательного интереса к его трактовке опереться на просветляющие суждения признанных авторитетов: не сформулирована сама исходная, хотя бы схематичная направленность интерпретаций. Как поясняющий пример можно привести ситуацию с толкованием пространства и времени, философское рассмотрение которых является одной из существенных

тем категориального анализа. Она не имеет к настоящему времени общетеоретического заверщенного решения, но здесь есть серьезная традиция понимания, идущая еще от Аристотеля вплоть до Канта, Гегеля и Хайдеггера. В случае же с понятием информации в философской и теоретико-научной традиции мы ничего подобного не наблюдаем.

К настоящему времени философская литература переполнена достаточно сумбурными иллюстрациями этого феномена, с довольно анекдотичной фиксацией в некоторых случаях полной непонятности того, что есть информация. Смешная стороны здесь проявляется в силу того, что отдельные авторы, например, [1], написав две книги по теме информатики, приходят к выводу, что понятие информации совершенно не раскрыто: «В заключение этой беседы мы вынуждены констатировать, что до сих пор мы не только не знаем, в каких единицах мерить количество информации, но и не знаем вообще, что такое информация» [1, с. 71]. В пользу этих авторов, вместе с тем, говорит хорошее, со многими примерами, изложение темы и их совершенно верная констатация, что «...изучение свойств каналов связи ни в коей мере не означает одновременного изучения свойств информации...» [1, с. 71].

Обзор представлений об информации можно найти в многочисленных публикациях – см., например, [2; 3; 4]. При этом перечисление и обзор существующих формулировок и подходов удаются значительно лучше, нежели собственные попытки проведения приемлемого анализа. Это касается всех вышеупомянутых авторов. Курилкина, например, не пытаясь скрыть факт своего незнания, так и пишет в выводах: «Понятие информации сложно понять и определять, потому что она по-разному проявляет себя в различных условиях: в физических системах неживой природы, в биологических системах, в технических устройствах, в социальных системах и в сознании человека. Информация многогранна, поэтому существует так много её разных определений и толкований» [4, с. 76]. В таком признании ничего порочного, разумеется, нет, оно является интеллектуально честным. Тем не менее, несмотря на многогранность, всегда нужно искать сущностное определение исследуемого аспекта бытия в контекстуальном единстве с исторической практикой его существования (понимания), так, чтобы выявляемая содержательность получала свое естественное обобщение.

История и суть вопроса. В промежутке с 1921 г. по 1949 г. были заложены основы научного подхода к теории связи и управления, в рамках которой возникает не просто понятие информации, но именно ее количественное определение. Эта тенденция связана с именами Р. Фишера, В. Хартли, Н. Винера, В. Котельникова, К. Шеннона, И. Колмогорова. Начиная с 1948 г. К. Шеннон ввел в научный оборот математически определенное понятие информации, связанное с разработкой телекоммуникационных средств связи. Этому термину была суждена не только долгая жизнь как рабочему понятию теории связи, но оно получило предельное содержательное расширение, претендуя - в работах некоторых авторов – на статус философской категории максимальной общности.

Надо полагать, что определяющую роль в таком понятийном расширении сыграло то обстоятельство, что в последние несколько десятилетий произошел декларируемый переход от эпохи модерна западной цивилизации к эпохе глобального информационного общества. В объяснениях, иллюстрациях и просто утопических и восторженных декларациях по, якобы, новому, информационному состоянию общества, упор делается, безусловно, именно на факт наличия прорывных коммуникационных технологий. Именно они максимально способствуют созданию представления о всеобщей доступности знаний (сведений), максимальной открытости общества и решающей роли новых форм труда, разрывающих зависимость ВВП с производительностью фабрично-заводского, материального типа. В этой техногенной утопии центральное место занимает термин «информация» и его производные.

Независимо от того, имеет ли информация действительный высокий теоретически-объяснительный уровень, т.е. является ли принципиально важным ее привлечение для полного осознания происходящих социальных сдвигов и процессов, либо такое привлечение, по сути, излишне и ничего нового не добавляет к картине мира, данный термин самой логикой формирования технократической альтернативы марксизму был поставлен в центр ее медийного освещения. Получит ли это освещение философскую легитимацию и заложит контуры новой онтологии общества и индивида? Ответ явится серьезной проверкой добросовестности и достигнутой методологической выверенности философских исследований.

Практически во всех гуманитарно-обществоведческих работах по понятию информации указывается на существование двух

точек зрения на ее трактовку, атрибутивную и функциональную (см. уже указанных в обзоре авторов). Вместе с тем, высказывается мнение о неверности такого разграничения, а взамен предлагается разделить трактовки на онтологические и методологические ([5; 6]). Однако при этом легко и в полной мере прослеживается связь атрибутивного и онтологического понимания, и, чуть менее полного покрытия, функциональной и методологической трактовок. Учебное пособие Соколова [5], вместе с тем, может служить хорошим введением не только к существующим информационным представлениям и дефинициям, но и к кругу тех вопросов и несоответствий, которые эти дефиниции вызывают.

Вывод на текущий момент заключается в констатации наличия всего лишь абстрактного (к тому же множественного) понимания информации в философском плане и сугубо технически-утилитарного ее толкования в научном отношении.

Круг задач и возможность их решения. Вопрос состоит в логически корректном определении понятия информации с обязательным указанием ее сущностных горизонтов. Сущностный горизонт определяет масштабность обобщаемого материала и фиксирует границы искомой понятийной продуктивности: где это понятие уместно и работает, а где оно излишне и дублирует уже известное. Для достижения необходимой обоснованности требуется предварительное выдвижение соответствующих критериев анализа, отвечающих за установление общезначимых характеристик. На каком основании мы будем высказывать те или иные определения? Не каждый раз можно указать такую основу, ее, например, не проговаривают в случае категориальных, предельных обобщений, поскольку они не вытекают чисто логическим путем из предыдущего материала. Но в любом случае все дефиниции требуют обоснованности – в виде ли прямого основания, и тогда они могут быть именно основательными, или путем указания направления формирования содержательности, и тогда они останутся более или менее вероятностными. Однако, если предлагаемая интенциональность сама суть не произвольное умствование, а результат проведенной рационализирующей, самопроверяющей работы мысли, то дискуссионная вероятность становится вполне надежным мериллом.

Возможность установления категориального содержания вытекает из двух объективных определенностей. Первое, это наличие

исторической и научной практики функционирования данного понятия как необходимое звено получения обоснованного знания. Здесь обозначается само пространство идеальных сущностей, в котором живет наша категория. Второе, это выявляемая логика указанного функционирования, определяемая контекстами его применения.

Указанные две определенности носят объективный характер и составляют тот критерий истинности, выше и глубже которого мы никакого принципа высказать не можем, если хотим держаться в разумно ограничивающих рамках достоверного понимания.

Можно утверждать, что информативность в собственном смысле относится к живой природе, и, в особенности, к ее проявлениям в высшей форме, социальным коммуникациям. Ходоровский М.А. в связи с этим справедливо утверждает, что «Информация рассматривается как понятие, неразрывно связанное с представлениями о системах с целенаправленной деятельностью» [7]. Особенность получения информации последнем случае в том, что она совершенно не предполагают обязательного сущностного изменения субъекта. Это соответствует ее адаптационной функции в живой природе, в соответствии с которой организм через отражение, в том числе, и через опережающее отражение, формирует свои реакции на внешний мир, стремясь достичь изоморфизма со средой обитания.

Социум пребывает в состоянии устойчивости, относимой к психолого-мировоззренческим характеристикам индивидов. Это повседневное клише общественного сознания рождает и закрепляет именно те ценностные особенности взаимодействующих субъектов, которые направляют их к участию в воспроизведении экономико-политических условий существующей общественной системы. Информация осведомляет индивида о состоянии дел в круге его интересов, эта осведомленность для него естественна, понятна и в соответствии с ней он корректирует свое поведение в направлении общественно приемлемых целей. Его мир заполнен информацией – биржевой, спортивной, из мира светских сплетен и тусовок, развлечений и отдыха, из сферы его профессиональных интересов, досужих разговоров или деловых переговоров. Все это индивид воспринимает целостно, как сложившийся взрослый субъект, не имея ни малейшей мотивировки меняться, разве что в сторону еще большего соответствия текущей деятельности, более полной про-

фессиональной самоотдачи. Весь информационный вал сведений, обрушивающийся на современного человека, не делает его лучше, т.е. ответственнее, честнее, моральнее, разумнее. Он обеспечивает укорененность индивида в социуме и устойчивость его запросов.

Пространство функционирования информации составляет предметно-вещная область, и так будет в любом обществе, но в условиях современного господства финансового капитализма она, вдобавок, получает отчуждающую форму товара и капитала.

Выводы. Таким образом, учитывая ограниченные рамки тезисов, можно сделать промежуточные выводы, что в простых системах неживой природы информативность является излишним термином и подразумевает собственно знание взаимодействия объектов и законов их движения. В немеханических системах живой природы понятие информации также не несет специфического особенного смысла, но может быть употребляемо как обобщенное именование сигналов внешнего мира. Именно сигнальная природа внешнего воздействия, подразумевающая восприятие сигнала, его преобразование и ответную реакцию (то же относится и к внутренним особенностям функционирования самих организма), позволяет вводить понятие информативности как меры воздействующей организованности внешней среды на структуру и процессы организма. Хотя все законы сохранения, справедливые в физике, здесь выполняются, но ситуация взаимодействия приобретает дополнительные существенные характеристики: она становится нелинейной, возникают элементы стохастической неопределенности, запускаются процессы самоорганизации и структурно-функционального усложнения. В рамках уже неклассической науки и возникает исходно понятие информации как прагматически определяемый термин в области систем связи.

Список литературы

1. Шилейко, А. В., Шилейко, Т.И. Беседы об информатике - Москва: Молодая гвардия, 1989 – 287 с.
2. Колин, К. К., Урсул А. Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. - Москва: Изд-во "Стратегические приоритеты", 2015. - 288 с.

3. Жолков, С. Ю. О понятии информации в философии и теории информации // Философия и культура. – 2017. – № 10. – С. 55 - 66. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.10.24183 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24183
4. Курилкина, В. Н. Философский и общенаучный анализ понятия информации // Вестник СВФУ. 2014. № 1. С. 73-77.
5. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие Раздел Концепции информации в современной науке. - Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В.А., 2002. - 461 с. URL: http://polbu.ru/sokolov_communi/ch36_i.html
6. Соколов, А. В. Философия информации. - Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2010. - 368 с.
7. Ходоровский, Л. А. К определению понятия "информация" // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2021. – № 10. – С. 1-17. – DOI 10.36535/0548-0027-2021-10-1.

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

THE PROBLEM OF FORMING THE CONCEPT OF INFORMATION

***Annotation.** The idea of information, which has been going through the stages of its conceptual concretization in recent decades, is analyzed. The existing meaningful uncertainty of the concept of information in philosophical terms is noted. The reason for the ongoing attempts to ontologization the phenomenon of information is the technogenic shift of Western ideologists in their view of the basic socio-political regulators.*

***Key words:** information, awareness, thing, attributive, functional, system, organization, historicity.*

УДК 316.4

Э. Н. Давыденко

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли

имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: davydenko-elina@mail.ru

ЭФФЕКТЫ ДЕГУМАНИЗАЦИИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

***Аннотация:** Электронно-цифровое опосредование любых социальных отношений влечет за собой радикальное преобразование не только общественного, но и нравственного пространства, смену всей ценностно-смысловой парадигмы современного общества, изменение языка культуры и способов производства культурных смыслов и образов. Цифровое общество и техногенная цивилизация порождает разрыв между гуманистической теорией и практикой, выразившийся в нивелировании образа человека, требует поиска путей и необходимости преодоления противоречий. Поэтому в эпоху перехода к цифровому обществу актуальными становятся проблемы, рассматриваемые в гуманистической плоскости.*

***Ключевые слова:** цифровизация, цифровая реальность, цифровое общество, цифровые технологии, дегуманизация.*

Современный мир претерпевает глобальные преобразования вследствие развития новых технологий. Автор Мурзагулов Р. Р. утверждает, что в связи с достижениями научно-технического прогресса в ближайшие 50 лет человечество вступит в новую стадию цивилизационного развития – цифровое общество [1, с. 7]. Социальные трансформации с ключевым словом «цифровая» (революция, эпоха, экономика, личность и т.п.) создают новую реальность, новую этику и новый взгляд на человека.

Так же как индустриальная революция в свое время, революция цифровая полностью изменит естество человека, его поведение, мировоззренческие, ценностные и этические установки, устремления, желания, эмоции. Сегодня специалисты в различных областях прогнозируют резкое увеличение вызовов и угроз, связанных с внедрением цифровых технологий, и конечно, этим процессам уделяется в современной повестке большое внимание.

Данный вектор развития цифрового мира представляет чрезвычайный интерес для исследователей в области гуманитарного

знания, т.к. подобные изменения в развитии государства оказывают влияние на все сферы повседневной жизни человека, трансформируют способы коммуникации, профессионализации, социализации и идентификации, оказывая влияние на языковые практики и трансформируя всю ценностно-смысловую парадигму современного общества. Тем не менее, необходимо отметить, что во всех программных документах остаются нерешенными вопросы, связанные с постоянной гуманитарной экспертизой эффектов, связанных с развитием цифровой экономики, вопросы вовлеченности научно-экспертного сообщества в прогнозирование и оценку последствий развития новых технологий и их влияния на общество и культуру в целом. Авторы программ не уделяют достаточного внимания последствиям, которые могут вызвать данные процессы в обществе, проблемам с которыми столкнется современный человек в отношении социокультурных эффектов внедрения новых цифровых технологий.

Цифровая реальность оценивается как новая стадия технологического развития человечества. «По своему преобразовательному эффекту совокупное воздействие компьютерных технологий, Интернета и электронной торговли вполне сравнимо с изменениями, которые в свое время вызвала промышленная революция» [2, с. 379], – и она же побуждает рассматривать человека в новом качестве. Новые способы связи, быстрота нахождения ранее малодоступной информации, новые формы товарно-денежных отношений, внедрение информационных технологий в образовательный процесс – все это предъявляет к человеку новые требования, в том числе, например, в отношении умения работать с большими информационными потоками в режиме многозадачности, в то время как человек как таковой в физиологическом отношении меняется медленно, а нередко даже утрачивает социально приемлемые личностные качества.

Цифровизация – это глобальный мировой процесс, внедрения цифровых технологий в разные сферы жизни: промышленность, экономику, образование, культуру, обслуживание, трудовую деятельность, досуг и отдых, в сферу политической активности, требующий глубокого осознания происходящих противоречивых изменений в контексте гуманистической парадигмы, так как цифровые технологии – это новые ценности, принципы этики и эстетики, поведенческие практики.

В этих условиях формируется новый взгляд на мировые процессы, человека, место человека в мире, изменяется не только внешние условия жизни, но и сущность, границы человеческого. В связи с этим уместно высказывание Н. Н. Берберова – деятеля Серебряного века русской культуры: «Новый человек, живущий в условиях новой технологии, есть, прежде всего – новая идея о человеке...».

Докторы философских наук Тихонова С. В. и Фролова С. М. под цифровым обществом понимают «такую форму социального порядка, в которой все ключевые социальные связи выстраиваются с помощью цифровых сервисов интернет-коммуникации или, как минимум, опираются на дублирование традиционных и цифровых способов их установления и поддержания... Новый технологический уклад, интегрирующий конвергентные технологии, радикально преобразует ландшафт человеческой телесности, повседневности и творчества. Переход к Интернету вещей и практики саморазвития человека становятся вызовом для антропологических способов определения сущности и границ человеческого». [3. Тихонова С. В., Фролова С. М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 287-290, с. 287].

Для цифрового общества ключевой характеристикой становится не сама информация, а электронно-цифровой способ ее хранения и распространения, электронно-цифровое опосредование любых социальных отношений. Цифровые технологии связывают государство, организации, индивидов в сложнейший технический объект. Это, казалось бы, техническое изменение повлечет за собой радикальное преобразование не только общественного, но и нравственного пространства. Цифровизация, с одной стороны, выступает объединяющим и интегрирующим началом, с другой – вызывает еще большие разломы в обществе и порождает новые формы неравенства и сегрегации. Остается нерешенной проблема цифрового неравенства и доступности новых знаний в удаленных регионах, регионах с низкой плотностью населения там, где отсутствуют крупные образовательные центры и до сих пор остается недостаточным доступ к информационно-коммуникационным технологи-

ям. В связи с этим необходима всесторонняя гуманитарная экспертиза процессов и эффектов цифровизации. [4, с. 217] С приходом загадочной «цифры» усиливается расслоение людей по доходам. Люди с низкими доходами не могут обеспечивать высокий спрос, а лишь тормозят развитие отраслей социальной сферы – медицины, сферы услуг, производства потребительских товаров на цифровой основе.

В эпоху цифровизации усиливается тенденция технологизации и медиатизации людей от так называемой minduploading (перенос сознания в цифровую кодировку) до «киборгизации» человеческого тела (с целью увеличения его двигательных и когнитивных способностей) к концепциям бессмертия, по крайней мере, человеческого сознание в структуры искусственного, бионического тела или цифрового измерения.

Немецкий экономист К. Шваб указывает на ряд последствий для человека, которые будут иметь место с приходом информационной революции (информационно-коммуникационных технологий). Это, например, мозговая дискриминация, подразумевающая, что люди – это не только их мозг, следовательно, в зависимости от ситуации возникает риск принятия решений в сферах от юриспруденции до управления кадрами, от потребительского поведения до образования. Также это угроза чтения мыслей /снов/ желаний и отсутствие частной жизни; угроза медленной, но неотвратимой утраты творчества или человеческого участия, возникающая (по большей части) в результате преувеличения возможностей наук о мозге; стирание границ между человеком и машиной; культурное изменение; потеря человеческой коммуникации. Расширенные когнитивные возможности человека приведут к новым типам поведения.[5]

Некоторые негативные эффекты цифровизации наблюдаются уже сегодня. Человек через компьютерные технологии подстраивает под себя товары и услуги, создает свой виртуальный мир, который нравится только ему, теряет связь с реальным миром. Погружаясь в цифровую среду, он теряет индивидуальность, его поведение становится оцифрованным, подчиненным неким алгоритмам, он перестает думать, происходит отчуждение его внутреннего мира, теряется свобода выбора, свобода формирования собственной личности. Все это провоцирует сегрегацию людей, основанную на их идентичности, и происходит поляризация человеческих сообществ.[6]

Известный писатель Валерий Филимонов обратил внимание на тоталитарность формирующегося цифрового глобального общества [5. Филимонов В. П. Цифровое общество и конец истории. М. : Благословение, 2019.]. Его атрибутами является не только присвоение каждому человеку и его электронному файлу-досье в базе данных цифрового идентификатора личности (это имя управляемого объекта в цифровом обществе), но и постоянное использование его человеком в процессе своей жизнедеятельности. Каждый шаг «оцифрованного гражданина» будет проверяться, служить тестом на лояльность к системе, на согласие с принятыми в ней мировоззренческими и идеологическими установками.

Цифровизация воздействует на экономическую и психологическую переориентацию человека в окружающем мире, формирует совершенно новую этическую ситуацию в обществе, изменяет поведение людей, причем не только в лучшую сторону. Меняется структура социализации, большая часть времени проходит не с родителями и учителями, а с гаджетами, все сильнее проявляется инфантилизм, неприятия повседневной реальности и самоисключения из реального социума.

Массовое внедрение киберфизических систем в производство не создаст новые рабочие места, а наоборот, приведет к сокращению и безработице. С появлением «лишних людей», потерявших работу в ходе автоматизации особенно острыми становятся психологические проблемы.

«Глобальность процессов всеобщей компьютеризации привела к обострению многих социальных и нравственных проблем, которые в полной мере касаются и института образования, породила новые негативные коллизии. Происходящая цифровизация и перспективы ее углубления и расширения ставят вопросы об изменении не только содержания и организации образования, но и самой психологии отношения к нему. Широкое и интенсивное развитие компьютерных, прежде всего – on line, образовательных программ, радикально меняет процесс и гуманистический формат высшего образования, является серьезным вызовом традиционной школе. Эти вызовы нуждаются в глубоком осмыслении. Дело заключается не только и не столько в записи лекций, подготовке электронных версий учебников. Речь идет о «разгерметизации»

образования, выходе его за пределы университетских учебных аудиторий и лабораторий».[7]

Цифровизация в образовании с одной стороны открывает возможность учиться дистанционно, позволяет эффективно решить сложнейшие учебные задачи, получить мгновенный доступ к мировым информационным ресурсам (электронным библиотекам, базам данных, хранилищам файлов и т.д.), побуждая обучающихся к самостоятельному поиску информации. С другой стороны современные теоретики педагогики отмечают: «В современном обществе и образовании в значительной мере проявляются черты их дегуманизации. Наблюдаются утрата духовных и нравственных ценностей, отказ от мировоззрения, основанного на справедливости, отсутствие внимания и уважения к человеку, обесценивание жизни человека. В образовании на первый план вышли требования к уровню профессионально-технических знаний при забвении его гуманистических основ».[8, с. 97] При дистанционной системе обучения преподаватель превращается из носителя транслируемых знаний, умений и опыта в навигатора, который помогает ориентироваться в базах знаний.

Цифровизация образования создает новые вызовы этического характера. «Диалог с компьютером» вместо живого общения, «синдром информационной усталости», уход личностного компонента из образования оказывают негативное воздействие на еще не сформировавшуюся личность. В когнитивном плане тотальная цифровизация образования приводит к формированию нелинейного, ассоциативного, мозаичного мышления, ослаблению творческого потенциала в человеке. Успешность образовательной политики, должна определяться соотношением цифровой и традиционной педагогики как в средней, так и в высшей школе, а также гуманизацией, т.е. ориентацией на человека как высшую ценность бытия и гуманитаризацией образовательного процесса [8, с. 97].

«Современные IT-технологии и чрезмерное пользование Интернетом ускоряют процесс деструктивной десоциализации, трансформируют и дегуманизируют личность, которая зачастую не может восстановить уже освоенные ценности, нормы и роли в полном объеме», – констатирует Ю.А. Клейберг.[9, с.152] Незрелая личность испытывает проблемы с самоидентификацией, отсюда и повальное увлечение молодежи селфи, порой в рискованных для жизни ситуациях. Проблемы с самоидентификацией приводят мо-

лодых людей в различные группы и сообщества в социальных сетях: от безобидных групп по интересам до деструктивных (например, в так называемые «группы смерти») или экстремистских. В двух последних случаях речь идет о настоящей киберугрозе, причиной и следствием которой становится дегуманизация личности. К характерным чертам дегуманизации относят «пренебрежение к личности как таковой или отдельным общностям людей (нациям, расам, группам по половому и религиозному признаку); обесценивание человеческой жизни; лояльное, порой позитивное отношение к насилию; категоричность мышления в том, что касается отрицания высших проявлений человечности, толерантности и гуманности» [9, с. 152]. Анонимность провоцирует, как показывает опыт, девиации коммуникативного поведения (флейм, троллинг, кибербуллинг или кибермоббинг и др.), действия в стиле «копи-паст» (плагиат), хакерство, кибер-разведку, читерство. В крайних своих проявлениях анонимность способна, привести к диссоциативному расстройству, «двойничеству» или, во всяком случае, к альтернативным идентичностям

Нельзя не согласиться, что, цифровая экономика представляет собой новую социо-культурно-экономическую реальность в современном мире [10, с. 47]. Ее определяют как разновидность коммерческой деятельности, которая касается производства и продажи электронных товаров и услуг, т. е. это любые способы, позволяющие зарабатывать в сети Интернет: интернет-магазины, интернет-реклама и т. п. А это опять бизнес-проекты, подразумевающие, в конечном итоге, прибыль. А где человек?

Компьютерные IT-технологии не решили проблем голода, воды, климата, экологии, здоровья, безопасности. Но они придают новое качество общественной и личной жизни, как открывая новые возможности, так и одновременно порождая новые вызовы.

Среди наиболее очевидных социокультурных вызовов цифровой эпохи необходимо отметить:

1. Открытость всех данных и нарушение принципа анонимности: технологии блокчейн, Big Data, нейросетевое программирование, семантическое программирование, искусственный интеллект, облачные технологии и цифровые следы, Face ID от Apple оздают условия для развития новых возможностей манипулирования и мобилиза-

ции. В системе больших данных (Big Data) возможности слежки, цензуры, контроля становятся практически безграничными.

2. Изменение потребительских привычек: Рау-сервисы и кошельки, бесконтактные технологии распознавания лиц, совместное потребление (Sharing economy), временный обмен вещами (за последние 2 года суммарный объем рынка ключевых sharing-сервисов в Москве увеличился в 3 раза) оказывают непосредственное влияние не только на изменение способов транзакций, но и на перераспределение времени в сферах досуга и развлечений.

3. Повседневное взаимодействие с искусственным интеллектом и машинным обучением: (голосовые помощники: Алиса, Siri, Alpha Go, обучается совместно с внешней средой (обучение с подкреплением)). Благодаря данным технологиям происходит смена форматов и способов обучения.

4. Появление сетевых мультиличностей: (Я-один перестает существовать, создаются многопользовательские миры и фэндомные сообщества). Это влечет за собой трансформацию способов социализации и идентификации.

5. Трансформация языковых практик: цифровое поколение говорит на другом языке – языке гиков, используя повсеместно иностранные слова с другими значениями. Эти процессы вызывают изменения языковой культуры и смещение смысловых значений.

Таким образом, XXI век – время распространения и внедрения цифровых и информационных технологий, порождающее проблему дегуманизации культуры как печального следствия забвения общечеловеческих ценностей, вследствие нерационального покорения природного и остального универсума, культивирования культа техницизма, безграничной практики цифровизации и информационной идеологизации.

Несмотря на положительные аспекты цифровой реальности есть угроза и риски того, что будущее человека в цифровом обществе может выйти за рамки гуманистической парадигмы, если вопросы образования, производства, материального потребления, удовлетворения культурных потребностей и т.д. не сохраняют этическую и эстетическую ценность и не будут решены в правовой плоскости. Любые изменения, происходящие в обществе, должны иметь человеческое измерение и проходить гуманитарную экспертизу. Стратегии инновационного развития должны опираться на новейшие технологии, информацию, знание и социально ориенти-

рованную экономику, где развитие человека, его благополучие становится целью. Для ее решения необходимо объединить усилия науки, власти, бизнеса и общества.

Список литературы

1. Мурзагулов Р. Р. Цифровое общество середины XXI в. : Как новый этап цивилизационного развития. Социально-философский анализ / Ростислав Рафкатович Мурзагулов. – [б. м.] : Издательские решения, 2018. – 96 с.
2. Цвик И.В. Компьютерные технологии в современном образовательном процессе: этический аспект // Вестник РУДН. Серия: Философия. – М., 2017– Т. 21, № 3. – С. 379–388.
3. Тихонова С. В., Фролова С. М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 287–290, с. 287
4. Лисенкова А. А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Том 7. – № 3. – С. 217-221.
5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. [Б.м.]: «Эксмо», 2016. – 208 с.
6. Малинина Т. Б. Человек в цифровую эпоху. 2018:163–166. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-tsifrovuyu-epohu>
7. Тульчинский Т. Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Цифровая цивилизация: вызовы и трансформации современности ФН – №6. – 2017. – С. 121-136.
8. Левицкая И. А. Проблема дегуманизации образования в современной культуре // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. – Т. 19, № 4. – С. 97–99,
9. Клейберг Ю. А. Десоциализация и дегуманизация личности в ситуации социальной турбулентности: психолого-девиантологический дискурс // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. – № 1 (35). – С. 150–158.
10. Юдина Т. Н., Тушканов И. М. Цифровая экономика как результат промышленно-технологической революции (теоретические и практические аспекты) // Электронная библиотека Русского экономического общества имени С. Ф. Шарапова. Раздел «Мировая экономика. 20 мая 2017 г. URL: – Режим доступа: <http://reosh.ru/t-n-yudina-i-m-tushkanov-cifrovaya-ekonomika-kak-rezultat-promyshlenno-technologicheskoy-revolyucii-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty.html>

E. N. Davydenko

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National University of Economics and Trade

named after Mikhail Tygan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: davydenko-elina@mail.ru

Annotation: Electronic-digital mediation of any social relations entails a radical transformation of not only social, but also moral space, a change in the entire value-semantic paradigm of modern society, a change in the language of culture and ways of producing cultural meanings and images. The digital society and technogenic civilization generates a gap between humanistic theory and practice, expressed in the leveling of the image of a person, requires the search for ways and the need to overcome contradictions. Therefore, in the era of transition to a digital society, the problems considered in the humanistic plane become relevant.

Key words: digitalization, digital reality, digital society, digital technologies, dehumanization.

УДК 141.7

С. В. Мусатова

(ассистент кафедры философии)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: s.v.musatova@yandex.ru

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

***Аннотация:** В статье рассмотрена краткая история становления термина «информационное общество», критически проанализированы его основные характеристики, показана диалектическая взаимосвязь позитивных и негативных черт информационного этапа общественного развития.*

***Ключевые слова:** информация, общество, информационное общество, индивид, постиндустриальное общество, технология, телекоммуникация.*

Современный исторический период развития общества носит название информационного общества (англ. Information society), где главными продуктами производства становятся информация и знания, которые продуцируются в едином информационном пространстве. Характерными чертами информационного общества, являются: увеличение роли информации и знаний в жизни общества; рост числа людей, занятых информационными технологиями, коммуникациями и производством информационных продуктов и услуг, рост их доли в валовом внутреннем продукте; рост информатизации и роли информационных технологий в общественных и хозяйственных отношениях. Создание глобального информационного пространства, которое обеспечивает:

- а) эффективное информационное взаимодействие людей;
- б) их доступ к мировым информационным ресурсам;
- в) удовлетворение их потребностей в отношении информационных продуктов и услуг.

В настоящее время общество переживает очередную информационную революцию, которая отражается в формировании и активном развитии глобальных информационных сетей по всему миру. Этот период характеризуется необычайным увеличением объема информации (переход к измерению информации не только в ги-

габайтах, но и в терабайтах), которая становится одним из важнейших факторов, определяющих развитие технологий и общества в целом.

Небывалый рост скорости и объёма передаваемой информации, новые методы её поиска и хранения, уникальные возможности производства, новые виды деятельности в сети — всё это приводит к факту продолжения развития форм социальности в условиях соц-сетей и интернет-платформ, что может служить не только статусным показателем личностной значимости, но и способен принять форму некой квазибытийности: «...мы видим сегодня тенденции все большей десоциализации личности в реальном пространстве и резкий рост гиперсоциализации в цифровом... Если тебя нет в цифровом пространстве – тебя не существует» [1, с. 51].

О становлении информационного общества начали говорить еще в середине XX века такие ученые как Д.Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс считая его закономерным и неизбежным этапом общественного развития. Однако сам термин, предложенный японским профессором Ю. Хаяши, был практически одновременно использован в США и Японии, в работах Ф. Махлупа (1962) и Т. Умесао (1963) [2, с. 113]. В процессе своего становления термин «информационное общество» обрёл большую популярность и стал активно использоваться не только в профессиональной речи специалистов, работающих с информацией, но и в лексиконе политических деятелей, экономистов, преподавателей и учёных.

В период становления данной эпохи специалистам пришлось столкнуться с рядом проблем, сопутствующих активному развитию информационных процессов. Рассмотрим основные из них:

во-первых, это преодоление «информационного кризиса», связанного с резким увеличением объёмов поступающей информации, также известный как «информационный взрыв». Информационное неравенство, которое заключается в неравномерном распространении информации. Разная степень доступности отражается в том, что преимущества информационного общества одной части общества приносят рост и достаток, а другая часть при этом становится более уязвимой. Весь библиотечный фонд мира, события дня, курсы валют, мировой кинематограф, видео уроки по различным дисциплинам и предметам, личная информация о человеке, всё это есть в интернете, достаточно наличия устройства (компьютера, планшета или мобильного телефона) и подключения к Internet.

Во-вторых, возникновение трудностей в поиске нужных данных у потребителей. Проблема достоверности информации возникает из-за её большого объёма. Она сопровождается сложностями в отборе качественных и достоверных сведений среди тысячи альтернативных вариантов, среди которых еще нужно уметь «найти зерно описания фактических событий и процессов, т.е. выделить истинностную составляющую множественных трактовок из всеобщего сумбура массива различного рода сведений и точек зрения» [3, с. 125].

В-третьих, проблемы информационной культуры, заключающиеся в умении ориентироваться в таком пространстве, соблюдении этики, а также осуществление тотального контроля над людьми. С развитием информационных технологий всё большую значимость приобретает проблема конфиденциальности личных данных. В базах данных сохраняется вся информация, которую мы когда-либо упоминали на просторах интернета: личная информация, комментарии, запросы в поисковике и т.д. Активное присутствие человека в сети делает его более уязвимым для контроля.

В-четвёртых, вопросы безопасности в информационной среде: предотвращение сбоев, защита данных, обеспечение конфиденциальности, вмешательство в частную жизнь человека. Информационные технологии способны разрушить частную жизнь и отрицательно влиять на деятельность организаций. Хранение личной информации возложено на «думающие машины», в надежде на её безопасность.

В-пятых, в условиях роста информационной составляющей социального развития выходят на новый качественный уровень технологии манипуляции общественным мнением. В настоящее время не составляет труда проведение процедуры направленной обработки не только массового, но и управляющего, т.е. политического сознания. В результате развитие человеческой цивилизации оказывается, в конечном счете, в подчинении тех субъектов, которые обладают ресурсами по масштабному формированию нужной картины мира [3, с. 126].

Наряду с побочными эффектами «информационного общества» важно отметить и его достоинства, к которым относятся:

– высокая роль информации, знаний, технологий. Сегодня в мире наблюдается небывалый рост объёма информационных пото-

ков во всех сферах человеческой деятельности. Легкодоступность знаний позволяет людям расширять свой кругозор, не выходя из дома. Внедрение отдаленных рабочих мест в системе e-commerce осуществилось и закрепилось в работе многих компаний, благодаря развитию информационного общества. Информация является одним из основных факторов развития технологий и прогресса. Дистанционное обучение вышло на новый уровень в русле развития информационного общества и диджитализации.

– Рост занятости людей в отрасли информационных технологий обусловлен стремительным развитием информационных технологий, что привело к изменению структуры занятости. Они успешно внедряются практически во все сферы профессиональной деятельности, автоматизируя рабочий процесс. Наиболее активно роль информации растёт в сфере информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), научных и технических услуг.

– Увеличение информатизации общества, которое подразумевает удовлетворение информационных потребностей, стремительно возрастающих. Современные информационные технологии придают распространению информации массовый характер. Относительная доступность телефонов, компьютеров, интернета и других коммуникационных систем ускоряет процесс информатизации общества.

– Образование глобального информационного пространства. Этот признак отражён в глобальной унификации информационной индустрии на фоне растущей роли информации и знаний. Люди из разных уголков стран имеют одинаковый доступ ко всему контенту, представленному в сети.

– Электронная демократия, информатизация правительственных и государственных процессов. Форма демократии, в рамках которой активно используется ИКТ в качестве основного инструмента для коллективных и административных процессов на всех уровнях активно развивается. Это позволяет власти быть более мобильной и доступной для граждан. При этом у населения появляется возможность влиять на принятие политических решений. Для этого проводятся электронные голосования, создаются порталы, где любой гражданин может оставить отзыв о работе конкретной правительственной структуры.

– Информационная экономика. Современные технологии позволяют мировой экономике развиваться на новом инновационном рынке. Сами информационные технологии превратились в отдельный прибыльный бизнес, который отвечает информационным запросам и потребностям потребителей. Информация стала пониматься как ресурс, который представляется предметом купли–продажи. Такое понимание информации и её преобразование в качестве товара способствуют формированию и развитию рынка информации.

В «новом» обществе, таким образом, роль информации, генерирования знаний и информационных технологий не просто растёт, но становится ведущим фактором структурирования новых общественных отношений.

Информационный этап, так или иначе, заметно изменил прежний уклад жизни, сделав его мобильнее, более зависимым, вместе с тем, от личной мировоззренческой ориентации и сознательности. Существует два варианта развития событий: либо индивид остается в инерционном состоянии веры всему, что говорится в СМИ (различной направленности), либо начинает критически и взвешенно анализировать потоки информации, меняясь, одновременно, и сам, обоснованно пересматривая, возможно, прежние оценки и суждения.

Ряд экспертов в области информационных технологий придают процессам информатизации негативный оттенок, который проявляется в унификации человечества, потери личной индивидуальности и ослаблении духовных ценностей [4, с. 88].

Содержание роли информационного общества всё ещё не имеет единой характеристики и процессы, происходящие в этой сфере, сложно предсказать, поэтому исследования на эту тему сегодня особенно актуальны и продолжают освещения как проблемных вопросов, так и положительного влияния.

Список литературы

1. Курганская В. Д., Дунаев В. Ю. Цифровизация как моделирующая система социальной стратификации // Социальные новации и социальные науки. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – № 1. – С. 46–64.
2. Городнова А. А. Развитие информационного общества— Москва: Издательство Юрайт, 2016. — 200 с.
3. Мусатова С.В. Противоречия информационного общества // Духовная составляющая Великой Победы: Материалы международной научно–практической конференции (к 70–летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). – Луганск, 2015. – С. 124–127.
4. Журавлёва И. А. Информационное общество: учебное пособие – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2013. – 141 с.

S. V. Musatova

(assistant)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: s.v.musatova@yandex.ru

CHARACTERISTIC FEATURES AND CONTRADICTIONS OF THE INFORMATION SOCIETY

Annotation/ The article considers a brief history of the formation of the term "information society", critically analyzes its main characteristics, shows the dialectical relationship of positive and negative features of the information stage of social development.

Keywords: information, society, information society, individual, post-industrial society, technology, telecommunications.

II.

Человек - Общество - Культура: социально-политические и правовые аспекты проблемы

УДК 327.88:04.056

А. С. Брычков

(д. филос. наук, профессор)

Военная академия войсковой ПВО ВС РФ

(г. Смоленск, Российская Федерация)

E-mail: brikanat@mail.ru

Г. А. Никоноров

(к. филос. наук, доцент)

Военная академия войсковой ПВО ВС РФ

(г. Смоленск, Российская Федерация)

E-mail: NikonorovGr@yandex.ru

БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА

***Аннотация.** В статье предпринята попытка анализа состояния информационной безопасности сферы индивидуального и общественного сознания российского общества. Определены задачи, силы и средства деструктивного информационно-идеологического воздействия, сделан вывод о реализации долгосрочной стратегии в отношении российского социума, которая является неотъемлемой частью «гибридной войны» объединённого Запада во главе с США против Российской Федерации и её союзников.*

***Ключевые слова:** информация, противоборство, идеология, индивидуальное и общественное сознание, деструктивное воздействие, Эйч-кейсы.*

В обобщённом виде в век становления информационного общества носителем духовных ценностей становится человек, неразрывно связанный с информационной средой. Информационная среда служит ареной столкновения идеологий, ценностей традиционных обществ и цивилизаций. Идеологии, как правило, опираются на духовно-ценностные основания. Национальные ценности в сфере общественного сознания в информационную эпоху являются объектом защиты от внутренних и внешних угроз.

Сфера общественного сознания является объектом противоборства идеологий, инструментом которого выступает информация. Поэтому рассматривать состояние сферы общественного сознания вне анализа процессов, проходящих в информационной сфере, невозможно.

Состояние сферы общественного сознания российского общества отражает степень негативного информационного воздействия и позволяет определить его способы и конечные цели. При этом степень информационного поражения компонентов сферы общественного сознания определяется через ту их часть, которая либо погибла, либо работает на цели, чуждые для собственной социальной системы.

Угрозы геополитических противников в идеологической, политической, экономической и военной сфере являются материализованными способами угроз в сфере общественного сознания. Почти тридцать лет новой российской государственности позволили убедиться, что направленность давления на Россию не меняется со временем. История российской государственности показывает, что противостояние носит геополитический характер, и отношение к нашей стране со стороны геополитических противников не меняется в зависимости от формы правления, государственного устройства или политического режима.

Противостояние западного мира и России носит глубинный – мировоззренческий (цивилизационный) характер, которое в периоды войн разрешается через вооружённую борьбу, а в период мирного сосуществования через негативное информационное воздействие. Прогресс информационных технологий и формирование постинформационного общества позволяют говорить о таком масштабном применении информационного воздействия на геополитических цивилизационных противников, который позволяет говорить об информационной войне, где инструментом продвижения собственной идеологии и мировоззрения служат информаци-

онные процессы.

Информационная война – это планомерное информационное воздействие на всю инфокоммуникационную систему противника и нейтральных государств с целью формирования благоприятной глобальной информационной среды для проведения политико-идеологических и геополитических акций, обеспечивающих максимальный контроль над пространством и ресурсами противника.

Задача информационной войны – выведение из строя технических систем государственного и военного управления и оказание деструктивного информационного воздействия на индивидуальное и общественное сознание с целью дезорганизации и разрушения социума государства-противника.

Целью деструктивного информационного воздействия является ослабление совокупного потенциала общества, что влечёт снижение всех видов безопасности (в том числе военной).

Субъектами деструктивного воздействия служат США и страны Европейского Союза, являющиеся союзниками США по НАТО.

Координирующим центром информационной войны до 1999 г. являлось Информационное агентство Соединенных Штатов (ЮСИА), сотрудничавшее с ЦРУ и АНБ США, которое при работе в России особое внимание обращало на интеллигенцию и молодежь. С 1999 г. вещательные функции были переданы Совету управляющих по вопросам вещания (Broadcasting Board of Governors, BBG) — независимому федеральному агентству, которое определяет политику международного вещания США; а информационные функции — в Государственный департамент США, в Управление международных информационных программ (Office of International Information Programs, ОИП). Безусловно, ни о какой независимости в своей деятельности у бывшего информационно-пропагандистского агентства речи не идёт, - это не более чем смена вывески при сохранении прежнего функционала. По мнению экспертов из вновь сформированных структур, именно интеллигенция и молодежь составляют те «выборочные группы», которые способны в дальнейшем повлиять на развитие внутривнутриполитических процессов.

Стратегия негативного информационно-идеологического воздействия, разрабатывалась с начала «Холодной войны», еще во

времена А. Даллеса. При Р. Рейгане была создана специальная группа планирования психологической войны – во главе с помощником президента по национальной безопасности и в составе государственного секретаря США, директора ЦРУ, министра обороны, директора информационного агентства США (ЮСИА), представителей ФБР, Пентагона и других высокопоставленных чиновников. В начале 1980-х гг. была начата реализация мега-проекта «Истина», который позже трансформировался в глобальную пропагандистскую программу «Демократия», в рамках которой осуществлялось 44 частных проекта по «конкретным проблемам». Президент США Р. Рейган объявил «крестовый поход» против СССР и важной составляющей этого «похода» стали информационные – диверсионные операции, расходы на которые выросли до десяти миллиардов американских долларов. Продолжателем дела Р. Рейгана на посту президента США Дж. Буш отдал указание на разработку новой национальной стратегии в области внешнеполитического «пиара». В рамках этой стратегии был создан «Центр быстрого реагирования», специалисты которого занимаются оперативным анализом выступлений зарубежных СМИ и немедленным реагированием на те из них, в которых «неправильно», с точки зрения манипуляторов, подается политика администрации США. На государственном уровне развернута подготовка специалистов в данной области.

Непосредственными проводниками информационно-идеологического воздействия выступают подконтрольные ВВГ и ОПР СМИ. Осуществление контроля над ними происходит через их многоканальные связи с информационными агентствами, рекламодателями, пресс-синдикатами, сетевыми структурами, «паблик рилейшенз». Большая часть всей информации монополизирована двумя крупнейшими информагентствами – медиакомпанией «News World Communications» (наследник «Юнайтед Пресс Интернэшнл» (ЮПИ)) и «Ассошиэйтед Пресс» (АП).

Потребителями их услуг являются представители масс-медиа из 180 стран мира. Объем передаваемой информации составляет более 70 миллионов слов в день (на английском, французском, испанском и арабском языках). На американской территории осуществляют свою деятельность более трёхсот пресс-синдикатов (крупнейшие: «Нью-Йорк ньюс синдикейт», «Юнайтед фичерз», «Кинг фичерз», «Ньюспейпер энтерпрайз ассошиэйшн», «Чикаго трибюн», «Дж. У. Томпсон»), услугами которых пользуется подав-

ляющая часть ежедневных и еженедельных газет.

Все военные конфликты и агрессии, развязанные США в последние десятилетия, начинались с предварительного мощного информационно-идеологического воздействия на страны-жертвы и разрушения их национальных систем информационной безопасности. Постсоветская Россия дважды имела возможность убедиться в обоснованности этого вывода: Россия проиграла информационную войну в ходе первой чеченской кампании 1994–1996 гг.; крайне слабым было информационно-пропагандистское обеспечение и в ходе первой фазы конфликта в Закавказье при отражении агрессии Грузии против Южной Осетии. Следующей фазой информационной войны стала операция по смене политического режима в Украине и формированию там откровенно антироссийского националистического государства с попыткой спровоцировать втягивание двух бывших славянских республик СССР (а ныне суверенных государств) в братоубийственный конфликт. Цензурированию, редактированию и фильтрации подвергались абсолютно все высказывания руководства России, стремившегося донести правду о событиях на Кавказе и в Украине. Современная западная цензура, аппарат контрпропаганды и службы информационно-психологической войны стран НАТО намного превосходят все советские аналоги (при публичном отрицании факта наличия самой жесткой цензуры и заявлениях о «свободе прессы», «гласности», «праве на информацию» и т. д. и т. п.). Через систему акционирования СМИ, через многочисленные НПО, социальные сети осуществляется попытка контроля над информацией непосредственно на территории России.

Аналитический центр США - Агентство передовых оборонных исследовательских проектов (DARPA), ещё в 2015 году разработало программу ведения информационной войны против геополитических конкурентов. «Программа – 2015» включает в себя следующие подпрограммы:

«Социальные медиа в стратегической коммуникации», направленная на разработку алгоритмов выявления и отслеживания формирования, развития, распространения идей и понятий (мемов) в социальных сетях, что позволит в дальнейшем самостоятельно и умышленно инициировать пропагандистские компании в зависимости от задач региона и интересов США. Среди заявленных целей

– распространение дезинформации, распознавание структур пропагандистских кампаний и операций влияния на сайтах и в социальных сетях, идентификация участников, их намерений, изменение эффекта компаний влияния, противодействия враждебным компаниям с помощью контрсообщений;

Подпрограмма «Аномальные процессы, происходящие в обществе» предназначена для наблюдения за отдельными индивидами и социальными группами;

Подпрограмма «Доказательство агрессии» предусматривает создание технологий поиска и сопоставления разнообразных массивов информации, для получения необходимых доказательств ведения информационной войны против США с целью начала против контрагента оперативных мероприятий.

События, связанные со сменой администрации США в 2017 г. и истерия накануне президентских выборов в США в 2020 г., которые связывают с вмешательством России во внутренние дела этой страны, являются подтверждением работы этой программы.

Названными программами усилия специалистов по воздействию на общественное сознание социума не ограничиваются.

В Великобритании создано военное подразделение из двух тысяч человек, которое специализируется на ведении психологической войны в социальных сетях, в частности в Facebook и Twitter. Его задачей является сопровождение ведения войн в социальных сетях с помощью применения тактики психологической атаки. Подобное подразделение «Бригада 77» в британских вооружённых силах появилось ещё в 2015 г. и базируется в Беркшире. Подобные подразделения кибервойск имеются во многих армиях мира.

На фоне гражданской войны в Украине Министерство информационной политики Украины объявило набор в информационные войска, которые действуют в тесной координации с группами Психологических операций. Всем желающим предлагается зарегистрироваться на специальном сайте и ежедневно получать задания по электронной почте для атак на русскоязычные сайты. Учитывая роль США в событиях на Украине, стоит полагать, что создание подобных подразделений находится под контролем ЦРУ.

В ЦРУ для работы на «киберфронте» был учреждён новый Директорат по цифровым инновациям, который отвечает за отслеживание достижений в области кибертехнологий и использование их в деятельности агентства. Это подразделение имеет равный ста-

тус с другими управлениями, которые существовали в течение многих лет. До сегодняшнего дня в ЦРУ перехватом и мониторингом информации занималось преимущественно Агентство национальной безопасности (АНБ).

ВВГ и ОНР, ЦРУ, специализированные войсковые подразделения осуществляют контроль над социальными процессами, как в своём социуме, так и пытаются воздействовать на социальную сферу предполагаемого геополитического противника, в качестве которого США объявили Россию, Китай и КНДР. В принятой в 2017 г. «Стратегии национальной безопасности США», Россия 14 раз упоминается в качестве главного противника [1].

В соответствии с программой «Доказательство агрессии», в отношении России США применяют набор повторяющихся информационных штампов (*эйч-Кейсов*) которые играют роль предлогов для оправдания информационной (и не только) агрессии и которые, в зависимости от ситуации, можно наполнять новым содержанием или создавать новые (олимпийский допинг - кейс, отравительный Скрипаль (Навальный) - кейс, вмешательство в выборы – кейс и т.д.).

В отношении КНР, которая обладает значительным экономическим и военным потенциалом, в данный момент «гибридная война» осуществляется преимущественно в экономической сфере (экономические санкции), хотя всегда готовы к использованию информационных *эйч-Кейсы* (Уйгурский – сепаратистский, Гонконгский – демократический, студенческий, связанный с событиями на площади Тяньаньмэнь, ЛГБТ-кейс, и т.д.).

Свой набор *эйч-Кейсов* используется против КНДР (последний связанный с коварством корейцев, нежелающих ядерного разоружения в одностороннем порядке).

Стратегия национальной безопасности США констатирует, что политика сдерживания России теперь будет вестись открыто и еще более жесточенно, вне зависимости от политических перемен внутри США. В полной соответствии с этой установкой и независимо от того, представитель какой политической партии контролирует «Белый дом» (Трамп или Байден) осуществляется комплекс мероприятий на безусловное доминирование США в мире. Тревогу вызывает и положение о том, что США должны быть готовы вести

превентивные войны (фактически агрессии против стран, нападение со стороны которых в США сочтут возможным).

Если учесть, что во введении к предыдущей Стратегии-2015 было написано: «Вопрос заключается не в том, должна или нет, Америка лидировать. Вопрос состоит в том, как мы должны лидировать... Нас объединяет общенациональная уверенность в том, что глобальное лидерство Америки остаётся непреложным». Мотив глобального лидерства Америки остаётся и в новой Стратегии: «Весь мир возвышается благодаря обновлению Америки и возрождению американского лидерства» [2].

Таким образом, можно утверждать, что Программа «Доказательство агрессии», предусматривающая применение технологии эйч-Кейсов, является прямой подготовкой общественного мнения населения США и их союзников к превентивной войне.

Бывший президент США Барак Обама одобрил размещение кибероружия в российской инфраструктуре, тогда же американским спецслужбам было поручено найти слабые места в российской инфраструктуре, поручение содержалось в неопубликованной части пакета санкций против России. Подготовленная программа предполагает внедрение в важные российские инфраструктурные сети неких «имплантов», разработанных Агентством национальной безопасности США. Решение о развертывании программы принял бывший президент США Дональд Трамп, однако и без его одобрения спецслужбы могли продолжить ее разработку.

Американский президент поставил условием применения Вашингтоном кибервооружений соблюдение принципа «эскалационного доминирования». Речь идёт о потенциальном гарантировании США возможности прекратить конфликт на своих условиях.

В подтверждении своих намерений США реализуют в российских соцсетях видеопроект Footage vs Footage («Съемка против съемки»). Цель видеопроекта – дискредитация «российской телевизионной пропаганды». Одновременно на канале YouTube и сайте Rus2Web, создаются условия для работы российских оппозиционных журналистов и Блогеров (ярким представителем которых является А. Навальный).

По данным издания, ВВГ за период 2017–2020 гг. значительно расширилось сотрудничество «Голоса Америки» с российскими СМИ, в частности с каналом РБК-ТВ, месячный охват которого

составляет порядка 22,4 миллиона человек по России и 5,4 миллиона человек по Москве.

«Голос Америки» и РБК-ТВ планируют расширить эфирное время совместного производимого контента до 60 минут в неделю с использованием студий («Голоса Америки») и журналистских ресурсов в Вашингтоне и Нью-Йорке», – говорится в материалах ВВГ.

Таким образом, гибридная война против Российской Федерации в информационной сфере продолжается. В полном соответствии с положениями программы «Доказательство агрессии», h-Cases деятельность государства в качестве субъекта-инициатора является опосредованной, то есть осуществляемой при помощи субъектов-исполнителей и любых сторонних участников, поэтому её атрибутом стал своеобразный «аутсорсинг», т.е. привлечение сторонних специалистов или создание фиктивных хакерских объединений. Последние события с различными вирусными эпидемиями, атаками на сайты и информационные системы государственных и коммерческих учреждений, министерств и ведомств, имевшие место по всему миру с 2017 г. по 2020 г., подтверждают этот вывод.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что и «холодная война» (в результате которой СССР потерпел поражение без единого выстрела) и многочисленные смены политических режимов на территориях, ранее подконтрольных России, смена политического режима на Украине, а так же последняя попытка государственного переворота в республике Беларусь, были следствием умело организованного информационно-идеологического воздействия. Философ и политолог А. Панарин говорил по этому поводу: «Теперь история не происходит по своему капризу, стихийно. Она теперь делается сознательно, можно сказать – по заказу сильных мира сего».

Причины, по которым подобное стало сегодня возможно, в следующем:

- 1) прогресс средств сбора, обработки и передачи информации;
- 2) прогресс средств коммуникаций;
- 3) прогресс средств манипулирования людьми, надзора за ними, пресечения и инициации массовых движений;

4) влияние массовой культуры на стандартизацию образа жизни людей [3 С.172].

Отработка технологий информационно-идеологического воздействия показала, что наибольшая эффективность достигается через подачу определённой информации в сфере культурной коммуникации. Сфера культуры – это сфера соперничества духовных ценностей – ценностей, составляющих базис индивидуального и общественного сознания людей, которые, материализуясь, создают определённый тип материально-практических отношений в обществе (духовные ценности детерминируют экономическую систему, а та в свою очередь – политический режим и идеологию).

Развитие технологий информационного воздействия привело к тому, что: «Степень непредвиденности и неожиданности исторических событий резко сократилась сравнительно с резко возросшей степенью предсказуемости и запланированности. А холодная война Запада, возглавляемого США, против коммунистического Востока, возглавляемого Советским Союзом, была с самого начала грандиозной запланированной операцией, по затратам, размаху и результатам самой грандиозной операцией людей глобального масштаба. В ней было много незапланированного, непредвиденного, неподконтрольного, что неизбежно даже в мелких операциях. Нов целом, в главном, в определяющих ход процесса решениях она была именно такой» [4, с.12].

Факт появления информационного пространства, приводит к появлению желающих не только поделить это пространство, но и контролировать и управлять процессами, в нем происходящими. Для этого используется так называемое информационное оружие, которое представляет собой средства уничтожения, искажения или хищения информации; средства преодоления систем защиты; средства ограничения допуска законных пользователей; средства дезорганизации работы технических средств, компьютерных систем. Можно сказать, что информационное оружие есть само использование информации и информационных технологий для воздействия на военные и гражданские кибернетические системы, а также на общественное сознание и идеологию геополитического противника.

Таким образом, в эпоху «гибридных войн», неотъемлемой частью которых являются войны информационные, остро назрела необходимость разработки теории обеспечения безопасности сфе-

ры общественного сознания российского социума и проведения комплекса мероприятий по её защите, вплоть до создания системы информационной защиты территории страны.

Список литературы

1. National Security Strategy of the United States of America December 2017. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf> (дата обращения: 02.03.2021).
2. Report to Congress on 2017 U.S. National Security Strategy. URL: <https://news.usni.org/2018/01/05/report-congress-2017-u-s-national-security-strategy> (дата обращения: 16.03.2021).
3. Панарин А. С. Искушение глобализмом. – М.: Русский мир, 2000. – 172 с.
4. Зиновьев А. А. Интервью журналу «Российская Федерация сегодня» // 2000. № 18. – С. 12.

A. S. Brichkov

(Doctor of Philosophical Sciences, Professor)
The Russian Armed Forces Army Air Defense Military Academy
(Smolensk, Russian Federation)
E-mail: brikanat@mail.ru

G. A. Nikanorov

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)
The Russian Armed Forces Army Air Defense Military Academy
(Smolensk, Russian Federation)
E-mail: NikanorovGr@yandex.ru

SOCIAL CONSCIOUSNESS SECURITY IN CONTEXT OF INFORMATIONAL AND IDEOLOGICAL CONFRONTATION

***Annotation.** The article attempts to analyze the state of information security in the sphere of individual and public consciousness of Russian society. The tasks, forces and means of destructive informational and ideological influence are determined, the conclusion is made about the implementation of a long-term strategy towards Russian society, which is an integral part of the "hybrid war" of the united West led by the United States against the Russian Federation and its allies.*

Key words: information, confrontation, individual and collective consciousness, destructive influence, H-cases.

УДК : 130.2

С. И. Сулимов

(к. филос. н., доцент)

Воронежский государственный университет

(Россия, г. Воронеж)

E-mail: sta-sulimov@ya.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО АФРОАМЕРИКАНСКОГО РАДИКАЛИЗМА

***Аннотация.** Данная работа посвящена социально-философскому анализу афроамериканского радикализма в современных США, в наши дни исповедуемого общественно-политической организацией «Black lives matter». Автор обнаруживает идейные мотивы и материальные выгоды, которые лежат в основе данного движения.*

***Ключевые слова:** расизм, расовая сегрегация, реваншизм, афроамериканцы, «Black lives matter».*

На рубеже XX-XXI вв. в Западной Европе и Северной Америке набирают силу движения за права и привилегии всевозможных меньшинств – от религиозных до сексуальных. Во Франции требуют культурной и правовой автономии мигранты-мусульмане, в Нидерландах настаивают на сегрегации по принципу половой ориентации нетрадиционно ориентированные граждане, а в США набирает силу антирасистское движение «Black lives matter» («Жизни чёрных важны»), призывы и акции которого отличаются крайним радикализмом. Однако с расовой сегрегацией в Соединенных Штатах было покончено ещё в 1960-е гг. и, более того, афроамериканцы в этой стране по сей день имеют ряд важных экономических привилегий. За что же борется «Black lives matter»? Без объективных причин и чётких целей это было бы невозможно ни для какой общественной организации, но именно эти факторы раз за разом ускользают от внимания исследователей. Поэтому в данной работе мы предпримем попытку установить социокультурные основания движения «Black lives matter» и ему подобных политических организаций.

Буквально с первых лет своей жизни в Новом Свете английские колонисты использовали труд африканских невольников, и в XVIII в. было принято жесткое расовое законодательство, согласно нормам которого любой житель колоний, кроме чистокровных ев-

ропеоидов, признавался «цветным» и автоматически поражался в правах. К «цветным» относились не только африканские рабы, но и дети, чьи родители принадлежали к разным расам, и даже индейцы. Любые смешанные браки были строжайше запрещены. В северных штатах плантационное хозяйство далеко не всегда приносило прибыль, и поэтому практически с конца XVII в. с колонистами-европейцами бок о бок жили потомки освобождённых африканских невольников. Расовые законы во многом ограничивали права негроидного населения, но первая школа для чернокожих учеников была основана протестантским проповедником Джоном Элиотом в пригороде Бостона ещё в 1689 г. Другое дело, что школьное образование осуществлялось раздельно: белые и чёрные дети не посещали занятия вместе. Точно также как не могло быть и речи о том, чтобы предложить образованному африканцу рабочее место, на которое претендует американец европейского происхождения. В южных штатах, где процветало плантационное земледелие, классическое рабство стало неотъемлемой частью экономики. Невольников продавали и покупали, в их адрес применялись телесные наказания, а освобождение раба хозяином было чрезвычайно затруднено различными юридическими мерами. Впрочем, думается, отношения между плантаторами и их рабами были не более натянутыми, чем аналогичные отношения между русскими помещиками и их крепостными крестьянами. По крайней мере, в критические для государства моменты рабов принимали в армию: во время Войны за независимость США (1775–1783 гг.) чёрнокожие солдаты сражались за обе стороны конфликта.

В 1865 г. рабство в США было отменено, и это историческое событие создало для страны очень серьёзную социокультурную проблему. Упраздня рабовладение, вашингтонское правительство пыталось осуществить репатриацию вчерашних невольников, вошедшую в историю как проект «Назад, в Африку». Однако это оказалась утопическая затея. Ведь практически все чернокожие рабы родились и выросли в США, не знали иного языка, кроме английского, а главное – ни этнически, ни духовно не принадлежали к тем африканским племенам, из которых происходили их далёкие предки. Отечественный исследователь А. Л. Литинский предположил, что, если даже не принимать в расчёт неотделимую от рабства метисацию, вчерашние невольники всё равно были именно афроамериканцами.

риканцами, а не африканцами: «Афроамериканцы – этническая общность, сформировавшаяся в результате ввоза рабов из Африки на территорию США в XVII–XIX вв. В руки работорговцев попали представители разных народов Западной Африки, говорившие на разных языках и принадлежавшие к разным культурным традициям. В Америке они практически полностью утратили связи с родным континентом и переняли язык и культуру своих бывших рабовладельцев» [Литинский, с. 71]. Вернуться в Африку такой афроамериканец не мог, потому что никогда прежде в ней не жил, и войти в состав какого-нибудь западноафриканского племени ему было не проще, чем европейцу. Поэтому двум народам, оба из которых были американцами, пришлось учиться жить вместе, приняв факт соседства как данность.

Почти сразу же после отмены рабства в США была установлена строгая расовая сегрегация, вошедшая в обиход под разговорным названием «законы Джима Кроу». Эти правовые нормы устанавливали раздельное проживание, обучение и даже богослужение для чёрных и белых американцев. Однако сегрегация не была препятствием для талантливых афроамериканцев, которые стали кумирами для белых современников в спорте и искусстве. Примером афроамериканского искусства, получившего популярность среди белой аудитории, можно считать музыкальный стиль джаз. Зародившись в бедняцких районах Нового Орлеана, где только и могли поселиться нищие вчерашние рабы, в скором времени джаз проник в ночные клубы, а затем – на популярную эстраду, где его исполняли не только чернокожие, но и европейские, и даже советские музыканты. При этом джаз является именно американским изобретением, а не африканской традицией, получившей новую жизнь на американской почве [Миронов, с. 356].

При таком положении дел оставался открытым вопрос: почему сегрегация не отменена? Почему одни американцы ограничивают в правах других, если сами же восхищаются их музыкой и во время войн без колебаний ставят их в строй? В 1960-е гг., когда США оказались охвачены протестами самой различной направленности, афроамериканцы справедливо выступали против ущемления в правах, которого они ничем не заслужили. Возглавивший афроамериканское движение за гражданские права чернокожий священник-протестант Мартин Лютер Кинг (1929–1968) настаивал на том, что эпоха рабства давным-давно завершилась, и теперь в США

есть только американцы, а никак не потомки рабов и господ. У граждан Соединенных Штатов общая родина, общая история и, следовательно, общее будущее. Огромным преимуществом демонстрантов 1960-х гг. перед бунтарями прошлых эпох стал тот факт, что Мартин Лютер Кинг категорически запрещал своим последователям применять насилие в адрес представителей власти и европеоидных американцев. Активисты борьбы за гражданские права умело сочетали акции гражданского неповиновения с судебными исками, что позволило им добиться успеха, избегая конфронтации с либеральными и социалистическими организациями белых американцев [Осборн, с. 709]. В 1964 г. их цель оказалась достигнута: Конгресс США отменил расовую сегрегацию. Последовавшее вскоре за этим убийство Кинга уже ничего не могло изменить.

К сожалению, параллельно с Мартином Лютером Кингом и задолго до начала его деятельности в афроамериканской среде существовало и идейное течение противоположной направленности. Ещё в начале XX в., когда казалось, что расовой сегрегации никогда не будет положен конец, некоторые авторитетные афроамериканские деятели полагали, что бывшим рабам следует не интегрироваться в американское общество, а наоборот – найти какой-то собственный путь культурного развития. Одним из самых известных сторонников культурной обособленности афроамериканцев стал Тимоти Дрю, полагавший, что вчерашним рабам необходимо идентифицировать себя вне категорий, предлагаемых бывшими господами. В поисках культурных ориентиров для такой идентификации он выбрал ислам, предложив своим последователям именовать себя «маврами», ссылаться на своё происхождение от африканских мусульман и никогда не употреблять ассоциировавшиеся с рабством этнонимы «негры» и «цветные». В частности, для своих последователей Дрю написал сочинение под названием «Святой Коран», содержимое которого красноречиво пересказывает советский исследователь И. Р. Григулевич: «Содержание нового «Корана» представляло собой набор фантастических рассказов о жизни Иисуса, о превосходстве чёрной расы над белой, о «городе» Египте – столице Африки, о божественном происхождении азиатов и тому подобных измышлений» [Григулевич, с. 160.]. Проповедь Тимоти Дрю нашла отклик у некоторых афроамериканцев. Их не смущал тот факт, что самозванный имам путает Иисуса Христа с пророком

Мухаммеда и Конфуцием, а от своих последователей требует в первую очередь не религиозного благочестия, а ношения фески. Вероятно, для этих людей важнее всего было подчеркнуть своё культурное отличие от американского общества, не переходя к открытой конфронтации, и экзотический восточный головной убор для этого очень хорошо подходил.

Переломный момент в «чёрном исламе» наступил в 1930-е гг., когда проповедник Элай Пул (1897–1979) основал общественную организацию «Нация ислама». Переименовав себя в Элиа Мухаммеда, Пул настаивал на том, что афроамериканцам необходимо идентифицировать себя с мусульманами, а не со своими европеоидными соотечественниками. В этом отношении проповедник даже хвалил расовые законы США, потому что они не позволяют белым и «цветным» жить вместе, а значит, не позволят «чёрным мусульманам» раствориться среди американцев. В отличие от Мартина Лютера Кинга, Элиа Мухаммед был противником интеграции «цветных» в американское общество и прямо называл политическим режим США врагом «чёрных мусульман». Правой рукой лидера «Нации ислама» стал Малкольм Литтл (1925–1965), писавший под псевдонимом Малкольм Икс. Он призывал афроамериканцев отомстить за мифические «вековые обиды», нанесённые им американцами европеоидного происхождения. На взгляд Литтла, теперь настало время для учреждения в стране «расовой сегрегации наоборот», то есть предоставления социальных и правовых привилегий афроамериканцам и поражения в правах белых. Культурного же единства, по мнению Литтла, между этими двумя группами населения нет и не должно быть – слишком разные у них исторические пути. Под лозунгами этой проповеди афроамериканского национализма и реваншизма в 1960-е гг. формировались самые различные военизированные и криминальные группы чернокожих радикалов – такие как «Чёрные пантеры» («Black Panther Party for Self-Defense») или «Калеки» («Crips»).

Важно отметить, что тот «ислам», который проповедовал Элиа Мухаммед, имеет к ортодоксальному исламу весьма призрачное отношение. Адепты «Нации ислама» вовсе не мусульмане-ригористы, а их «ислам» выполняет исключительно декоративную функцию при попытках самоопределения в религиозной сфере. В нём важно не учение пророка Мухаммеда, а лишь тот факт, что данная религия – не европейская. Такое самоопределение, пред-

принимаемое afroамериканцами, имеет в первую очередь отрицательный характер, так как процесс самоопределения происходит через отвержение европейских духовных ориентиров.

Зададимся вопросом: являлась ли предполагаемая реваншистская контр-сегрегация возвращением afroамериканцев к своим культурным истокам? Ни в коем случае. Ведь сам afroамериканский этнос сформировался в США и имеет очень мало общего с Западной Африкой, которая многократно воспевалась лидерами «Нации ислама» как историческая родина их паствы. Afroамериканцы не имеют ничего общего с племенным обществом Африки, не владеют и никогда не владели ни одним из её языков, а многие из них не смогли бы даже показать её на карте. То есть всё их так ревниво преподносимое культурное своеобразие является от начала до конца искусственным, выдуманым с целью получить средство для конфронтации с белыми согражданами. Советско-российская общественная деятельница Лия Голден, не раз встречавшаяся с afroамериканскими националистами, описала своё недоумение следующими словами: «Я была поражена, насколько они (afroамериканцы – С.С.) не знают африканскую историю, в то же время пытаюсь принять африканскую культуру, сохранив параллельно блага американского общества.

Хотя они страстно желают в первую очередь быть африканцами, а американцами – во вторую, весь их жизненный опыт, образование и манеры – американские в двух-трёх поколениях. Некоторые пытаются одеваться в национальные костюмы, часто смешивая мужскую и женскую одежду, а также виды причёсок. (...) Когда бы я ни говорила на лекциях о древней (и продолжающейся до сих пор) арабской работорговле, которая, по сути, сравнима с трансатлантической, неизбежно я получала ответ: «Но они нам никогда не говорили». Когда я спрашивала, кто это «они», ответом было: «белые». На это я обычно парировала: «Всё это есть в компьютерах и библиотеках. Почему вы сидите и ждёте, когда белый человек расскажет вам об истории и культуре, которые вы декларируете своими?»» [Golden, p. 185-186]. Именно Лия Голден смогла со всей чёткостью обнаружить суть afroамериканского национализма: это протест одних американцев против других, а никак не борьба национального или расового меньшинства за культурную автономию.

До тех пор, пока расовое законодательство действовало, борцы против сегрегации и чёрные радикалы действовали, как тактические союзники. Но вот в 1964 г. сегрегация в США оказалась отменена. Для большинства «цветных» это означало, что теперь им открыты все те же пути на социальную вершину, которыми прежде могли пользоваться только представители европеоидной расы. Настало время для полной интеграции расовых меньшинств в американское общество, тем более, что теперь юридически не существовало ни белых, ни «цветных», а были только граждане. Для «Нации ислама» и подобных ей реваншистских организаций, теперь неприкрыто пропагандировавших чёрный расизм, должен был наступить момент заката. Ведь в условиях, когда социальные лифты доступны для всех, афроамериканцам было гораздо предпочтительнее учиться и работать так же, как их белые сограждане, и получать одинаковые с ними результаты, чем примыкать к радикальным политическим группировкам, которые борются понятно против кого, но неизвестно за что. И в этот самый момент американское правительство совершило роковую ошибку, хоть конгрессмены и вдохновлялись самыми благими намерениями.

Проблема заключалась в том, что хоть чёрные американцы и получили равноправие со своими белыми соотечественниками, но низкий уровень образования и профессиональной квалификации, десятилетиями сопровождавший их среду из-за расовой сегрегации, было не так-то просто преодолеть. Поэтому, чтобы ускорить процесс интеграции афроамериканцев в североамериканское общество, были предложены самые разные вспомогательные меры – от введения льгот и даже квот для чернокожих абитуриентов в колледжах и университетах США до выплаты субсидий и пособий афроамериканцам, которые по каким-либо причинам не могут найти работу. Но эти предпринятые правительством шаги привели к противоположному результату. Ведь афроамериканцам стало экономически выгодно избегать интеграции в американское общество и почаще напоминать о «вековых обидах», за которые им должна быть выплачена компенсация. Неожиданно ни для кого экономически и социально выгодным стал именно реваншизм в стиле Малкольма Литтла, а не одинаковые гражданские права для американцев всех рас, которых добивался Мартин Лютер Кинг.

В результате отмены сегрегации все чернокожие, которые могли и хотели интегрироваться в американское общество, к 1990-

м гг. сделали это. Они живут в пригородах по соседству со своими белыми согражданами и коллегами, чаще всего работают в межрасовых трудовых коллективах и выделяются из общего числа американцев лишь своими личными достоинствами и недостатками. Иначе стали развиваться события в районах компактного проживания афроамериканцев, которые они заняли, переселяясь в города в 1960-е гг. В ту пору многие из них были безграмотны и не имели никакой рабочей специальности, поэтому они быстро заселили центральные районы мегаполисов, откуда белое население перебиралось в пригороды. Затем в течение трёх десятков лет те чернокожие, которые воспользовались возможностями, предоставленными им отменой сегрегации, и правительственной поддержкой, покидали «цветные» районы.

В наши дни негритянские районы американских городов населены только теми афроамериканцами, которые намеренно подчеркивают свою инаковость по отношению к США. Они не желают интегрироваться в американское общество, хотя уже на протяжении нескольких поколений живут за его счёт. В реальности негритянские гетто давно уже самоуправляются, и вся полнота власти в них принадлежит организованным преступным сообществам, формируемым по расовому принципу. Себя такие группировки позиционируют как защитников чернокожего населения от посягательств латиноамериканских мигрантов и белых и именуются «чёрными братьями» («black brothers»).

Почти каждая полицейская операция, проводимая в гетто, приводит к массовым протестам, в ходе которых афроамериканцы требуют, чтобы полиция не смела появляться на «их» территории. Такие манифестации и митинги нередко сопровождаются хулиганством, вандализмом и грабежами. Например, в 1992 г. грубое задержание полицией чернокожего наркомана, спровоцировавшего ДТП, привело к выходу на улицы толпы, состоящих из жителей местного «цветного» района. Акция протеста быстро переросла в нападения на полицейских и прохожих европеоидной внешности, разграбление магазинов и поджоги автомобилей. К сожалению, межрасовые беспорядки 1992 г. стали далеко не последним таким инцидентом.

Благодаря чрезмерной пристрастности журналистов, симпатизирующих всевозможным меньшинствам, попытки криминаль-

ной полиции проводить операции против «чёрных братьев» интерпретируются широкой публикой как притеснение расовых меньшинств. Так, с 1990-х гг. в США существует общественная организация под названием «Black lives matter» (BLM), то есть «Чёрные жизни важны». Её активисты организуют как протестные акции, так и хорошо подготовленные юридические разбирательства в каждом случае, когда полиция применяет силу против жителей «цветных» районов. Либеральные СМИ охотно сотрудничают с этой организацией, полагая, что тем самым помогают США избавиться от наследия расовой сегрегации.

Между тем, «BLM» – это в первую очередь расистская организация, направленная против американцев европеоидного происхождения, а главное – считающая государство обязанным постоянно содержать чернокожее население и не видящая для США никакой другой исторической задачи. В частности, лидер нью-йоркского отделения «Black lives matter» Хоук Ньюсом высказал своё отношение к государству такими словами: «Если эта страна не даст нам того, чего мы хотим, мы сожжём эту систему и заменим её.... Возможно, я говорю фигурально, а возможно, буквально. Это вопрос интерпретации» [Таратута, с. 11]. Политический режим США, несмотря на всю свою необъяснимую щедрость по отношению к далёким потомкам африканских невольников, явно, не устраивает современных афроамериканских радикалов. Но в пылу борьбы за очередные льготы и пособия они забыли, что у них нет и никогда не было иной родины, кроме Соединенных Штатов.

Афроамериканский этнос сформировался именно в этой стране, на лоне именно этой культуры и ни в каком другом обществе существовать попросту не сможет. Достаточно представить, какая незавидная судьба ждёт протестующих и бунтующих жителей «цветных» гетто, если американское правительство догадается отменить выплаты, пособия и субсидии, на которые они живут. Причём, сам факт этой нескончаемой финансовой и социальной поддержки капризного расового меньшинства выглядит несправедливо по отношению к тем его представителям, которые работают и платят налоги наравне со своими европеоидными согражданами. Получается, что американцы всех цветов кожи трудятся для того, чтобы финансировать прослойку бездельников, которым всегда всего мало и которые хорошо научились лишь выставлять себя жертвами исторической несправедливости.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в наши дни афроамериканский радикализм, представленный общественно-политическим союзом «Black lives matter» и подобными ему движениями, производит впечатление искусственно созданной и поддерживаемой силы. Ведь социальная основа движения – прослойка афроамериканцев, живущих за счёт государственных выплат, а вовсе не всё чернокожее население США. Получается, что противники американского государства находятся у него же на содержании. Культурно-идеологической основой радикального движения является афроамериканский реваншизм, до отмены расовой сегрегации бывший одним из путей её преодоления наряду с борьбой за гражданские права, но в наши дни никаких исторических задач не решающий. Единственной задачей, которую намерено или произвольно решают афроамериканские радикалы, является раскол прежде единого в культурном плане североамериканского общества по расовому и, отчасти, религиозному критериям.

Список литературы

1. Литинский А. Л. Формирование этнического самосознания афроамериканцев в XX в. / А. Л. Литинский // *Rax Africana: континент и диаспора в поисках себя*. Сб. науч. статей. – Москва : Изд. дом. ВШЭ, 2009. – С. 71-100.
2. Миронов В. Б. Народы и личности в истории. Очерки по истории русской и мировой культур. В 3 т. / В. Б. Миронов. – Москва : Звонница-МГ, 2000. – Т. III. – 704 с.
3. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / Р. Осборн. – Москва : АСТ, 2018. – 768 с.
4. Григулевич И. Р. Пророки «новой истины». Очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира. – Москва : Политиздат, 1983. – 303 с.
5. Golden L. *My Long Journey Home* / L. Golden. – Chicago : Third World Press, 2002. – 215 p.
6. Таратута М. А. Американские абсурды / М. А. Таратута // *Международная жизнь: ежемесячный научный журнал*. – 2020. – №9. – С. 4-13.

S. I. Sulimov

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Voronezh State University

(Voronezh, Russian Federation)

E-mail: sta-sulimov@ya.ru

SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS OF MODERN AFRO-AMERICAN RADICALISM

***Abstract.** This work is devoted to the socio-philosophical analysis of African-American radicalism in the modern United States, which today is professed by the socio-political organization "Black lives matter". The author discovers the ideological motives and material benefits that underlie this movement.*

***Key words:** racism, racial segregation, revanchism, African Americans, "Black lives matter".*

УДК: 129

А. А. Камарали

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: anna_kamarali@mail.ru

К СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИМ ИСТОКАМ НИГИЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

***Аннотация.** В статье охарактеризовано понятие нигилизма как одной из форм мироощущения и социального поведения. Раскрыты особенности его трактовки в европейской научной мысли XVII-XVIII вв., в западной философии второй половины XIX в. Исследованы современные подходы к трактовке нигилизма и его особенности.*

***Ключевые слова:** нигилизм, отрицание, мировоззрение, нравственные и культурные ценности.*

Современный период общественного развития характеризуется рассогласованностью потребностей и интересов, ценностных ориентаций и установок, норм и традиций, сознательных и правовых образов субъектов правовых отношений. Недостаточная правовая защищенность личности со стороны государства ослабляет веру в закон и возможность права обеспечить порядок. Переставая уважать право, даже законопослушные граждане начинают допускать мысли о необязательном соблюдении норм права. Весомой причиной и одновременно следствием деформирования правосознания и правовой культуры выступают нарушения прав и свобод человека. Иными словами, речь идет о проникновении нигилизма практически во все сферы общественной жизни. Это свидетельствует об актуальности данного научного исследования и определило выбор темы работы.

Исследованию социально-философских истоков нигилизма в современном обществе посвящены работы С. Г. Зырянова, В. С. Нерсесянца, В. А. Ульянова, Н. М. Юрашевича и других авторов.

Цель данной статьи состоит в характеристике социально-философских истоков нигилизма в современном обществе.

Экономический и социальный кризис, вызванный распадом Советского Союза в конце минувшего столетия, сопровождавшийся падением производства, социальным разделением общества, обнищанием десятков тысяч людей, ростом преступности, разрушением традиционных жизненных ценностей, неопределенностью государственного устройства, коррупцией и бюрократизацией чиновничества, обусловил размытие правовой системы общества, искажение массового сознания. Преобладающими чертами последнего выступали тревога, растерянность, разочарование в реформах, правовой нигилизм, ощущение большинством населения страны собственной социальной отверженности. В массовом сознании людей сформировалась убежденность в возможности совершить преступление и при этом не быть наказанным, преступность охватывала все новые сферы влияния, в том числе и властные структуры. Такие предпосылки обусловили злоупотребление и самоуправство должностных лиц и органов власти всех уровней, о чем свидетельствовало повсеместное массовое неисполнение и несоблюдение правовых предписаний. Возникшая ситуация явилась результатом низкого и деформированного правосознания и отсутствия правовой культуры. При этом целые группы общественных отношений не регулировались правом, сформировав большую область правового вакуума.

Недостаточная правовая защищенность личности со стороны государства ослабляет веру в закон и возможность права обеспечить порядок. Переставая уважать право, даже законопослушные граждане начинают допускать мысли о необязательном соблюдении норм права. Весомой причиной и одновременно следствием деформирования правосознания и правовой культуры выступают нарушения прав и свобод человека. Иными словами, речь идет о проникновении нигилизма практически во все сферы общественной жизни [12].

Нигилизм (от латинского nihil – ничто, то есть – отрицание) выступает одной из форм мироощущения и социального поведения. Как приводит В.А. Ульянов, в широком смысле нигилизм выражает негативное отношение определенного субъекта (группы или класса) к определенным ценностям, нормам, взглядам, идеалам некоторых либо всех сторон человеческого бытия [9].

Для истории мировой общественной мысли свойственно не так много терминов, для которых было бы характерно такое широ-

кое употребление и отношение к столь различным явлениям, как термин «нигилизм».

Негативное отношение к социальным, моральным, религиозным, правовым и прочим основам и правилам возникло в мировоззрении человека еще в момент зарождения первых социальных групп, государства и общества. Термин «нигилизм» встречается в европейской теологической литературе еще со времен Средневековья. В XII веке одна из церковных ересей, выступавших с позиций отрицания догмата о богочеловеческой природе Христа, получила название ереси «нигилизма».

В XVII-XVIII веках европейская научная мысль определила новое течение, которое было названо нигилизмом. Немецкий философ и ученый В. Мюллер-Лаутер, автор статьи «Нигилизм» (1984), считал, что данный термин был впервые использован в 1733г. Ф.Л. Гетциусом относительно теологии и философии, а также применительно к другим наукам, в том числе юриспруденции и медицине. Слово «нигилист» использовалось для негативной характеристики определенных политических и социальных положений во французской литературе после 1793г., в которой оно не совпадало с философским значением понятия нигилизма в Германии [7].

В соответствии со словарем Робера (LeGrandRobert – Толковый словарь французского языка), термин «нигилизм» был известен во Франции с 1787г. Робер определил три его значения:

1) нигилизм как философская доктрина, в соответствии с которой нет ничего, что существовало бы абсолютно;

2) нигилизм как идеология, которая отвергает какие-либо социальные принуждения;

3) нигилизм как течения и настроения, которые характеризуются пессимизмом и моральным разочарованием [10].

В западной философии термин «нигилизм» появился во второй половине XIX века и получил широкое распространение благодаря концептуальным воззрениям А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, О. Шпенглера и ряда других мыслителей и философов.

Современные исследователи (Г.П. Климова и др.) приводят, что наибольшую популярность понятие «нигилизм» приобрело в работах немецкого философа Ф. Г. Якоби (1743-1819), который в своих философских трудах полемизировал с рационалистическими учениями И. Канта, И. Фихте и В. Шеллинга, оставаясь на почве

строгого теизма. Источником познания внешнего мира Якоби считал чувственное восприятие. Так, одно чистое умозрение недостаточно для познания Бога, необходима еще вера; как наш глаз, вооруженный телескопом, различает в туманном млечном пути небесные светила, так наш разум, вооруженный верой, делается способным познать Бога.

Ф. Г. Якоби ввел этот термин в философию в 1799г. в труде «Sendschreiben an Fichte». По мнению ученого, для кантовского нигилизма характерно уничтожение реальности предметов чувственного опыта (тех предметов, среди которых человек живет и познает их). В таком аспекте сверхчувственные предметы идей разума (и прежде всего – Бога) превращаются на пустые фикции, лишённые их настоящей реальности. Это понятие играет у Ф.Г. Якоби разрушительно-творческую роль как своеобразный способ перехода от разумной метафизики к философии веры и чувств.

Однако наиболее полное выражение это понятие получило в работах немецкого мыслителя и создателя самобытного философского учения Ф. Ницше (1844-1900). Можно также утверждать, что он является родоначальником философской теории нигилизма. Так, Ф. Ницше, размышляя о нигилизме, писал, что высшие ценности теряют свою ценность и значимость, когда нет целей и ответов на вопрос «зачем?». Согласно мнению многих ученых-исследователей (В.В. Петренко и др.), в таком рассуждении заложен глубокий смысл – ведь нигилизм возникает там, где жизнь обесценивается, где утрачена цель и нет ответа на вопрос о смысле жизни и существовании самого мира.

Другой немецкий исследователь, М. Хайдеггер (1889-1976), анализируя европейский нигилизм как феномен и фундаментальное явление для современного сознания, обозначил его ключевые черты. Во-первых, нигилизм как форма мировоззрения характеризуется господством бессмысленности, обеспеченности всего сущего. Это ведет к принятию равнозначности всех ценностей, их относительности, и, в конечном счете, отсутствия в них чего-то общезначимого. Во-вторых, нигилизм раскрывается в убеждении, что жизненный мир человека и общество представляют собой только переплетение частных интересов и психологических потребностей. Отсюда происходит идея об отсутствии в обществе порядка и целостности, единой наполненной смыслом организации [2].

Современный философский словарь (А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев и др.) определяет нигилизм как отрицание идеалов и ценностей духовного порядка, отрицание культуры [6].

Вместе с этим, Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон так трактуют нигилизм:

1) в Средние века – ересь, которая отрицала человеческое естество в Иисусе Христе;

2) в русской литературе со времени И. С. Тургенева – определение крайнего идейного направления 1860-х годов, отрицавшего главные основы современного политического и социального строя (Базаров в «Отцы и дети») [1].

В. Даль в «Толковом словаре живого великого русского языка» определил нигилизм как безобразное и безнравственное учение, отвергающее все, чего нельзя ощупать [11].

В традиционном понимании нигилизм выступает социально вредным и деструктивным явлением, особенно в нынешнее время. Очень часто нигилизм принимает разрушительные формы. В крайних своих проявлениях он созвучен с различными анархическими и радикальными устремлениями, максимализмом и политическим экстремизмом.

Несмотря на то, что бум нигилизма произошел во второй половине XIX века и связан с философскими идеями немецких ученых А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и О. Шпенглера, первым нигилистом считается их соотечественник Макс Штирнер (1806-1856). М. Штирнер возводил эгоизм в безусловное благо, провозглашая любую мораль призраками и призывая человечество освободиться от них.

Нигилист – это человек, который пытается разрешить социальный конфликт путем отрицания ценности старого миропорядка, который считает порочным из-за царящей вокруг несправедливости. Но отрицая, он не предлагает ничего взамен. Смысл понятия «нигилист» в России в 60-х годах XIX века раскрывался следующим образом:

1) нигилист – это приверженец, сторонник демократического движения, который отрицает устои и традиции дворянского общества, крепостничество;

2) нигилист – это человек, относящийся ко всему резко отрицательно, скептически [5].

Толковый словарь современного русского языка приводит несколько значений понятия «нигилист»: 1) это свободомыслящий человек, интеллигент-разночинец, который резко отрицательно относится к традициям и обычаям; 2) человек, который ко всему относится отрицательно и скептически [8].

Таким образом, мировоззренческая позиция нигилиста выражается в отрицании осмысленности человеческого существования, значимости общепринятых нравственных и культурных ценностей, непризнании любых авторитетов.

Современные исследователи (В. Н. Протасов и др.) приводят такие особенности нигилизма как социального явления:

- негативное и резко критическое отношение к общепринятым, объективным ценностям и гипертрофированное сомнение в них;

- максималистский подход, интенсивность, категоричность и бескомпромиссность отрицания;

- сопряженность с негативной программой и деструктивным, разрушительным началом в себе [6].

В. С. Нерсисянц также указывает, что характерным признаком нигилизма выступает степень отрицания, его интенсивность, категоричность и бескомпромиссность. Это выражается в преобладании субъективного начала, в преувеличенных сомнениях в общеизвестных ценностях и принципах. Кроме этого, определяются такие способы действия, которые граничат с антиобщественным поведением, нарушением моральных и правовых норм. Также нигилизм, по мнению ученого, характеризуется отсутствием какой-либо определенной положительной программы либо же ее абстрактностью и аморфностью.

Нигилизм, как явление характеризуется многообразием взглядов относительно понимания и интерпретации, и в зависимости от сферы отрицаемых ценностей и устоев, нигилизм может быть политическим, религиозным, нравственным и социальным.

Общей характеристикой всех форм проявления нигилизма является отрицание, и достаточно часто нигилизм воспринимается как отрицательное и деструктивное явление. Наряду с этим, бывают случаи, хотя это скорее исключение из общего правила, что правовой нигилизм проявляется в качестве положительного фактора. В частности, о позитивной роли правового нигилизма можно говорить, если речь идет о борьбе с тоталитарными, антидемокра-

тическими режимами, произволом властей, нарушающих права и свободы граждан. По словам, Ж.-Ж. Руссо, деспот не может жаловаться на свергающее его насилие. По общепринятому правилу, нигилизм освобождается от своего негативного наполнения в том случае, если выступает объективным отрицанием чего-либо реакционного или консервативного. В целом же нигилизм в его привычном представлении выступает явлением негативным и социально вредным [4].

Таким образом, для формирования феномена нигилизма в мировой культуре были исторические и социокультурные основания. Исторически нигилизм представлял собой специфическую социально-психологическую установку, особый способ реагирования на разнообразные феномены жизни социума, отличался преувеличенной категоричностью и тотальностью отрицания. В широком смысле нигилизм выражает негативное отношение определенного субъекта (группы или класса) к определенным ценностям, нормам, взглядам, идеалам некоторых либо всех сторон человеческого бытия.

Список литературы

1. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь. Современная версия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М.: ЭКСМО, 2008. – 959с.
2. Зырянов С. Г. Гражданское общество в современной России: состояние и перспективы развития / С. Г. Зырянов, О. В. Осипов. – Челябинск: АСТРА, 2010. – 161с.
3. Краткий философский словарь / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев [и др.]. Под ред. А. П. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Т. К. Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 496с.
4. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник / В. С. Нерсесянц. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. – 560с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - 4-е изд., доп. – М. Азбуковник, 2002. – 944 с.
6. Протасов В. Н. Теория государства и права: учебник и практикум для академ. бакалавр. / В. Н. Протасов. - М.: Изд. Юрайт, 2015. - 487с.
7. Савчук В. В. Судьба нигилизма в России / В. В. Савчук // Проблемы политической философии: переводы, комментарии, полемика; ред. В. П. Макаренкова. – Ростов-на-Дону: РОСТИЗДАТ, 2012. – С.441-471.
8. Толковый словарь современного русского языка [Текст] / сост. Д. А. Романов. - Донецк: ООО ПКФ «БАО», 2003. - 384с.

9. Ульянов В. А. Развитие нигилизма в новое и новейшее время: теоретический аспект / В. А. Ульянов // Омский научный вестник. – 2009. – №2 (76). – С.121-123.
10. Хайдеггер М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Время и бытие. – М.: Логос, 1993. – С.63-176.
11. Червонюк В. И. Теория государства и права: учебник / В. И. Червонюк. – М.: Инфра-М, 2007. - 704с.
12. Юрашевич Н. М. Эволюция понятия правового сознания / Н. М. Юрашевич // Правоведение. – 2014. – №2. – С.178-187.

A. A. Kamarali

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: anna_kamarali@mail.ru

**TO THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ORIGINS
OF NIHILISM IN MODERN SOCIETY**

***Annotation.** The article describes the concept of nihilism as one of the forms of attitude and social behavior. The features of its interpretation in the European scientific thought of the 17th-18th centuries, in the Western philosophy of the second half of the 19th century are revealed. The modern approaches to the interpretation of nihilism and its features are investigated.*

***Key words:** nihilism, denial, worldview, moral and cultural values.*

УДК 130.2

Н. Г. Пряхин

(к. филос. наук, доцент)

Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова филиал

Российской таможенной академии

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: nikpryahin@mail.ru

НОМО MAUDANUS КАК ВЫРАЖЕНИЕ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА УКРАИНЫ

***Аннотация:** С 2004 года в Украине возник деструктивная тенденция по смене власти в стране, путем неправомερных действий. Данные события осуществляются индивидами, которыми манипулируют средства массовой информации и др. Предпосылкой для манипуляций являются отсутствие культуры критического мышления, недостаток образования, социальный конформизм, а так же ложное понимание патриотизма и гуманизма.*

***Ключевые слова:** насилие, человек, деструктивность, культура, общество, ценность.*

В истории науки существует определенное множество понятий напрямую относящихся к проблеме человека: Homo sapiens (Человек разумный), Homo sapiens idaltu (Человек разумный старейший), Homo sapiens sapiens (Человек разумный разумный - известен как кроманьонец), Homo habilis (Человек умелый - высоко-развитый австралопитек, первый представитель рода Homo), Homo rudolfensis (Человек рудольфский), Homo ergaster (Человек работающий), Homo erectus (Человек прямоходящий), Homo floresiensis (Человек флоресский — карликовый представитель рода Homo с острова Флорес, известен также как «хоббит»), Homo antecessor (Человек-предшественник), Homo heidelbergensis (Человек гейдельбергский), Homo neanderthalensis (Человек неандертальский — неандерталец, в советской литературе также носил название «палеоантроп»), Homo rhodesiensis (Человек родезийский), Homo cepranensis (Человек из Чепрано), Homo georgicus (Дманисийский гоминоид), Homo denisovensis (Денисовский человек), Homo naledi (Человек из Диналеди), Homo longi («Человек-дракон»), Homo luzonensis (Человек лусонский), Homo bodoensis [1], Homo antiquus [2]

Кроме того можно найти социальную типологию человека - Homo Aestheticus (Человек эстетический) [3], Homo soveticus (советский человек) [4], Homo noosphericus (человек ноосферный) [5], Homo futurus (человек будущего) [6], Homo ethicus (человек понимающий), Homo economicus (экономический человек) [7], Homo conflictus (конфликтный человек) [8], Homo ludens (играющий человек) [9], Homo Computerus (компьютерный человек) [10], Homo Communis (человек сотрудничества и обмена) [11], Homo Loquens (человек эпохи речи) [12].

Из числа типологизации человека выделяется вид Homo maudanuty (человек майдаун/майданутый) [13],[14],[15]. Кто он и как возник? Для понимания данного термина необходимо определить понятие “майдан”.

«Майдан» (с тюрк. – «ровное, свободное место» от персидского «площадь») – любая открытая площадка, парк или площадь; главная торговая площадь в городе, базар [16]. «Майдан (устар. слово) – станичный круг, сходка у казаков, базарная площадь (в южных областях России, на Украине)» [17]. Кроме того, события в 2004 г. и 2013-2014 г. в городе Киеве, термин “майдан” стал содержать другой смысл – это и территория площади Незалежности в Киеве, и пространство, не географическое, а ментальное, относящееся к выражению несогласия с властью, агрессии, подмене смыслов, разрушения закона, традиций, формирования ложной, т.е. не основанной на объективных знаниях истории и культуры. Следовательно, сторонник майдана – является человеком, выражающим свои права на свободу совести в определенном месте, с использованием незаконных средств, человек с *измененным сознанием*.

Таким образом, смысловое значение понятия «майдан» является исходной формой возникновения термина «майданутый» – «украинский националист, сторонник оранжевой революции. Иногда в смысле политический экстремист в любой стране, независимо от Украины» [18]. Далее, можно встретить следующие выражения: «Я тоже майданутый, помаранчевый, но меня никто никогда не финансировал и я не хотел бы, чтобы финансировали, ибо я убежденный майданутый. Страна крутых и майданурых. Майданурые жгли автомобили, грабили магазины, пытались выйти в телевизионный эфир. Верное малороссийское казачество изгоняет оранже-

вых майданутых. Майданутые снова нужны: выборы в Украине 2012» [19].

Важно заметить, что на изменение сознание украинцев повлияло также формирование альтернативной истории: мифологии о «древних украх» проректора университета «Украина» Валерия Бебика. «Среди его «изысков» – утверждения, что Будда родом из Украины, а Мамай – украинский казак, который якобы в Куликовской битве разбил войска «ордынца» Дмитрия Донского. Почетный академик коммерческих академий даже додумался обнародовать кощунственные измышления о том, что Господь Иисус Христос – украинец. И Магомет. Вот так – ни больше - ни меньше» (Егор Бородин). Поэтому вполне естественно появление нового социального вида человека – Homo maydanus – ограниченного субъективными суждениями и умозаключениями, ложными историческими, моральными и нравственными рамками. В целом, деструктивность мировоззрения и поведения Homo maydanus сводится к следующему:

1. Ложное понимание патриотизма, т.е. любви к Украине, основанное на отрицании России. Сторонник Майдана критикует власть Украины, утверждает, что все негативные факторы в жизни украинского народа проистекают от политики России, русского и еврейского народов, населяющего Украину, финансовой власти, якобы находящейся под влиянием России и русской культуры – варварской, азиатской, «присвоившей» украинскую историю;
2. Отсутствие любви человеку, в первую очередь – к русскому человеку. В этом смысле, показательно стихотворение, написанное в период Майдана 2013-2014 «Никогда мы не будем братьями» (А. Дмитрук), а так же лозунг «Москаляку на гиялку». Особо стоит отметить и насилие по отношению к украинцам: к безоружным военнослужащим спецподразделения «Беркут» (аналог в России «Омон»), в которых сторонники майдана бросали «коктейли Молотова»; расстрел из огнестрельного оружия протестующих с целью переложить ответственность за убийства людей на официальную власть и пророссийские политические силы; и, наконец, инициация и проведение антитеррористической операции в Донбассе, приведшей к многочисленным жертвам граждан Украины;
3. Подверженность влиянию СМИ и готовность к насильственной смене власти вследствие отсутствия критического мышления и

анализа объективной реальности. Правильное мышление определяется соотносительностью с основными законами логики, которые содержат тезисы: точности интерпретации понятий, непротиворечивости понятий, достаточного фактологического основания в формировании оценки. СМИ Украины специально разрушали сознание граждан, замещая объективные, сущностные, системные, закономерные факты на случайные, субъективные, единичные, ложные. Данное явление происходило вследствие многих факторов, одними из которых были: деструктивная государственная идеология, направленная на формирование «украинской нации», в содержании которой находилось отрицание русской культуры, утверждение борьбы украинского народа с русским народом, а также борьба за власть между олигархами, использующими недобросовестные методы конкурентной борьбы: подмену понятий, черный PR, необоснованность суждений и прочее [21], [22], [23].

Таким образом, можно констатировать, что *Homo maudanus*, появившийся в 2004 г и активно развивавшийся в 2013-2014 г., является социальным видом человека, деятельность которого направлена на разрушение базовых ценностей гуманизма вследствие формирования неправильного мышления, подмены объективных знаний на субъективные и ложные, а зачастую просто вымышленные. Соответственно, можно сделать вывод о социально шизоидном типе *Homo maudanus* – о типе человека аффективного, девиантного по своему поведению и легко манипулируемого. Кроме того, к сожалению, данный тип человека содержит не только социальную, но и психологическую составляющую, поскольку всегда социальные изменения сопровождаются изменением сознания. Вот почему предстоит долгая работа со стороны государства по восстановлению нормального социально-психологического общества, в котором *Homo maudanus* станет явлением случайным, а не системным.

Список литературы

1. Roksandic M., Radović P., Wu X.J., Bae C. J. Resolving the “muddle in the middle”: The case for *Homo bodoensis* sp. nov. (англ.) // *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews* : journal. – 2021.
1. *Homo antiquus* // Режим доступа: <https://www.mindat.org/taxon-4827688.html>
2. Грякалов А.А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос НОМО AESTHETICUS // сайт журнала “Вопросы философии”. - Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=689&Itemid=52
3. Гомо советикус // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. М.: Локид-Пресс, 2005. с. 186
4. Цветков А. П. Номо *noosphericus* как актуализация образа *Homo futurus* // *Философия и космология* / *Philosophy & Cosmology* 2013. Киев: Международное философско-космологическое общество, 2014. С. 160-170. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/homo-noosphericus-kak-aktualizatsiya-obraza-homo-futurus>.
5. Закарайя А.: Номо *Futurus*. Облачный Мир: эволюция сознания и технологий // <https://www.marwin.kz/>. Режим доступа: <https://www.marwin.kz/nauka-i-tehnika-18617/arti-zakarajja-homo-futurus-oblachnyj-mir-jevoljucija-soznaniya-i-tehnologij.html>.
6. Самсонов Д. НОМО ECONOMICUS. КАКОВ ОН - ЧЕЛОВЕК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ? Информация взята с портала «Научная Россия» // Научная Россия. - Режим доступа: <https://scientificrussia.ru/articles/homo-economicus-kakov-on-chelovek-ekonomicheskij>
7. Макарушкина М. Номо *conflictus*: как быстро распознать конфликтного человека // <https://hbr-russia.ru/>. - Режим доступа: <https://hbr-russia.ru/liderstvo/psikhologiya/p24551/>.
8. Хейзинга Йохан. Номо *ludens*. Человек играющий / Сост., предисл. Х. 35 и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.- 416 с.
9. *Kristi Pedak - Who is Homo Computerus?* // <https://www.tlu.ee/en>. – Режим доступа: <https://www.tlu.ee/en/news/kristi-pedak-who-homo-computerus>. (09.04.2022)
10. Номо *Communis* // www.imdb.com. - Режим доступа: <https://www.imdb.com/title/tt1315062/>
11. *Гомо Локенс*. Номо *Loquens*: Человечество в эпоху речи // <https://www.cambridge.org/>. - Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/history-of->

- communications/homo-loquens/4E5501D1314BE12AECB6ACE604AEA8BD
12. Сергей Изюмов. Homo Maidanius. Человек майданутый новая формация украинцев // Горловская Правда 27 января 2014. - Режим доступа: <https://gorlovka-pravda.com/novosti-gorlovki/homo-maidanius-chelovek-maidanutyi-novaja-formacija-ukraincev.html>
 13. Что такое "Майданутый" - значение слова "Майданутый". Словарь молодёжного слэнга. <https://slang.su/id/15760>
 14. Михаил Лезинский. Майданутый // Проза.ру – российский литературный портал, предоставляющий авторам возможность свободной публикации произведений. Режим доступа: <https://proza.ru/2014/03/11/2452>.
 15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. — М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. – С. 559
 16. Значение слова майдан // Современный толковый словарь Ефремовой. Режим доступа: <https://www.efremova.info/word/majdan.html#.YlbwROhByvч> (10.04.2022)
 17. Что такое «Майданутый» - значение слова «Майданутый». Словарь молодёжного слэнга. <https://slang.su/id/15760>
 18. Буракова А. И. Политическая пропаганда в СМИ в условиях информационной войны // Материалы Международной научной конференции «Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса». Том 4: Филологические науки. Ч. 2: Языкознание, литературоведение, культурология, журналистика. – Донецк: ГОУВПО «ДонНТУ», 2017. – С. 242-244.
 19. Буракова А. И. Антироссийская пропаганда в украинских медиа: цели и средства // Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения: материалы Международной научно-практической конференции / Донецк: ГОУВПО «ДонНТУ», 2018. – С. 385-387
 20. Буракова А. И. Влияние современных СМИ на сознание человека // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук. Материалы международной научной конференции международным участием студентов, аспирантов и молодых ученых. – Спб.: Издательство Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2020. – С. 330-334.

N. G. Pryakhin

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

St. Petersburg im. V.B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy

(St. Petersburg, Russian Federation)

E-mail: nikpryahin@mail.ru

HOMO MAYDANUS AS AN EXPRESSION OF THE CRISIS OF CULTURE AND SOCIETY IN UKRAINE

***Annotation:** Since 2004, a destructive trend has emerged in Ukraine to change power in the country through illegal actions. These events are carried out by individuals who are manipulated by the media, social networks, etc. The prerequisite for manipulation is the lack of a culture of critical thinking, lack of education, social conformity, as well as a false understanding of patriotism and humanism.*

***Keywords:** violence, destructiveness, education, culture, society, value, fake, sophism, radicalism.*

УДК 303.01

А. К. Поправко

(к. филос. наук, доцент)

Донбасская юридическая академия

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: docentpopravko@mail.ru

ДУХОВНЫЙ МАРГИНАЛИЗМ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

***Аннотация.** В статье рассматривается одна из важнейших проблем современного общества – проблема духовного кризиса современного человека. Этот кризис усилился на фоне небывалых социальных и природных катаклизмов конца XX – начала XXI столетия. Для определения такого рода личности автор использует понятие духовный маргинал. Это личность, в которой парадоксальным образом переплетаются интеллект и знания с циничным отношением к морали, праву, безудержным потребительством, стремлением добиться значимости в обществе любым путём. Моральные и социально-правовые патологии личности духовного маргинала успешно используют правящие элиты для реализации антинародных профашистских переворотов, о чём наглядно свидетельствуют события 2014-2022 гг. на Украине.*

***Ключевые слова:** маргинал, духовный маргинал, характерогенез, солипсизм, психосинтез, рессентимент, конформизм, толлизм.*

Проблема двойственности природы человека, соотношение биологического и социального, животного и человеческого всегда были в центре внимания философской антропологии. С одной стороны, человек достиг небывалых высот в научно-техническом прогрессе, заложил основы виртуального цифрового общества, а с другой стороны, стал источником небывалых по масштабу и силе социальных и природных катаклизмов. Две мировые войны, приведшие к огромным человеческим жертвам и разрушениям, социальные революции, уничтожившие и отправившие в эмиграцию миллионы людей, глобальные экологические катастрофы с особой остротой ставят проблемы жизни современного человека, свободы выбора жизненного пути, моральных принципов и личной ответственности. Так как внутренний духовный мир человека является проявлением человеческой специфики, её индивидуальности, автор считает оправданным использование понятия «духовный марги-

нал» как распространённого типа личности XXI века. Это понятие близко к понятию философа И. А. Ильина, употребившего понятие «расколотый человек», которое наилучшим образом подходит к части современных людей. «Человек, находящийся в состоянии внутреннего раскола, - писал он, - есть несчастный человек. Он остается несчастным и тогда, когда ему в жизни везет, если ему все удастся и каждое желание исполняется. Никакое внешнее счастье не делает человека счастливым, потому что он внутренне несчастлив от своего распада. Никакой жизненный путь не дарит ему ни удовольствия, ни успокоения» [1, с. 377].

Раскол как душевное состояние, как противоречие между рационально-прагматичной стороной жизни человека и духовно-нравственной оценкой своих действий и поступков всегда волновал многих философов. У Конфуция человек идеален, если сочетает «ли» – социальные формы бытия и «дэ» – присущие человеку достоинства или способность к совершенству. Человек находит свою человеческую подлинность, когда ее стихийные порывы под влиянием «дэ» приобретают определенную форму. Целостного чувства жизни можно достичь, как считают в конфуцианском Китае, с помощью «синь шу» – «техники сердца» [2, с. 11].

Э. Роттердамский писал о дихотомическом противоречии человека: «Человек – это странное животное, состоящее из двух частей: из души и тела подобно бессловесной скотине. В неясном раздоре они враждуют друг с другом: тело наслаждается вещами видимыми, тогда как душа, помня о своем эфирном происхождении, изо всех сил стремится вверх и борется с земной своей тяжестью, ищет того, что истинное и вечное» [3, с. 12]. Б. Паскаль тонко подметил, что «величие человека несомненно, что подтверждается даже его внешним видом... человеческую натуру можно рассматривать двояко: исходя из конечной цели, и тогда человек возвышен и ни с чем несравним; или, исходя из обычных свойств, как рассматривают лошадь или собаку, исходя из их обычных свойств – способности к бегу ... – и тогда человек низок и отвратителен» [4, с. 19].

Говоря о сущности человека, И. Кант горько иронизировал, что «из всех существ человек меньше всех достигает цели своего существования, потому что он тратит свои замечательные способности на эти цели, другие существа достигают с гораздо меньшими

способностями и, тем не менее, гораздо проще и надежнее» [5, с. 24]. Н. А. Бердяев связывал человечность с духовностью, отмечая, что глубинное «я» человека связано с духовностью. Дух является «синтезирующим началом, поддерживающим единство личности». В борьбе за личность, за настоящее, глубинное «я» происходит процесс распада (это вечная опасность) и процесс синтеза, интеграции. Человек больше нуждается в психосинтезе, чем в психоанализе, который сам по себе может привести к разложению и распаду личности» [6, с. 54-55].

В. Ф. Сержантов и Г. В. Гребеньков, рассматривая социально-исторические тенденции характерогенеза, выделяют важный аспект в онтологической эволюции личности – проблему Добра и Зла. Речь идет не столько о двойственности природы человека, сколько о социальных условиях реализации общественных потребностей, где на первый план выдвигаются такие ценности как свобода, независимость, порядочность, любовь к людям. Однако реальные социально-экономические условия современного капитализма порождают в подавляющем большинстве авторитарный и иррационально-деструктивный типы характеров. Но поскольку такие тенденции не впадают в противоречие с ходом развития капитализма, они и дальше существуют, заявляя о себе в виде тех или иных катаклизмов, кризисов, феноменов общественного бедствия [7, с. 134].

Исходя из вышеизложенного, автор считает целесообразным использовать для характеристики противоречия духовного состояния современного человека понятие «духовный маргинал». Духовный маргинал как личность запрограммирован на получение во всё большем объеме материальных, чувственных и физических наслаждений, не ставя никаких перспективных целей в жизни, считает во многом бессмысленным аксиологический аспект жизнедеятельности (проблемы смысла жизни, добра и зла, справедливости, счастья, любви). Духовный маргинал – духовно обессилевший человек, утилитарно-прагматически, релятивистски относится к оценке объективной действительности. Такой человек не имеет твердых убеждений относительно проблемы добра и зла, справедливости, свои проблемы решает только через призму личной выгоды и пользы, имеет показную религиозность. Русский религиозный философ И. А. Ильин очень точно заметил, что «для того, чтобы жить как вещь, человек, видимо не нуждается в «сердце», то есть живого и

идеального чувства любви к Богу, к человеку и ко всему живому, такое существование может явно обойтись без этой необходимой и важнейшей силы, человек может отдавать свой интерес пище, питью, чувственным удовольствиям, внешним удобствам и впечатлениям, оставаясь холодным, черствым и самодовольным «счастливчиком». Мышление без сердца, даже разумное и логическое, остается равнодушным: ему все равно за что браться, что обдумывать, что изучать [1, с. 353].

Понятие «духовный маргинал», на первый взгляд, состоит из двух несовместимых понятий. Традиционно в философии понятие «духовность» понимают, как отчужденность от низких, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, самопознания, обретения смысла жизни, любви и помощи ближним, справедливости и свободы. В условиях современного общества гипертрофированное понимание некоторых из названных ценностей несет угрозу существованию человека и общества. Русский философ В. Федотова пишет, что «враг демократии, раковая опухоль западных обществ – либерализм, требование неограниченной свободы, которая разрушает общественную солидарность и нормы. Открытые возможности свободы оказались настолько соблазнительными, что западный капитализм начал отходить от веберовской и хайековских основ, которые ориентируют его на экономическую рациональность и конкурентоспособность, без которых инновативность приобретает черты погони за все новыми благами, доходами и видами удовольствий» [8, с.18].

Важнейшими факторами, изменяющими содержание понятия «духовность», являются процессы глобализации, взаимопроникновение и взаимовлияния различных культур, религиозных верований, этических и эстетических норм и традиций. Духовный маргинал демонстративно бравирует «пещерным уровнем» образования и культуры, главное для него добиться богатства и известности любой ценой, игнорируя общечеловеческую систему ценностей, ставя зачастую под угрозу жизнь человека. Понятие маргинальности используется для обозначения пограничности, периферийности или неполноты включения в любое социальное, национальное, классовое и культурное сообщество.

Маргинал – «промежуточный человек», выпадающий из одной социальной среды и не примкнувший к другой. Духовный мар-

гинал – промежуточная ступень между духовной личностью в классическом смысле слова, поступки которого базируются на знании истории, культуры, традиций своего народа и духовным люмпеном, который полностью игнорирует принципы общечеловеческой морали, культурных норм, удовлетворяя, в первую очередь, чувственно-физические, материальные потребности. Духовный маргинализм является следствием и фактором глобального системного кризиса западного неолиберального мира, охватившего мир в конце XX века.

Духовному маргиналу в полной мере присущи экзистенциальные противоречия, на которые обратили внимание Г. В. Гребеньков и В. Ф. Сержантов в монографии «Феномен человека». Исходным здесь является противоречие между относительной бесконечностью жизненных стремлений человека, обусловленных её умом и системой влечений с одной стороны, и объективной реальностью, узкими временными рамками его жизни, ограничивающими желание и возможности человека, с другой стороны. Это противоречие вытекает из того факта, что человек, будучи результатом развития материального мира и его компонентом, не является, в отличие от других животных, таким существом, который был бы приспособлен уже самим фактом своего рождения к среде, в которой ему приходилось жить: это среда, как и мир в целом, чуждые человеку.

Второе экзистенциальное противоречие – это диалектическое противоречие социальной природы человека, его индивидуализации и социализации. Каждая личность, как специфический индивид, детерминируется не генетической программой, а условиями жизни, прежде всего, социальными факторами. В то же время, человек как социальное существо обречено на преодоление своего одиночества, которое может осуществляться различными путями, как в форме любви, партнерства, братства, взаимопонимания, так и в форме садизма и эксплуатации других людей.

Третье общечеловеческое противоречие возникает в душе человека из-за того, что человек, будучи смертным существом, обладает интенцией бессмертия. Названные экзистенциальные противоречия имеют общий характер, но они приобретают различного вида и формы своего решения в зависимости от социально-исторических условий. «Суть проблемы в том, - пишут Ф. Сержантов и Г. В. Гребеньков, - что экзистенциальное противо-

речие представляет собой действительную дихотомию – раздвоение, расщепление личности, нарушающее внутреннее равновесие в душе человека, – и это нестерпимое, трудно переносимое в течение длительного времени состояние. Человек, чтобы иметь возможность жить, должен преодолеть эту жестокую раздвоенность души, обрести эмоциональное осознание своего единства, без которого немислима возможная для него полнота жизни» [7, с. 39].

Человек в разные эпохи пытается использовать различные способы и средства, чтобы преодолеть эту дихотомию. Одни стремятся реализовать неразумные потребности в алкоголе, наркотиках, акцентуации сексуальных влечений, в религиозных оргиях, чтобы обрести чувство гармоничного единства с окружающим миром. Сюда же следует отнести такие варианты образа жизни, когда человек направляет всю энергию на достижение власти, богатства, славы, что означает регресс личности. Другой путь преодоления раздвоения человека пытались очертить еще раньше – в древнейших цивилизациях Китая и Индии. Религии, возникшие в этих культурах, были направлены на подъем человека, на основе его разума и любви – так достигалось единство человека с самим собой, его единство с другими людьми и миром. Эта тенденция была продолжена во времена Ренессанса. А. Шопенгауэр, предвидя проблемы трагической дихотомии личности в будущем обществе, писал: «Чем более развит в интеллектуальном и эмоциональном плане человек, тем сильнее являются его нравственные коллизии и страдания. Социальная жизнь проникнута слабоумием и пошлостью, завистью и лицемерием. Забота о ближних и борьба за счастье угнетенных то и дело на поверку оказывается поиском собственной выгоды, патриотические призывы – массой своекорыстного национализма, парламентская болтовня – прикрытием наиболее бесстыдного группового и личного эгоизма, выстроенная демонстрация религиозных чувств – маскировкой хаотичной бессовестности» [9, с. 21-22].

Характерологическая типология личности духовного маргинала включает следующие сущностные черты. Во-первых, духовный маргинал – это крайний индивидуалист или своего рода *солитист*. В условиях тотального недоверия он доверяет только самому себе. Некоторые исследователи, например, В. Федотова, для характеристик современного человека ввели термин «индивидуальная

корпорация», человек, который работает сам на себя. Примером такого человека, в определенной степени, является Б. Гейтс, так как высокие риски в бизнесе нередко рожают реакцию солипсизма и даже аутизма, когда у предпринимателя заранее принята схема индивидуального выхода из рисков на основе доверия только себе или своей семье в качестве превентивной меры против разрушения его индивидуальной корпорации.

Чувство солипсизма резко усилилось в условиях глобального экономического кризиса, при котором теряется историческая шкала ценностей и добродетелей, происходят функциональные упрощения человеческих отношений, перегрузки и стрессы. «Солипсизм, - отмечает российский философ В. Федотова, - предельное одиночество личности, когда сворачиваются все творческие интенции во внутренний мир через малую вероятность появления того, кто мог бы разделить его в личном плане и из-за отсутствия социальной сцены, где было бы нужно что-то еще, кроме товаров и изделий, товарных марок и знаков престижного потребления. Апатия – солипсизм масс» [8, с. 16].

Во-вторых, духовный маргинал является фаталистом, который верит в случайность, внезапную удачу, который игнорирует целеполагания и волевой компонент в своей жизни. Характеризуя тенденции жизнедеятельности человека в современном обществе, следует отметить устойчивую тенденцию к «ничегонеделанию», возвеличивание культа безделья, что приобретает широкое распространение в наши дни и является одной из причин кризисного состояния общества. Духовный маргинал твердо считает себя избранным, достойным определенных видов труда, которые дают, в первую очередь, солидное материальное вознаграждение. Но реализовать себя в этих видах трудовой деятельности можно не только благодаря знаниям, но и мотивационно-волевым усилием, что тождественно понятию «трудоголизм».

Для большинства духовных маргиналов эта деятельность остается на уровне «мечты», что по российским меркам соответствует понятию «обломовщина». И. Ф. Ильин пишет: «Какая тяжелая жизнь в этом вынужденном ничегонеделании. Весь божий день проходит в бессмысленной пустоте и мертвой скуке, что, в конце концов, человек радуется любому заполнению часов, каждому вульгарному развлечению. Привыкший к ничегонеделанию, к лени и пустоте мышления, человек незаметно начинает смотреть на

жизнь с безнадежностью, на честную работу – с отвращением, на правопорядок – с презрением [1, с. 387-388]. Эта черта особенно характерна для части современной молодежи, которая на любой вид трудовой деятельности смотрит с отвращением.

В-третьих, духовный маргинал – циничный конформист. Если рассматривать психологические модификации такого характера, то их суть заключается в том, что требования среды подчинят полностью систему ценностных ориентаций личности, и если брать модель постиндустриального общества, то это культ потребительства, наживы и чувственных наслаждений, а это приводит к потере индивидуальности. В. Ф. Сержантов подчеркивает, что можно предположить такое изменение мотивации деятельности и поведения человека в целом, при котором теряется доминирующее значение собственно человеческих жизненных функций: когнитивно-праксеологических и социабельных, и ведущая роль переходит к общежитальным. Это будет означать снижение ценности личности и приобретения таких форм социабельности, которые разрушают целостность, спонтанность, оригинальность личности, то есть будет происходить потеря всего того, что делает человека личностью вообще. Этот процесс есть не что иное, как сползание человека на уровень общебиологической жизнедеятельности [10, с. 401].

В-четвертых, если возникает угроза существованию личности духовного маргинала, как это мы наблюдали в момент глобального экономического кризиса, то резко усиливается чувство «рессентимента». Термин «рессентимент» ввел в оборот Ф. Ницше в книге «Генеалогия морали», что означает «психологический комплекс состояний ненависти, унижения, скрытой обиды и мстительности» [11, с. 24]. Согласно Ф. Ницше, существуют две модели рессентимента: 1) модель личности интроверта «аскетический идеал», когда энергия рессентимента направлена на самого себя. Переживания не находят выхода в реальной борьбе, а блокируются отсутствием свободы. Крайнее состояние бессилия находит выход в сфере воображения. Это в определенной степени объясняет религиозный ренессанс, который базируется не на истинной вере, а на чувстве бессилия и беспомощности, причем деятельность многих сект и церквей имеет антигуманистический, тоталитарный характер; 2) модель личности экстраверта, нигилиста, который отрицает

все нравственные ценности, исходя из абсурдности современной жизни.

При анализе личности духовного маргинала-экстраверта необходимо обратить внимание на два момента. В последнее десятилетие особое распространение приобретает «толпизм» – массовые движения, направленные против существующих порядков, где главную роль играет молодежь. Резкая имущественная дифференциация общества, коррупция и незаконное обогащение элиты, отсутствие диалога между властью и оппозицией – все эти причины привели к массовым столкновениям в 2009-2019 годах в Греции, Молдавии, Грузии, Украине, в странах арабского востока (Египет, Тунис, Ливия, Алжир). Серьезную провоцирующую роль в формировании личности духовного маргинала играют средства массовой информации, которые усиливают непредсказуемость, фрагментарность, упрощенную ситуативность в жизни. Краткосрочность, отсутствие стратегических целей характерны теперь как для общества, так и для отдельных индивидов. Не контролируя своего настоящего, человек не может представить или планировать будущее, осознавать прошлое. Социальная реальность стала непонятной для многих людей и неподвластна им, потому что такая реальность разрывает связь времен и поколений, делает современное общество обществом риска.

События на Украине 2014 года показали, насколько духовный маргинализм проник глубоко во все структурные элементы общества, начиная от верхних эшелонов власти и заканчивая семьей. Представители правящей верхушки, будучи в советское время комсомольцами и коммунистами, ради своих низменных интересов, сколачивания капиталов стали ультранационалистами, по сути – фашистами, люто возненавидели «русский мир», русскую культуру. Состояние «рессентимента» – злобы и бессилия – толкнуло определённую часть общества к национал-шовинизму, фашизму, что умело было использовано правящей элитой для развязывания войны с русскоязычным населением Юго-Востока Украины. Духовный маргинализм со всей очевидностью поставил проблему общественного переустройства. В рамках неолиберального капиталистического общества духовный маргинализм является важнейшим средством оглушения широких масс населения, в первую очередь молодёжи. Социальные институты воспитания должны формировать в личности основные направления саморазвития, са-

модисциплины, где основным моментом возникает потребность в ежедневной работе, которая должна стать одной из важнейших черт характерогенеза современного человека.

Преодоление негативных сторон данного феномена возможно на основе реализации социалистического переустройства общества. Социально-исторические противоречия характерогенеза современного человека наиболее полно выражаются в понятии «духовный маргинал». Преодоление духовного маргинализма возможно в здоровом социалистическом обществе, в котором только возможно преодоление «расколотости», «раздвоения» экзистенциальных потребностей личности. По мнению автора, одним из условий преодоления духовного маргинализма является кардинальное изменение информационной политики, направленной на развитие настоящих духовных потребностей личности, противостояние определенным образцам массовой культуры, которые формируют девиантное поведение и разрушают личность.

Список литературы

1. Ильин И. А. Религиозный смысл философии / И. А. Ильин. – Москва: АСТ, 2003. – 694 с.
2. Конфуций. Уроки мудрости / Конфуций // Сочинения. – Москва: Эксмо; Харьков: Фолио, 2010. – 958 с.
3. Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина / Эразм Роттердамский // Мир философии. – Москва: Политиздат, 1991 – 624 с.
4. Паскаль Б. Из мыслей / Б. Паскаль // Мир философии. – Москва: Политиздат, 1991 – 624 с.
5. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба / И. Кант // Мир философии. – Москва: Политиздат, 1991 – 624 с.
6. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев // Мир философии. – Москва: Политиздат, 1991 – 624 с.
7. Сержантов В. Ф. Феномен человека / Сержантов В. Ф., Гребеньков Г. Ф. – Киев: ИЦ «Академия», 1997 – 144 с.
8. Федотова В. Г. Факторы «ценностных изменений» на Западе и в России. / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – Москва: Наука, 2005 – № 11. С.3–23
9. Шопенгауэр А. Сборник произведений / Артур Шопенгауэр // Мн. ООО Попурри, 1998 – 464 с.

10. Сержантов В. Ф. Природа человека и его судьба / В. Ф. Сержантов // Санкт-Петербург, 1994 – 424 с.
11. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Избранные произведения. Книга вторая. – Москва: Сирин, 1990 – 414 с.

A. K. Popravko

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donbass Law Academy

(Donetsk, DPR)

E-mail: docentpopravko@mail.ru

**SPIRITUAL MARGINALISM
AS THE MOST IMPORTANT FACTOR
GLOBAL CRISIS OF HUMANITY**

***Annotation.** The article deals with one of the essential problems of modern society-the problem of the spiritual crisis of the modern man. This crisis has been intensified on the background of unprecedented social and natural disasters of the late 20th and early 21st century. To characterize this kind of personality the author uses the concept of spiritual marginal. This is a personality in who paradoxically possesses intelligence and knowledge in combination with a cynical attitude to morality, law, unrestrained consumerism, striving to achieve significance in the society by any means. The moral and socio - legal pathologies of the spiritually marginal person are used by the ruling elites for implementation of anti-people pro-fascist upheavals, which has been clearly evidenced by the events in Ukraine in 2014-2022.*

***Key words:** marginal, spiritual marginal, character genesis, solipsism, psycho-synthesis, resentment, conformism, tolpism.*

УДК 1(091)

А. А. Миргородский

(к. филос. наук, доцент)

Академия МВД ДНР имени Ф. Э. Дзержинского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК МОРАЛЬНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности проблемы ответственности человеческой личности в современных условиях. Проведен анализ понятий ответственности, свободы, отчуждения. Обоснована трактовка человеческой личности как элемента и объекта социальной системы. Данный тезис характерен для антропологической концепции в марксизме.*

***Ключевые слова:** антропология, личность, марксизм, ответственность, право, свобода, человек.*

В марксистской этике присутствует принцип долженствования, который концентрировал внимание на революционных преобразованиях общества. При этом ответственность – это категория, совмещающая философские предпосылки и правовые следствия. Это понятие рассматривается в постоянной динамике, изменении и трансформации во времени. Это позволяет рассуждать о смысле внутренних социальных процессов современного общества и каждой отдельной личности. Личность имеет общественную сущность, социальное предназначение. Социальная активность личности разнопланова: человек является творцом обстоятельств и формирует себя сам. При этом отчуждение – утрата человеком своей социальной сущности, когда жизнь человека оценивается на уровне простого биологического существования.

В последнее время в литературе активизировались исследования по проблеме человека [1], в частности, затрагивается проблема ответственности как философско-правовой и антропологической категории. Э. Левинас отмечал: «Ответственность переносит центр тяжести отдельного бытия за его пределы». И далее: «становясь ответственным, я нахожу свою высшую реальность» [2]. По Э.

Левинасу, ответственность – первичная, изначальная форма социальности. Ответственность глубоко субъективна. Но это субъективность социального существа. Точка, из которой возникает ответственность, и есть «я». «Быть Я значит избавиться от возможности уклониться от ответственности» [2]. Э. Левинас считает, что высшим назначением человека является его ответственность.

Термин «ответственность» тесно коррелирует с философской трактовкой свободы. Парадокс человеческой социальной жизни заключается в необходимости соблюдать персональные ограничения ради всеобщего блага – свободы каждой отдельной личности. Человек, нарушающий это правило, вынужден нести моральную, а в некоторых случаях – правовую ответственность.

Свобода порождает ответственность личности за принятое решение и поступки перед обществом и самим собой. Свобода и ответственность – две стороны созидательного толка. Свобода порождает ответственность, ответственность направляет свободу.

С начала 20-х годов XXI века общество пересматривает стандартный подход к определению ответственности, ставя во главу угла ответственность за самого себя, за свои поступки. Данная проблема подробно рассматривается в религиозной философии. С. Л. Франк связывает свободу, ответственность и творчество человека с его жизненным внутренним опытом, понимаемым как «опыт общения с людьми», «нравственный опыт», «религиозный опыт», «эстетический опыт», «опыт общения с Богом». Соотношение свободы и ответственности он рассматривает сквозь призму греха: грех – это недолжное, это то, от чего мы обязаны воздерживаться и при совершении чего мы осознаем нашу вину [3]. С точки зрения С. Л. Франка, грех, свобода и ответственность – это одна проблема.

В этой трактовке свобода представляет собой выбор между добром и злом. Выбор цели и средств ее достижения – творчество. Оно предполагает предъявление определенных требований к его результатам, то есть творчество по природе ответственно. Если человек не творец, то он не свободен, а ответственность за действия стремится возложить на других людей.

Следовательно, центральная проблема определения конкретных рамок личной ответственности перед собой и другими – чрезмерная свобода современного человека. Возможность создавать и управлять, модифицировать и совершенствовать любую из сфер жизни накладывает на человека необходимость резкого вовлечения

в социальный процесс, а значит – вырывает его из отчужденного состояния. Отчужденность при этом свойственна отечественному человеку. Ряд историко-культурных событий, длительные политические преобразования привели к нестабильности экономико-правовой системы. В результате понимание цепочки «действие – следствие» не до конца сформировано у взрослого поколения, и неполноценно формируется у молодежи.

Главная проблема ответственности в современном мире, который характеризуется многополярностью, состоит в том, что человек выступает агентом тех или иных социальных институтов и принимает решения, исходя из логики их развития, а не из интересов совместно живущих людей. В связи с этим необходимо исследование интегративных механизмов, соединяющих людей в общество и достижение баланса между множеством видов ответственности, определяемых институтами и «большой ответственностью» перед человечеством, обществом и природой.

Личность несет ответственность за каждое свое осмысленное действие. Она свободна изъявить свою волю и выбор по отношению к внешнему объекту, посчитав свою ответственность с личными убеждениями. На основе свободы воли личность утверждает себя, занимает свое собственное место в картине мира.

Ответственность выступает не как некая абстракция, она имеет конкретные формы бытия. Она тесно связана с самосознанием и уровнем культуры социального субъекта. В данном контексте уместно рассмотреть правовую ответственность как часть самосознания индивида.

Человек, неся ответственность перед законом и социальную ответственность, реализует главное этическое правило: относись к другим так, как хочешь, чтобы другие относились к тебе. Это и обуславливает необходимость самоограничения, а значит – доказывает важность фиксации ответственности за конкретные поступки.

Степень личной свободы становится тем выше, чем больше и чем дольше человек делает то, что ему хочется [4, с. 74]. Но отсутствие правового контроля ведет к хаосу. В нравственной ответственности лидируют факторы совести и долга; в психологической – факторы стыда, переживания по поводу невыполненного обяза-

тельства. В правовой – возраст человека и его психическое состояние.

Ответственность как морально-правовая и антропологическая категория фиксирует зрелость свободы человека в выборе ценностей, целей, средств и способов их достижения, в понимании последствий действий не только для других людей, но и для себя.

Подлинная свобода имеет границы, она ответственна. Когда человек хочет быть уверен в справедливости своего желания, действия, поступка, он руководствуется ответственностью. Эта категория дает возможность ориентироваться в системе других видов социальной ответственности, то есть выявить общее. Долг личности перед группой или обществом имеет приоритет перед частными интересами личности. При этом роль личности зависит от того, как она сама воспринимает свое положение в коллективе.

По мнению Э. Фромма, истинная цель К. Маркса состояла в освобождении человека от давления экономического принуждения, то есть для того, чтобы он мог развиваться как гармоничная личность [5]. Марксистская этика вобрала в себя все наиболее значимые наработки предшествующих поколений философов в области деонтологии, определяя долг личности перед обществом и ее ответственность перед ним. Признание ответственности за собственные поступки, не игнорирование следствий своих действий на порядок упрощает человеческую жизнь. Понимание принципа работы этого механизма позволяет совершенствовать общественное развитие. Личность выступает субъектом деятельности не изолированно, сама по себе, а как часть социального коллектива (нации, государства, класса). При этом существует возможность развиваться человеку как целостной гармоничной личности в условиях общественного целого.

Список литературы

1. Смирнов С. А. Антропологический поворот: его смысл и уроки // *Философия и культура* / С. А. Смирнов. – 2017. – № 2. – С. 23–35.
2. Логинова А. А. *Философия ответственности* // *Онлайн-журнал «Pandia»*, раздел «Философия» / А. А. Логинова. – URL: <https://pandia.ru/text/80/070/33114.php> //
3. *Философия права: учебник для магистров* / Г. И. Иконникова, В. П. Ляшенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015 – 364 с.

4. Краснослободцева Н. К., Влазнев В. Н., Феномен свободы в контексте проблем современного человека // Журнал «Право и общество», секция «Социально-экономические явления и процессы» / Н. К. Краснослободцева. – ФГБОУ ВО. – Т. 11. – 2014. – С. 72-76.
5. Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. – 430 с.

A. A. Mirgorodskiy

(Candidate of Philosophical Sciences)

Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Donetsk People's Republic named after F.E. Dzerzhinsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

**PERSONAL RESPONSIBILITY
AS A MORAL AND LEGAL CATEGORY:
PROBLEM STATEMENT**

***Annotation.** The article considers the features of the problem of responsibility of the human personality in modern conditions. The analysis of the concepts of responsibility, freedom, alienation is carried out. The interpretation of the human personality as an element and object of the social system is substantiated. This thesis is characteristic of the anthropological concept in Marxism.*

***Key words:** anthropology, personality, Marxism, responsibility, law, freedom, man.*

УДК 340.13

О. Н. Шелухина

(к. юрид. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли

им. М. Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: hromova.o.n.2016@gmail.com

**РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ ПРОГРЕССОМ
В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДНР**

***Аннотация.** В статье рассмотрены роль государства и механизма правового регулирования управления научно-техническим прогрессом в системе высшего образования Донецкой Народной Республики. Дано определение механизма правового регулирования управления научно-техническим прогрессом в системе высшего образования ДНР. Исследована роль центральных органов исполнительной власти в сфере образования в управлении научно-техническим прогрессом.*

***Ключевые слова:** государство, механизм правового регулирования, управление, научно-технический прогресс, образование.*

Научно-техническая революция, предъявляя определенные требования к образованию, сама, в свою очередь, существенно воздействует на него, она детерминирует определенную модификацию законов и процессов образования. Важнейшими чертами этой модификации является применение кибернетических и др. электронных устройств, облегчающих процесс обучения и способствующих рациональным приемам усвоения. В помощь биологическим свойствам памяти приходят умные машины. Существенную роль начинают играть программированный и аудиовизуальный методы преподавания, появляются новые теории обучения [1, с. 25].

Вопросы роли государства и правового регулирования научно-технического прогресса в различных направлениях жизни общества стали предметом изучения ученых практически во всех отраслях науки.

Достаточно подробно вопросы взаимовлияния достижений научно-технического прогресса на совокупный организационно-правовой механизм правосудия рассмотрел эксперт в области пра-

восудия, профессор М.И.Клеандров. Он отметил, что развитие научно-технического прогресса вызывает к жизни появление качественно новых видов конфликтов, споров, нарушений прав и законных интересов граждан и организаций и правонарушений, в том числе преступлений: с использованием цифровых технологий; в сфере трансплантологии органов и тканей человека; связанных с противоправным использованием специальных научно-технических средств для негласного получения информации, и многих иных, что, в свою очередь, требует адекватного – с использованием достижений НТП – развития различных звеньев механизма правосудия, и не только в области техники. Требуется совершенствование судоустройственной составляющей (углубление специализации судов), судопроизводственной составляющей (совершенствование процессуально-процедурных методик, в том числе путём определенного смещения целеполагания судебного процесса), и особенно судейско-статусной составляющей названного механизма [2, с. 19-21].

В контексте развития правовой науки, И. А. Умнова-Конюхова рассматривает тенденции трансформации современного права под влиянием нового этапа научно-технического прогресса. В своем исследовании она аргументирует тезис, что под влиянием научно-технического прогресса происходит не только дальнейшая диверсификация и интеграция традиционных и новых комплексных отраслей права, но и формируется группа функционально-инструментальных отраслей права, которые определяют социально-правовые технологии регулирования, реализации и развития права, являются по своей функциональной значимости служебным, вспомогательным правом (например, коллизионное, медиационное, цифровое право) [3, с. 56].

Известный венгерский экономист Борис Санто разработал теорию, основной идеей которой стал тезис об изменении роли государства в регулировании экономического роста. По его мнению, регулирующее воздействие должно не просто стать проявлением одного из методов влияния на экономику, а выступать одним из факторов роста экономики страны [4, с. 57-103].

Государственное регулирование основывается на определенных принципах, составляющих основу для выбора приоритетов научно-технического развития. К ним относятся такие основные

принципы государственного регулирования научно-технического развития как: свобода научного и научно-технического творчества; верховенство права в охране интеллектуальной собственности; взаимосвязь научной, научно-технической деятельности и образования; конкуренция в сфере науки и техники; концентрация ресурсов на приоритетных направлениях научно-технического развития; использование преимуществ международного научного сотрудничества [5, с. 52].

В Российской Федерации, цель и основные задачи научно-технологического развития, принципы, приоритеты, основные направления и меры реализации государственной политики в этой области устанавливаются принятой в 2016 году Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации [6].

В ноябре 2018 года в Университете имени О.Е. Кутафина состоялась конференция по вопросам правового регулирования международной интеграции и научно-технического прогресса.

По состоянию на 01.03.2022 года в Донецкой Народной Республике функционируют 16 учреждений высшего профессионального образования и 100 учреждений среднего профессионального образования [7]. Реализует государственную политику в сфере образования и науки Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики, которое является республиканским органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативному правовому регулированию в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности. МОН ДНР осуществляет координацию и контроль деятельности учебных и научных заведений, независимо от их подчинения и формы собственности, находящихся в его ведении [8].

Параллельно с МОН ДНР функционирует Республиканская служба по контролю и надзору в сфере образования и науки, как орган исполнительной власти, орган лицензирования и аккредитационный орган, осуществляющий функции по нормативно-правовому регулированию в сфере образования [9].

Непосредственно статья 18 Закона ДНР «Об образовании» обязует использование научно-технического прогресса в системе высшего образования, а именно использование экспериментальной и инновационной деятельности в сфере образования. Согласно положений вышеуказанной статьи экспериментальная и инновацион-

ная деятельность в сфере образования осуществляется в целях обеспечения модернизации и развития системы образования с учетом основных направлений социально-экономического развития и реализации приоритетных направлений государственной политики Донецкой Народной Республики в сфере образования.

Экспериментальная деятельность направлена на разработку, апробацию и внедрение новых образовательных технологий, образовательных ресурсов и осуществляется в форме экспериментов, порядок и условия проведения которых определяются республиканским органом исполнительной власти, обеспечивающим формирование и реализацию государственной политики в сфере образования и науки Донецкой Народной Республики.

Инновационная деятельность ориентирована на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования и осуществляется в форме реализации инновационных проектов и программ организациями, осуществляющими образовательную деятельность и иными действующими в сфере образования организациями, а также их объединениями. При реализации инновационного проекта, программы должны быть обеспечены соблюдение прав и законных интересов участников образовательных отношений, предоставление и получение образования, уровень и качество которого не могут быть ниже требований, установленных государственным образовательным стандартом, государственными требованиями, образовательным стандартом.

Министерство науки и образования Донецкой Народной Республики и Республиканская служба по контролю и надзору в сфере образования и науки являются центральными органами исполнительной власти ДНР обеспечивающими исполнение государственной политики в сфере образования в русле научно-технического прогресса.

Под механизмом правового регулирования управления научно-техническим прогрессом в системе высшего образования Донецкой Народной Республики, мы понимаем систему юридических средств, организованных наиболее последовательным образом в целях упорядочения общественных отношений в сфере образова-

ния, развитие этих отношений с использованием новейших средств и методик обучения на основе IT-технологий.

Механизм правового регулирования управления научно-техническим прогрессом в системе высшего образования ДНР предполагает использование различных способов непосредственного влияния правовых предписаний на новации в образовательных отношениях. Элементами механизма правового регулирования являются отправные, реально функционирующие фрагменты правовой системы, отражающие основные этапы воздействия права на общественные отношения, а именно:

- норма права (в ней устанавливается модель удовлетворения интересов);

- юридический факт или фактический состав с таким решающим фактом, как организационно-исполнительный правоприменительный акт;

- правоотношение (нормативные требования здесь конкретизируются для соответствующих субъектов);

- акты реализации прав и обязанностей (действия субъектов в форме соблюдения, исполнения и использования);

- охранительный правоприменительный акт (употребляется в случае правонарушения).

Целями правового регулирования управления научно-техническим прогрессом в системе высшего образования Донецкой Народной Республики являются установление государственных гарантий, механизмов реализации прав и свобод человека в сфере образования, создание условий развития системы образования, защита прав и интересов участников отношений в сфере образования с использованием новейших средств и методик обучения на основе IT-технологий.

Правовому регулированию отношений в сфере управления научно-техническим прогрессом в системе высшего образования подлежат, прежде всего, основной образовательный продукт - государственные образовательные стандарты, которые обеспечивают:

- единство образовательного пространства в республике;

- взаимосвязь и преемственность основных образовательных программ;

- вариативность и гибкость образовательных программ, возможность формирования образовательных программ с учетом раз-

вития достижений науки и техники, общественного востребования и контингента обучающихся;

- государственные гарантии уровня и качества образования на основе единства обязательных требований к условиям реализации основных образовательных программ и результатам их освоения.

Государственные образовательные стандарты включают в себя требования к:

- структуре основных образовательных программ и их объему;

- условиям реализации основных образовательных программ, в том числе кадровым, финансовым, материально-техническим и иным условиям;

- результатам освоения основных образовательных программ [10].

Именно вопросы обеспечения государственных образовательных стандартов регулирует основная масса нормативно-правовых актов ДНР.

Выводы:

- основные функции государства в управлении научно-техническим прогрессом в системе высшего образования Донецкой Народной Республики выполняют Министерство науки и образования Донецкой Народной Республики и Республиканская служба по контролю и надзору в сфере образования и науки, которые являются центральными органами исполнительной власти ДНР обеспечивающими исполнение государственной политики в сфере образования с использованием экспериментальной и инновационной деятельности;

- под механизм правового регулирования управления научно-техническим прогрессом в системе высшего образования Донецкой Народной Республики, мы понимаем систему юридических средств, организованных наиболее последовательным образом в целях упорядочения общественных отношений в сфере образования, развитие этих отношений с использованием новейших средств и методик обучения на основе IT-технологий.

Список литературы

1. Копысов Л.С. Развитие образования в условиях научно-технической / Л.С. Копысов // Известия Томского политехнического университета. – 1972. – Том 256. – С.19-29;
2. Клеандров М.И. Научно-технический прогресс и проблемы правосудия / М.И. Клеандров // Государство и право. – 2018. – № 3. – С. 14-27;
3. Умнова-Конюхова И.А. Тенденции трансформации современного права под влиянием нового этапа научно-технического прогресса / И.А. Умнова-Конюхова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – №14(4). – С.40-57;
4. Санто Б. Инновация как средство экономического развития / Пер. с венг. – М.: Прогресс, 1990. – 296 с.;
5. Лазутін Г.І. Форми, методи та інструменти реалізації інноваційної політики / Г.І. Лазутін // Актуальні проблеми економіки. – 2003. – № 6. – С. 50-58;
6. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102416645>;
7. Официальный сайт Министерства науки и образования Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mondnr.ru/oo-spo>
8. Положение о Министерстве образования и науки Донецкой Народной Республики Постановлению Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.07.2015 г. № 13-43. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/npa/0003-13-43-20150722/>
9. Об утверждении Положения о Республиканской службе по контролю и надзору в сфере образования и науки в новой редакции. Постановлением Правительства Донецкой Народной Республики от 25 июня 2021 г. № 43-11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/npa/0030-43-11-20210625/>
10. Об образовании. Закон Донецкой Народной Республики от 13.07.2015 № 55-ІНС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nra.dnronline.su/2015-07-13/55-ins-ob-obrazovanii-dejstvuyushhaya-redaktsiya-po-sostoyaniyu-na-17-08-2021-g.html>

O. N. Shelukhina

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National University of Economics and Trade

named after Mikhail Tugan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: hromova.o.n.2016@gmail.com

THE ROLE OF THE STATE AND THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF THE MANAGEMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION IN THE DPR

***Annotation.** The article considers the role of the state and the mechanism of legal regulation of the management of scientific and technological progress in the higher education system of the Donetsk People's Republic. The definition of the mechanism of legal regulation of the management of scientific and technological progress in the higher education system of the DPR is given. The role of the central executive authorities in the field of education in the management of scientific and technological progress has been studied.*

***Key words:** state, mechanism of legal regulation, management, scientific and technological progress, education.*

УДК 349.2

В. А. Кондратьев

(к.ю.наук, доцент кафедры)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: kondratyev-valera2015@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

***Аннотация.** В статье рассматривается процесс становления трудового законодательства Донецкой Народной Республики (ДНР) с момента провозглашения государственной самостоятельности ДНР и принятия Конституции по настоящее время. Исследуя историческое развитие Донецкого региона и нормативной базы, размещенной в открытом доступе нормотворческих государственных органов ДНР, с применением исторического метода как для рассмотрения процесса формирования законодательства ДНР в хронологической последовательности, так и для рассмотрения законодательства, как целостной системы нормативных правовых актов.*

***Ключевые слова:** Донецкая Народная Республика, законодательство, закон, кодекс, нормативный правовой акт, исторический аспект, исторический метод.*

***Постановка проблемы.** Избрав путь суверенной, независимой страны, исповедующего гуманистические ценности, Донецкая Народная Республика (далее – ДНР) поставила перед собой ряд важных задач одной из которых является разработка и принятие собственного законодательства.*

Одной из основных сфер общественных отношений, которая требует правового урегулирования – это сфера трудовых отношений, так как развитие молодого государства и его всестороннего укрепления, в том числе и экономического, опираются на производительные силы, то есть на труд населения страны. Существующая практика регулирования трудовых отношений и действующая в Донецкой Народной Республике нормативная правовая база свидетельствуют о недостаточной согласованности действий государ-

ственных органов при проектировании путей развития трудового законодательства Республики. Поэтому процесс формирования и развития трудового законодательства должен опираться на весь исторический опыт разработки трудового законодательства на территории ДНР.

Состояние исследования. Анализ последних исследований и публикаций свидетельствует, что эволюции трудового права и формированию трудового законодательства посвящены работы отечественных и зарубежных ученых Гайдидей Ю.М., Лазора В.В, Мамутова В.К., Чердакова О.И., Субботин Г.В., Тихомиров Ю.А., Черданцев А.Ф., Разуваев Н.В., Блауберга И.В., Пикурова Н.И., Корчевского Д.С., Черненко А.К., и др. Однако ученые юристы, как правило, рассматривают становление и развитие правового регулирования сферы трудовых отношений, не разграничивая трудовое право и трудовое законодательство, которые не смотря на их неразрывную взаимосвязь не являются синонимами и имеют собственные особенности и специфику.

Целью исследования в данной работе является обоснование необходимости разработки трудового законодательства ДНР и определение его основных задач и направлений развития в историко-правовом аспекте.

Основное содержание. Формирование первичных основ трудового права обусловлено активным использованием наемного труда, что было характерно для капиталистического способа производства. Французская революция 1848 г., которая провозгласила свободу труда, то есть свободу спроса и предложения рабочей силы, считается родоначальницей трудового права [1, с. 11]. Исторически трудовое право возникло и развивалось как право охраны труда, которое представляет собой результат борьбы рабочего класса за свои социальные и экономические права [2, с. 10].

За более чем столетнюю историю трудового права в охране труда видели и видят его главную функцию – социальную. Обычаи, которые стали источником формирования трудового права, определялись кругом общественных отношений, которыми регулировались отношения между господином и батраком, обществом и лицом, членами цехового братства [3, с. 27].

Что касается возникновения и развития трудового права непосредственно на Донбассе в составе России, а затем и в составе

УССР, то стоит отметить, что источник формирования трудового права определился кругом общественных отношений. В частности отношениями между господином и батраком, общиной и лицом, которое выполняло по ее заказу определенные работы, членами цехового братства. При этом в урегулировании таких отношений, в частности по заключению трудовых соглашений, весомое значение имели обычаи (обычное право). Также стоит подчеркнуть, что важным достоянием тогдашнего аграрного общества, в котором основным средством регулирования общественных отношений в сфере труда выступали нормы религии, стали трудовые обряды, которые были направлены на урегулирование вопросов рабочего времени и времени отдыха работников.

Производственные календарные циклы складывались из последовательных дат работы в поле и дома и сопровождалась религиозными праздниками и обрядами, обычаями, поверьями и приметами. Календарные обычаи и обряды украинцев формально согласовывались с годовым литургическим циклом православной церкви, главными вехами которого были так называемые двенадцатые праздники и посты.

Социально-правовой задачей календарной обрядности было обеспечение благосостояния семьи и общины; ее правовой механизм действовал по принципу соответствия между трудом и социальным статусом лица: насколько хорошо человек будет работать в течение года – настолько будет успешным, состоятельным хозяином, настолько и будет уважать его общество. Поскольку благосостояние сообщества состоял из благосостояния каждого ее члена, то календарные обряды имели прозрачное дидактическое значение: воспитывали трудолюбивых и ответственных членов коллектива, обязанных поддерживать и помогать друг другу [4, с. 255].

Связь различных этапов выполнения работ с теми или иными праздниками была очень важным организующим фактором, который объединял крестьян и ориентировал их на достижение общей цели – выработку необходимого количества продукции для нормального существования рода. Таким образом, специфической чертой обычного права является его тесная связь с региональной культурой населения, его традициями и верованиями.

Следовательно, можем констатировать, что отечественное трудовое право в дореволюционный период состояло частично из обычных норм, опирались на религиозные праздники и обряды, а

также из гражданского института римского права *locatio conductus operarum*, согласно которому одно лицо приобретает за вознаграждение право временного пользования услугами другого лица [5, с. 58]. То есть происходили процессы объективного общественного развития, которые легли в основу образования трудовой отрасли прав, однако о появлении трудового законодательства в то время еще нельзя говорить. Принципиальные вопросы трудовых отношений между наемным работником и тем, кто нанимает, регулировались институтами гражданского права и обычаями.

Однако с изменением социально-правовой и экономической обстановки передовые представители науки гражданского права обратили внимание на возникновение специфических отношений в сфере применения труда. Действующее в тот период регулирование отношений в трудовом процессе преимущественно методами гражданского права позволило работодателям эксплуатировать работников в такой степени, которая мало чем отличалась от феодальных условий труда холопа. Поэтому уже в конце XIX – начале XX в. отечественное законодательство о личном найме было разделено на общее и специальное. Первое полностью соответствовало требованиям римской классификации и принципам гражданского права, а второе, которое преимущественно регламентировало труд рабочих на крупных производствах, начало базироваться на новых принципах [5, с. 58].

Стоит отметить, что впервые на то, что трудовые отношения отличаются от гражданско-правовых и требуют отдельной регламентации другими, отличными от гражданско-правовых, способами, обратили внимание именно ученые-цивилисты [5, с. 58].

Таким образом, постепенно начала формироваться система законодательной охраны интересов экономически слабой стороны – работника, которая заключалась, прежде всего, в существенном ограничении принципа свободы договора [6, с. 31-32]. Основными моментами такого ограничения заключались в следующем: во-первых, законодатель начал вмешиваться в содержание заключаемых договоров, то есть закон непосредственно устанавливал те или иные права и обязанности сторон во время найма работника, законодательно охранялась личность работника, его жизнь и здоровье, определялись условия, которые не могли быть включены в трудовой договор; во-вторых, законодатель гарантировал получение ра-

ботником трудового дохода – вознаграждения за свой труд, который рассматривался как источник его материального существования [7]. Также к указанным законодательным ограничениям можно отнести и то, что были определены сроки выплаты заработной платы работникам и установлены пределы удержания из нее.

Все вышеизложенные обстоятельства способствовали тому, что среди цивилистов закрепились мысли о возникновении нового вида отношений и нового вида договора, который их регулирует, – трудового правоотношения и трудового договора. Регулирование служебно-трудовых отношений уже не могло быть видом гражданско-правового «найма на оказание услуг» [8, с. 3], поэтому возникла срочная необходимость пересмотреть ряд гражданско-правовых определений и принципов [9, с. 71].

В течение 1882-1886 гг. было принято несколько нормативно-правовых актов, которые именовались «фабричными законами». Они были направлены на урегулирование острейших аспектов вопросов взаимоотношений рабочих и работодателей. Причиной, побудившей законодателя к принятию «фабричных законов», стали массовые беспорядки рабочих в 1875-1882 гг. В частности, они произошли в Юзовке (Донецкий бассейн, ныне Донецк), Орехово-Зуеве, Петербурге, Нарве [10, С. 38].

Первым из «фабричных законов» был принят закон, закрепляющий Правила работы малолетних на заводах, фабриках и мануфактурах (1882 г.), в котором устанавливалось, что до фабричных работ дети допускаются не ранее 12 лет (ст. 108). Малолетние дети (12-15 лет) не должны работать более 8 часов в сутки и 4 часа подряд (позже начала допускаться работа до 9 часов в сутки и 4 1/2 часа подряд).

Следующий «фабричный закон» от 3 июня 1885 г. посвящался ночной работе подростков до 17 лет и женщин. Его появление вызвало недовольство не только среди хозяев фабрик, но и многих рабочих, поскольку распространилось мнение, что запрет ночного труда женщин и подростков повлечет прекращение ночных работ и освобождения ночной смены рабочих [11, с. 125].

После Великой Октябрьской революции в 1918 г. Положением Совета Народных Комиссаров УССР «О порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условия труда» был урегулирован вопрос содержания коллективного договора; порядке приема и увольнения работ-

ников; нормирование рабочего времени и оплаты труда работников с обязательным учетом их квалификации, сложности работы и других условий труда. Непосредственное участие в заключении коллективных договоров, в разработке положений об оплате труда, тарифы и ставки заработной платы принимали профсоюзы [1, с. 13].

Собственный Кодекс законов о труде УССР был принят 15 ноября 1922 г., и он полностью отражал положения российского Кодекса законов о труде 1918 г. В период новой экономической политики принимается ряд законодательных актов относительно регулирования организации труда, его оплаты и охраны [4, с. 255].

Принятый Кодекс законов о труде был достаточно прогрессивным и эффективным регуляторным актом для своего времени. После 1924 г. в результате усиления централизации власти началось наступление правящего центра на права граждан, в том числе и трудовые. В частности, данная централизация ознаменовалась более жесткой дисциплиной, что было отражено в принятии постановлений Совет Народных Комиссаров СССР «О мерах по укреплению трудовой дисциплины в государственных предприятиях» от 6 марта 1929 г. и «О мерах по улучшению производственного режима и укреплению трудовой дисциплины на предприятиях» от 5 июля 1929 г. Эти нормативно-правовые акты были направлены на противодействие нарушениям на производстве. В 1929 г. была введена сокращенная календарно-рабочая неделя: на непрерывно действующих предприятиях и учреждениях – пятидневная, на всех остальных – шестидневная.

В годы Великой Отечественной войны трудовое право отошло от своих добровольно-демократических основ и объединило в себе элементы уголовного и административного права, то есть трудовой договор был заменен административным актом [4, с. 255].

Победа в Великой Отечественной войне позволила отказаться от тех жестких административных методов управления трудовой сферой, которые были характерны для военного времени. Определителями для дальнейшего развития трудового законодательства стали 1970-1971 гг. В июле 1970 г. был принят сводный нормативно-правовой акт, который содержал Основы законодательства СССР и союзных республик о труде. А уже 10 декабря 1971 г. с учетом положений указанного документа был принят Кодекс зако-

нов о труде УССР, нормами которого по сравнению с предыдущими годами несколько расширялись и укреплялись права трудящихся и служащих. Кроме того, в Кодексе законов о труде УССР были сохранены положения, проверенные многолетней практикой (в частности, об участии рабочих и служащих в управлении производством, о материальном стимулировании, рабочем времени). Данный Кодекс законов о труде, где были закреплены основные юридические гарантии прав рабочих и служащих, действовал в Украине и сейчас, на основании Постановления Совета Министров ДНР № 9-1 от 02.06.2014г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» действует и в Донецкой Народной Республике [1, с. 27].

С момента создания Донецкой Народной Республики и до настоящего времени продолжается формирование и совершенствование трудового законодательства республики. В частности, начиная с 2015 года в ходе формирования трудового законодательства Народным Советом ДНР приняты Закон «Об оплате труда» от 06.03.2015 г., Закон «Об отпусках» от 06.03.2015 г., Закон «Об охране труда» от 03.04.2015 г., Закон «О занятости населения» от 29.05.2015 г., Закон «О профессиональных союзах» от 29.06.2015 г., Закон «О государственно-частном и муниципально-частном партнерстве» от 11.08.2017 г.

18.01.21 г. в Народный Совет ДНР представили проект Трудового Кодекса, который состоит из 14 разделов и 68 глав. Новый Трудовой кодекс придёт на смену КЗоТ Украины, который регулирует трудовые отношения более 30 лет. Кодекс законов о труде и проект Трудового кодекса ДНР совпадают на более чем 60%. «Однако есть и отличия. Так, в Трудовом кодексе закрепляются нормы, касающиеся социального партнёрства в сфере труда, срочного трудового договора, ненормированного рабочего дня, ответственности работодателя за нарушение сроков выплаты зарплаты и самозащиты трудовых прав. Безусловно, это улучшит будущее трудовое законодательство ДНР»[12], – говорится в сообщении.

Выводы. Таким образом, трудовое право как система идей, принципиальных взглядов на трудовые отношения, взаимоотношения работников и работодателей сложилось раньше, чем появилось трудовое законодательство как таковое и изначально основывалось на обычаях и традициях.

Усложнение производственных отношений вынудило правящую верхушку прибегнуть к более детальной и содержательной регламентации трудовых отношений путем издания определенных нормативно-правовых актов, регулирующих отношения между работником и работодателем.

В дальнейшем развитие трудового права и трудового законодательства шли параллельно, так как оно включает в себя Законы ДНР и подзаконные нормативно-правовые акты, принятые уполномоченными органами Республики, регулирующие отношения между субъектами трудового права, а принятие Трудового кодекса ДНР обеспечит наиболее эффективное регулирование трудовых отношений в Донецкой Народной Республике.

Список литературы

1. Дмитренко Ю. Трудовое право Украины: [учебник] / Ю. Дмитренко. – К.: Юринком Интер, 2009. – 624 с.
2. Венедиктов В. Трудовое право Украины: [учебное пособие] / В. Венедиктов. – Х. : Консум, 2006. – 304 с.
3. Трудовое право Украины: академический курс: [учебник] / под ред. П. Пилипенко. – К.: Издательский дом «Ин Юре», 2004. – 536 с.
4. Гавриленко Ю. Становление российского трудового права: исторический аспект / Ю. Гавриленко // Научные труды МАУП. – 2010. – вып. 2 (25). – С. 254-258.
5. Вишневецкая С. Исторические аспекты формирования и развития отрасли трудового права / С. Вишневецкая // Юридический вестник. – 2009. – № 1 (10). – С. 57-61.
6. Коршунова Т. Трудовой договор в современных условиях (К вопросу о наймет труда) / Т. Коршунова, А. Нуртдинова // Государство и право. – 1994. – № 2. – С. 30- 41.
7. Таль Л. Новый опыт законодательной нормировки рабочего договора / Л. Таль // Право. – 1908. – № 34. – С. 30-35.
8. Завадский А. В девятой главе пятой книги проекта гражданского уложения (договор личного найма): доклад Юридическому обществу при Императорском Казанском Университете 23 марта 1900 г./ А. Завадский. – Казань, 1909. – 163 с.
9. Войтинский И. Новейшие течения в гражданском законодательстве о наймет труда / И. Войтинский // Вопросы обществоведения. – СПб. : Тип. об-ва «Слово», 1908. – Т. 1. – С. 26-31.
10. Трудовое право: [учебник] / под ред. А. Смирнова, И. Снигиревой. – М.: ТК Велби; Проспект, 2007. – 600 с.

11. Саенко Ю. Становление и дальнейшее развитие правового регулирования рабочего времени в Украине / Ю. Саенко // Актуальные проблемы политики. – О.: Национальный университет «Одесская юридическая академия», 2012. – Специальный выпуск. – С. 78-83.
12. DNR LIVE: Электронной ресурс. – [Режим доступа]: <https://dnr-live.ru/14-razdelov-i-68-glav-v-dnr-predstavili-proekt-trudovogo-kodeksa/>

V. A. Kondratiev

(Candidate of jurisprudence, associate professor)
Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)
E-mail: kondratyev-valera2015@yandex.ru

FORMATION AND DEVELOPMENT OF LABOR LEGISLATION ON THE TERRITORY OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

***Annotation.** The article examines the process of formation of the labor legislation of the Donetsk People's Republic (DPR) since the proclamation of the state independence of the DPR and the adoption of the Constitution to the present. Exploring the historical development of the Donetsk region and the regulatory framework placed in the open access of the normative state bodies of the DPR, using the historical method both to consider the process of forming the legislation of the DPR in chronological order, and to consider legislation as an integral system of regulatory legal acts.*

***Keywords:** Donetsk People's Republic, legislation, law, code, normative legal act, historical aspect, historical method.*

УДК 342.727+346.544.2

И. В. Ширкова

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: i-shirkova@yandex.ru

РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УПРАВЛЕНИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ ПРОГРЕССОМ

***Аннотация.** В статье рассмотрено нормативное регулирование интеллектуальных прав человека. Определено взаимодействие реализации интеллектуальных прав человека и развития научно-технического прогресса.*

Обоснована необходимость содействия государства в развитии научно-технической и инновационной деятельности, и охраны интеллектуальной собственности.

***Ключевые слова:** интеллектуальные права, право интеллектуальной собственности, свобода творчества, научно-технический прогресс.*

Функции государства как основные направления его деятельности определяются в основном законе – Конституции, исходя из уровня социального развития и дальнейших перспектив. Донецкая Народная Республика в соответствии с Конституцией – демократическое правовое социальное государство (ст. 1 Конституции ДНР) /.../, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, /.../ признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц (ст. 3 Конституции ДНР) [1]. Следовательно, закрепление, предоставление и защита основных прав и свобод, в частности, права и свободы личных достижений человека, свободы творчества, права массового пользователя, например, доступ к достижениями научного прогресса и культурным достояниям, позволит обеспечить одну из основных социальных функций государства – формирование и воспитание человека как уникальной личности, реализующего свои возможности на благо человека, социальной группы, для развития общества с богатым культурным, историческим и правовым наследием.

Реализация прав человека, в частности интеллектуальных прав, позволяет раскрывать его творческие возможности, мотивируя к новым достижениям, к научно-техническому прогрессу, который является важнейшим фактором развития человеческого общества, именно поэтому в современных реалиях особый интерес представляет механизм обеспечения интеллектуальных прав для раскрытия широких возможностей улучшения условий жизни людей и народов.

Интеллектуальные права закреплены в международных договорах, одним из них является Всеобщая декларация прав человека, закрепляющая, что «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами /.../ имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является» (ст. 27) [2].

Подчеркивает актуальность проблемы интеллектуальных прав, озабоченность Генеральной Ассамблеи ООН, в рамках которой в 2015 году проведено тематическое исследование влияния режимов регулирования в области интеллектуальной собственности на осуществление права на науку и культуру, в частности на право людей получать доступ к культурному наследию и пользоваться им; на доступ для всех без какой-либо дискриминации к результатам научного прогресса и его применения, включая научные знания, технологии, возможность внести вклад в научную деятельность; на свободу, необходимую для научных исследований, в том числе доступ к научной информации и достижениям, а также совместной работе; на свободу художественного самовыражения и право людей на доступ и вклад в искусство и наслаждение им; на право каждого человека на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является; на права коренных народов и местных сообществ [3].

Как уже было упомянуто выше, научно-технический прогресс является одним из главенствующих источников и стимулов развития гражданского общества при условии, если человек будет использовать на благо человечества с недопущением негативных последствий научно-технических достижений.

С этой целью, а именно, поддержания развития научно-технического прогресса и нейтрализации негативных последствий научно-технических достижений, Генеральной Ассамблеей в 1975 года была принята Декларация об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества [4], которая провозглашает, что все государства в условиях научно-технического прогресса принимают на себя обязательства:

- в содействии международному сотрудничеству в интересах укрепления международного мира и безопасности;

- в предотвращении использования достижений науки и техники для ограничения или вмешательства в осуществление прав человека и основных свобод;

- в принятии мер, направленных на использования достижения науки и техники в целях удовлетворения материальных и духовных потребностей всех слоев населения;

- в недопустимости действий, влекущих нарушение суверенитета и территориальной неприкосновенности других государств, вмешательства в их внутренние дела, ведения агрессивных войн, подавления национально-освободительных движений, проведения политики расовой дискриминации;

- в принятии мер, направленных на возможность всех слоев населения пользоваться благами науки и техники, и на защиту этих слоев как в социальном, так и в материальном плане, от отрицательных последствий, которые могут быть результатом неправильного применения достижений научно-технического прогресса, в том числе их неправильного применения с целью посягательства на права отдельного лица или группы лиц, особенно в отношении уважения частной жизни и защиты человеческой личности и ее физической и интеллектуальной неприкосновенности

- в принятии мер, включая законодательные, в целях обеспечения того, чтобы использование достижений науки и техники способствовало наиболее полному осуществлению прав человека и основных свобод без какой бы то ни было дискриминации по признаку расы, пола, языка или религиозных убеждений;

- в принятии мер для обеспечения соблюдения законодательства, гарантирующего права и свободы человека [4].

Таким образом на международном уровне отражена политика взаимодействие интеллектуальных прав, реализующих творческий

потенциал, и научно-технический прогресс, используемый на благо человечества и каждого человека.

Закрепление интеллектуальных прав отражено и в национальном законодательстве. В статье 37 Конституции ДНР находим подтверждение, «каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом» [1].

В целях содействия развитию научно-технической, инновационной деятельности, создания механизмов поддержки инновационной деятельности, для формирования и развития системы научно-технической информации и охраны прав на объекты интеллектуальной собственности Донецкой Народной Республики создан Государственный Комитет по науке и технологиям Донецкой Народной Республики (ГКНТ ДНР) в состав которого вошли и ученые-юристы [5].

В формировании и развитии инновационных систем огромную роль играет государство, «создавая законодательную и информационную базу; обеспечивает необходимыми ресурсами, в том числе финансированием, /.../; разрабатывает прогнозы развития науки и технологий на долгосрочную перспективу; осуществляет отбор приоритетных направлений развития науки и технологий, /.../ создает благоприятный инновационный климат в экономике. Таким образом, государство выполняет важнейшие функции формирования и функционирования инновационной системы – интеграционную, ресурсного обеспечения, создания условий функционирования инновационной сферы [6].

В нынешних условиях на государстве лежит ответственность за социальное развитие как внутри него, так и в мировом сообществе, поэтому гармонизированная законодательная база, обеспечивающая охрану творчества и защиту право интеллектуальной собственности правообладателя, с одной стороны, и развитие научно-технического прогресса, направленного на повышение материального и духовного уровня человека, социальной группы и общества, с другой стороны, позволит избежать социальных проблем и негативных тенденций мирового развития, и будет способствовать установлению гармоничного равновесия между научным, техническим и материальным прогрессом и интеллектуальным, духовным, культурным и нравственным развитием человечества.

Список литературы

1. Донецкая Народная Республика. Законы. Конституция ДНР [Электронный ресурс] : закон от 14.05.2014 г. // Народный Совет Донецкой Народной Республики : офиц. сайт. Электрон. текстовые дан. – Донецк, 2014. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>. – Загл. с экрана.
2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Декларации: : офиц. сайт. Электрон. текстовые дан. / – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Загл. с экрана.
3. Объединенные нации права человека. Управление Верховного комиссара. Влияние регулирования в области интеллектуальной собственности на осуществление права на науку и культуру [Электронный ресурс]: // Доклады: офиц. сайт. Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/Issues/CulturalRights/Pages/ImpactofIntellectualProperty.aspx>. – Загл. с экрана. –
4. Декларации. Декларация об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества [Электронный ресурс]: Принята резолюцией 3384 (XXX) Генеральной Ассамблеи от 10 ноября 1975 года: офиц. сайт. Электрон. текстовые дан. // – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/science.shtml. – Загл. с экрана.
5. Положение о Государственном Комитете по науке и технологиям Донецкой Народной Республики (новая редакция) [Электронный ресурс] : утверждено Пост. Правительства Донец. Нар. Респ. (17 апреля 2020 г. № 20-5). – Электрон. текстовые дан. – Донецк, 2015. – Режим доступа: <http://gkntdnr.ru/media/static/file/postanovlenie-20-5.pdf>. – Загл. с экрана.
6. Тараш, Л.И. Голоднюк, Р.А. Формирование и развитие инновационной системы в Донецкой Народной Республике [Электронный ресурс] // Журнал «Вестник Института экономических исследований». Экономика и бизнес. Право. : офиц. сайт. Электрон. текстовые дан. Донецк. 2020 г. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-institut-ekonomicheskikh-issledovaniy?i=1097388> – Загл. с экрана.

I. V. Shirkova

(Candidate of philosophical sciences, Associate Professor)
Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan- Baranovsky
(Donetsk city, Donetsk People's Republic)
E-mail: i-shirkova@yandex.ru

**ROLE of INTELLECTUAL HUMAN RIGHTS In MAN-
AGEMENT
by SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS**

***Annotation.** The normative adjusting of intellectual human rights is considered in the article. Cooperation of realization of intellectual human rights and development of scientific and technical progress is certain. The necessity of assistance of the state is reasonable for development of scientific and technical and innovative activity, and guards of intellectual property.*

***Keywords:** intellectual rights, right of intellectual ownership, freedom of work, scientific and technical progress*

УДК 343.146

О. В. Пептиев

(к. юрид. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: ole.peft@mail.ru

НАРУШЕНИЯ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ

***Аннотация.** В данной работе обращено внимание интеллектуальной общественности на проблемы защиты авторских прав правообладателей в интернет среде. Рассмотрены особенности закрепления и фиксации авторских прав создателей объектов интеллектуальной собственности в интернет пространстве. Основываясь на законодательстве, предложены механизмы защиты прав авторов.*

***Ключевые слова.** Интеллектуальная собственность, авторские права, правовая защита и охрана авторских прав, интернет среда.*

С появлением и развитием сети Интернет законы об интеллектуальной собственности становятся все труднее применять. Интеллектуальная собственность позволяет абсолютно законно каждому человеку владеть своими идеями, мыслями и творчеством, как если бы вы владели частью какого-либо материального достояния. Любая заслуга либо проделанная работа должна иметь коммерческую ценность и быть предметом торговли, иначе не было бы смысла защищать её. На сегодняшний день, существует множество рекламы о незаконном распространении в Интернете музыки, фильмов, произведений искусства, фотографий, сценариев, программного обеспечения и другого всевозможного и разнообразного контента, защищенных интеллектуальной собственностью. Эти несанкционированные загрузки часто нарушают национальные законы об авторском праве. Из-за легкости загрузки цифровых файлов несанкционированное копирование контента стало основной проблемой, приводящей к потере доходов в размере миллионов долларов для владельцев этих прав. Если оставить 21 век и заглянуть в историю, то вот, что писал известный российский цивилист И. А. Покровский: «Не только в правовых системах примитивных народов, но

даже еще в праве римском духовная деятельность подобного рода не давала никаких субъективных прав на ее продукты их авторам и не пользовалась никакой правовой защитой. Всякий мог опубликовать или воспроизвести без согласия автора его произведение, осуществить его техническое изобретение. Насколько мало ценилась в римском праве духовная деятельность сама по себе, видно уже из того, что в классическую эпоху, например, поэма, написанная на чужом писчем материале, или картина, нарисованная на чужой доске, принадлежали не поэту или художнику, а собственнику писчего материала или доски [1, с. 1-30]. Правда, для Юстиниана такая норма показалась уже конфузной и была отменена, но, тем не менее, о каких бы, то, ни было авторских правах в Юстиниановом Своде нет речи [2].

Целью данной работы является формирование знаний, умений и навыков в области интеллектуальной собственности с целью грамотной защиты авторских прав.

Большинство людей не задумываются о том, что абсолютно у каждого продукта – есть свой автор. Учитывая данный факт, не малое количество пользователей игнорируют устав авторских прав, не задумываясь о последствиях такого решения. Согласно статье 1259 Гражданского кодекса РФ, к объектам авторских прав относятся произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения. Закон защищает литературные, музыкальные, сценарные, хореографические, аудиовизуальные произведения, произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, в том числе в виде проектов, чертежей, изображений и макетов, а также фотографии, географические и другие карты, планы, программы для ЭВМ [3, с.176-179]. Интернет-сайт тоже можно рассматривать, как объект авторского права, ведь кем-то он создан, значит, имеет автора.

На сегодняшний день, Интернет очень выгодный и необходимый ресурс, без него очень сложно представить нашу жизнь, в нём находится множество информационных источников, которые позволяют человечеству идти в ногу наряду с 21 веком. Но есть и свои недостатки, которые усложняют жизнь современному обществу. Довольно проблематично проследить, чтобы человеческий труд не был украден в Интернете, и выдан под чужим именем, трактуясь, как свой собственный продукт интеллектуальной соб-

ственности. Так, как ежедневно необъятное количество людей заходит, смотрит и что-то выделяет для себя, а кто-то действует в угоду себе, пренебрегая законом и приписывая чужое, как своё.

В сфере электронной коммерции важно защищать свои права на интеллектуальную собственность в Интернете, чтобы не было проблем с плагиатом. Это можно сделать несколькими способами.

Первый способ: в первую очередь, необходимо зафиксировать факт авторства собственного произведения. В наши дни это не составит никакого труда. Требуется направить экземпляр своего продукта компании, которая признает факт вашего авторства.

Второй способ: всегда четко идентифицируйте свой контент, либо с уведомлением об авторских правах, либо с другим указанием на право собственности. Вы можете так же разъяснить пользователям, что они могут и не могут делать с вашим продуктом.

Но что делать, если всё-таки авторское право нарушено в сети Интернет? В начале лучше всего решить проблему мирным путём, для этого следует обратиться к владельцу сайта, нарушающего ваше авторское право, с целью прекратить действия, которые противоречат закону, сообщив о нарушении ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст.15.7) [4]. В течение суток с момента получения подобного заявления владелец ресурса обязан удалить всю информацию, которая нарушает авторское право субъекта. Если же указанные действия никак не повлияют на результат, то можно смело обращаться в суд за восстановлением своих авторских прав.

Ещё, помимо этого, необходимо придерживаться определённых рамок, связанных с интеллектуальной собственностью, для продуктивной работы.

Что делать крайне нежелательно! Никогда не распространяйте и не разрешайте вашим сотрудникам рассылать и использовать загрузку стороннего контента на ваш сайт, который не принадлежит ни вам, ни вашей компании.

Вышесказанному служит конкретный пример. Было выдвинуто дело в США. Файлообменная пиринговая сеть - Napster привлекла внимание международной общественности, данная сеть совершила несанкционированную загрузку музыкальных файлов, что повлекло за собой наказание. Суд вынес постоянный судебный запрет, запрещающий Napster использовать свою постоянную систе-

му обмена файлами, на котором держался весь их сервис. Причина: сеть Napster способствовала незаконному копированию чужой интеллектуальной собственностью. Гражданско-правовая ответственность призвана восстановить потери автора в результате нарушения (как имущественные, так и неимущественные). Она наступает только по требованию автора или правообладателя и применяется для защиты его частных интересов. Российское гражданское законодательство предусматривает за данный вид нарушения авторских прав компенсацию от 10 тыс. до 5 млн. рублей (ст. 1301) [5].

Для компаний, занимающихся Интернет-продажами, также важно следить за тем, чтобы сотрудники, работающие в вашей фирме не копировали различные продукты без ведома автора. Все сотрудники должны знать о политике компании против неправомерного использования ИС, а старшее руководство должно нести ответственность в произошедших случаях.

Некоторые компании все чаще используют технические средства для защиты контента в Интернет путем создания водяных знаков, шифрования или иного создания систем идентификации и отслеживания. За границей существуют специальные электронные системы управления авторскими правами, которые предлагают бизнес-консорциумами и отдельными компаниями различные идеи, благодаря которым можно найти свой подход использования технических средств для контроля и отслеживания контента [6, с. 321-325].

В заключение обращаем внимание на необходимость, в целях защиты прав авторов, создание на федеральном уровне специальных электронных систем управления авторскими правами, которые предлагают свои разработки и идеи, тем самым помогая авторам сохранять свою интеллектуальную собственность без дискуссий и судебных приставов.

Интенсивное развитие науки и технологий невозможно без законодательного закрепления прав интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. Покровский И.А. Роль римского права в правовой истории человечества и в современной юриспруденции // Ученые записки Юрьевского университета. – 1894. – Т. 3. –С. 1-30.
2. Свод Юстиниана («Corpus juris civilis»). – издание 1663 года // URL https://ru.wikipedia.org/wiki/Corpus_juris_civilis.
3. Поляков Р. Е. Анализ определения понятия «интеллектуальная собственность» // Молодой ученый. – 2011. –№10. Т.1. – С. 176-179.
4. ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // URL <https://legalacts.ru/doc/FZ-ob-informacii-informacionnyh-tehnologijah-i-o-zawite-informacii/>
5. Гражданский кодекс РФ 18 декабря 2006 года N 230-ФЗ // URL <https://base.garant.ru/10164072/33baf11fff1f64e732fcb2ef0678c18a/>
6. Аликова О. П. Сравнительный анализ объектов авторского права российского и французского законодательства // Молодой ученый. – 2017. – №6. – С. 321-325.

O. V. Peftiev

(Candidate of jurisprudence, associate professor)
Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan Baranovsky
(Donetsk city, Donetsk People's Republic)
E-mail: ole.peft@mail.ru

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS ON THE INTERNET AND THE WAY TO SOLVE IT

***Annotation.** This paper draws the attention of the intellectual public on the problems of protection of copyright rights of copyright holders in the Internet. The features of consolidation and fixation of the copyright of the creators of intellectual property of intellectual property in the Internet space are considered. Based on legislation, the mechanisms for the protection of authors' rights proposed.*

***Keywords.** Intellectual Property, Copyright, Legal Protection and Copyright Protection, Internet Wednesday.*

УДК 340.01

А. А. Поправко

(старший преподаватель)

Донбасская юридическая академия

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: popravkoalex@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСЛЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРИЗНАНИЯ СО СТОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Данные тезисы посвящены анализу перспектив развития правовой системы Донецкой Народной Республики после признания ее независимости со стороны Российской Федерации. Признание Республики со стороны РФ дает огромные интеграционные возможности для государства в целом и для его правовой системы в частности. Все это выводит взаимоотношения между двумя государствами совершенно на новый уровень с дальнейшей возможностью ДНР стать неотъемлемой частью РФ и для этого необходимо начинать унификацию законодательства уже сейчас.*

***Ключевые слова:** ДНР, РФ, законодательство, правовая система, государство, право, дипломатические отношения.*

При наличии многочисленных формулировок понятия «правовая система» автор акцентирует внимание на нескольких определениях. Одно из определений сформулировано российским ученым Синюковым В. Н. В его трактовке правовая система выглядит как совокупность фундаментальных правовых явлений конкретного общества, а именно правовая доктрина, система законодательства, правовая ментальность, правовая культура, юридическую деятельность в различных аспектах, определяющих уровень правового развития государства в целом [3, с. 197]. Еще один вариант значения термина правовая система определяется как обусловленный объективными закономерностями развития общества целостный комплекс взаимосвязанных и согласованных специальных и общих средств правового воздействия на общественные отношения, которые постоянно воспроизводятся [1, с. 368]. Существует огромное количество определений того, что из себя представляет правовая система государства. Это свидетельствует о многогранности данного явления и о сложности выделить общие элементы правовой системы, с которыми будет согласна хотя часть ученых.

Для любой правовой системы ключевыми элементами ее структуры являются: система права, система законодательства, система источников права, правовая культура и также крайне важны те базовые принципы на которых функционируют все вышеперечисленные структурные элементы. Это огромное поле для исследования, которое является малоизученным в наше время.

В Донецкой Народной Республике используется модель романо-германской правовой системы. Основным источником права здесь является нормативно-правовой акт. Также в системе источников права весомую роль играют нормативно-правовые договоры и встречаются правовые обычаи, особенно в отрасли гражданского права. Автор считает, что правовая доктрина должна занять свое законное место в правовой системе ДНР. Научно-исследовательская работа и привлечение ученых юристов к законотворческому процессу очень важны для молодого государства. Ученое сообщество обладает как теоретическими, так и практическими знаниями, и опытом, что поможет внести огромный вклад в развитие правовой системы Республики. Донбасс очень давно находится под влиянием русской цивилизации и является ее неотъемлемой частью, что способствовало выработке особой ментальности, которая выражается и правовой культуре жителей региона. Поэтому автор рассматривает основные на его взгляд элементы правовой системы, и делает акцент на тех, на которые следует обратить внимание в первую очередь.

Также одним из базовых факторов, которые влияют на формирование правовой системы любого государства является государственный аппарат, а именно те чиновники, которые занимают ключевые посты и играют важную роль в жизни общества. Гребеньков Г. В., отмечая, что «положение чиновников мало зависело от того, к каким последствиям приводила их деятельность, как она сказывалась на положении рядовых граждан. Отсутствие зависимости от народа означало и означает, что выборные должностные лица почти не имеют никаких мотивов, чтобы производить общественные блага, а государственные институты функционируют, не сообразуясь с принципом взаимности в исполнении обязанностей» [2, с.506]. Поэтому следует уделить особое внимание деятельности чиновников, ведь можно создать перспективную правовую систему в теории, но из-за таких проблем как коррупция, правовой ниги-

лизм и некомпетентность на практике ничего не получится. Контроль за исполнением законов со стороны прокуратуры должен быть всеобъемлющим.

Процесс развития правовой системы ДНР можно разделить на два основных этапа:

1. Создание смешанной правовой системы с преобладанием законодательства Украины (2015-2018 г.г.);

2. Формирование автономной правовой системы независимо от государства с ориентацией на РФ (с 2018 года по настоящее время).

21 февраля 2022 года произошло великое историческое событие, а именно независимость республик Донбасса была признана Российской Федерацией. Это событие дало огромный толчок развитию правовой системы ДНР. Если до этого момента законодательные органы ДНР ориентировались на РФ лишь в некоторых направлениях, то теперь необходимо переходить к более обширной унификации законодательства. Конечно основной проблемой в этом является различие формы территориального устройства ДНР и РФ. Очень непросто унифицировать системы законодательства унитарного государства с федеративным, но учитывая возможную перспективу вхождения ДНР и ЛНР в состав РФ. С учетом данной перспективы возможно рассмотреть варианты построения системы законодательства по примеру республик уже входящих в состав РФ, где и сейчас можно найти определенное сходство.

Процесс становления правовой системы в Донецкой Народной Республики наглядно высветил круг проблем, которые необходимо решать для повышения эффективности работы всех структурных элементов правовой системы:

- низкое качество законов и других нормативных актов, особенно это касается законов экономического блока. Из 778 законопроектов, принятых Народным Советом I и II созывов 625 являются поправками и дополнениями к уже принятым законам и только 147 законов и кодексов. Всё это свидетельствует о недостаточной культуре правотворчества. Главная проблема – нельзя правовое регулирование подменять субъективными политическими решениями, это крайне отрицательно сказывается на функционировании всей законодательной базы;

- целостность и системность принимаемых законов напрямую зависит от доктрины развития правовой системы, которая яв-

ляется составной частью концепции социально-экономического развития государства. Выстраивание эффективной правовой системы является «уравниванием» со многими неизвестными в государствах переходного типа по сути экстремального существования с нестабильной социально-экономической системой;

- недостаточный уровень культуры правотворчества представителей законодательной, исполнительной, судебной власти. Главный показатель эффективности правовой системы — это ее стабильность. Необходимо чётко понимать, что государственное устройство, возникшее в результате революций или военных конфликтов не есть нечто вновь созданное, а результат длительного исторического развития;

- законодательная база, безусловно, должна совершенствоваться и меняться в силу социально-экономических преобразований, однако слишком частые и не всегда продуманные законы дезориентируют правоприменителей и граждан, дестабилизируют правосознание населения, вносит путаницу в законотворческий процесс;

- некачественная подготовка законов является следствием слабого научного обеспечения законодательной работы. Механизм подготовки законов, апробация, экспертиза носят формальный характер, игнорируется мнение практиков;

- отсутствует система правового информирования и социальной адаптации нового законодательства. О принятых законах часто не знают те, кому они адресованы. Правовая информация является дорогой и недоступной населению.

Выводы: Автор придерживается точки зрения, что основные элементы правовой системы ДНР в дальнейшем могут эффективно функционировать в определённом культурно-правовом аспекте. Это означает, во-первых, приоритет отечественного законодательства над нормами международного. В первую очередь над европейскими моделями законодательства. Во-вторых, система законодательства в ДНР не должна базироваться только на понятиях формальной законности и узкопрагматической целесообразности, а включать этико-культурный смысл присущий русскому правовому миру: понятиям справедливости, гуманизма, демократизма, в-третьих, формирование правоощущения и правосознания жителей региона должно учитывать особенности правовой ментальности, в-

четвёртых, повышение качества принимаемых законов, преодоление противоречивости, политической целесообразности в процессе их разработки, в-пятых, система законодательства будет малоэффективна при наличии громоздкого бюрократического аппарата, в-шестых, строго продуманный механизм обратной связи, отчётности представителей законодательной, исполнительной, судебной власти перед населением.

Именно синтез формально-юридической и духовно-гуманистической сторон жизни должен стать основой системы законодательства и правовой системы в ДНР в целом.

Список литературы

1. Броварь А. В., Грабельников В. А., Груздев В. В., Кушаков М. Н., Павленко П. И., Чамлай В. В. Теория государства и права : учебное пособие / А. В. Броварь, В. А. Грабельников, В. В. Груздев, М. Н. Кушаков, П. И. Павленко, Чамлай В. В. // под общ. ред. д-ра ист. Наук, доц. А. В. Броваря. –Кострома : Костромской государственной университет ; Донецк РА ДОН, 2020 – 400 с.
2. Гребеньков Г. В. Человек в правовом бытии : Введение в правовую персонологию : монография / Г. В. Гребеньков. – Донецк : Донецкий юридический институт МВД Украины, 2013. – 540 с.
3. Синюков В. И. Российская правовая система. Введение в общую теорию : монография / В. И. Синюков. – 2-е изд., доп.– М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. – 672 с.

A. A. Popravko

(senior lecturer)

Donbass Law Academy

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: popravkoalex@mail.ru

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL SYSTEM OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AFTER DIPLOMATIC RECOGNITION BY THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *These theses are devoted to the analysis of the prospects for the development of the legal system of the Donetsk People's Republic after the recognition of its independence by the Russian Federation. The recognition of the Republic by the Russian Federation provides enormous integration opportunities for the state in general and for its legal system in particular. All this brings the relationship between the two states to a completely new level with the further possibility of the DPR becoming an integral part of the Russian Federation, and for this it is necessary to start unifying legislation now.*

Keywords: *DPR, RF, legislation, legal system, state, law, diplomatic relations.*

УДК 005.731:37

Е. А. Одинцова

(к. юр. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: odintsova.e.a@gmail.com

БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. Работа посвящена бюрократизации отечественного образования и другим проблемам, которые препятствуют реализации эффективных образовательных процессов, реформ.

Ключевые слова: бюрократия, образование, сверхбюрократизация, чиновники, бумажный прессинг, потребитель образовательных услуг.

Реалиями отечественного образования сегодня является бюрократизация научно-образовательного и воспитательного пространства. Бюрократизацию определяют как процесс, развивающийся внутри организации государственного или частного сектора, характеризующийся ростом численности служащих и уровней иерархии, узкой специализацией функций, усложнением формальной регламентации деятельности.

В целом, согласно концепции М. Вебера, бюрократия является прогрессивной технологией, позволяющей значительно рационализировать процесс управления и повысить эффективность организации. Это означает, что работники должны действовать в рамках чётко обозначенных правил и процедур. Таким образом, «неукоснительное соблюдение принципов иерархии, формально-рациональных норм, правил и установлений позволяет устранить возможные индивидуальные отклонения в процессе осуществления государственных санкций и способствует успешной деятельности различных звеньев государственной системы в целом» [1, с. 30]. Совокупность специальных знаний и дисциплины – основа бюрократической администрации.

В ходе многолетней бюрократизации проявились не только позитивные следствия (упорядочение социальных процессов посредством их стандартизации, регламентации и профессионализации управления), но и негативные (разрастание класса чиновников,

увеличение видов и объемов отчетности, балльно-рейтинговое оценивание и др.).

Поскольку образование отражает общие социокультурные тенденции развития общества, то проблемы бюрократизации плотно укоренились и в данной среде. При этом существующая модель управления отечественным высшим образованием не может считаться рациональной бюрократией (в веберовском смысле), поскольку в настоящий момент бюрократические методы управления носят излишний характер.

Сейчас стало «модным» все неудачи в той или иной сфере связывать с отголосками советского прошлого. Действительно, бюрократическая составляющая в системе образования существовала всегда, но её масштабы не превышали пределов разумного. Как отмечают Ю. Г. Тамбиянц и В. В. Шалин, «в те времена она не перекрывала значение главных «производственных» сфер институтов и университетов, собственно выражающих их миссию. Учебный и научный процессы шли своим чередом, а формализм и отчетность отнимали не более 3-7 % времени. Хотя, справедливости ради, следует признать, что и тогда многим преподавателям и научным сотрудникам это казалось чрезмерным» [2, с. 32].

Процесс чрезмерной (излишней) бюрократизации Абрамова П.А. называет «сверхбюрократизацией», которая отличается гипертрофированными признаками бюрократизации: стремительным, интенсивным увеличением численности управленцев; искусственным усложнением организационных структур, приводящим к глубоким разрывам в коммуникациях и нерациональной потере времени; тотальной формальной регламентацией всех видов деятельности; превращением управленческого аппарата в самодостаточную структуру, чей статус и интересы доминирует над статусом и интересами научно-педагогического сообщества (главного «производителя» интеллектуальных и образовательных благ); использованием средств и методов управления, не соответствующих процессам самоорганизации в системе образования и внутренним смыслам и целям образовательной и научной деятельности и др. [3, с. 175].

Безусловно, такой процесс управления деструктивен. Так, массовый отток персонала, явился следствием излишней бумажной работы в системе образования. Чрезмерная бюрократизация пре-

пятствует реализации эффективных образовательных процессов и реформ.

Как уже было отмечено, прежняя система управления школой тоже была «образовательной бюрократией», но бюрократией совершенно другого качества. Управленческий аппарат в основном состоял из представителей научно-педагогического сообщества, которые изнутри знали и учитывали интересы и специфику образовательных сообществ, прежде всего профессорско-преподавательского состава. Так, «университетская среда «производила» ректоров и проректоров, министров образования и их заместителей» [3, с. 177].

Однако, начиная с 2000-х гг. в образовательную систему управления стали входить государственные чиновники и менеджеры из бизнес-среды. Такое управление оказалось контрпродуктивным, что поспособствовало развитию новых проблем, с которыми система образования не сталкивалась ранее, и обострению уже существующих, таких как увеличение бюрократии в образовательной среде. Специалисты отмечают, что чрезмерная бюрократизация отвлекает от решения других актуальных вопросов, с которыми столкнулась современная система образования. Во-первых, «произошла так называемая деидеологизация, разрушившая существующую систему воспитания, которая, несмотря на коммунистическую риторику, базируется на общеизвестных библейских нравственных заповедях» [4, с. 11].

Морально-нравственная, воспитательная, творческая составляющие образования обесценились. «Болезнь» современного образования – интенсивность, избыточность документооборота и игнорирование общественной миссии образования. Трудоёмкость «бумажной работы» зачастую превышает учебную нагрузку. В этой связи А. М. Осипов отмечает: «Бумажный прессинг и бумажный геноцид... достигли такой фазы, которая предшествует прорыву благодетельных бюрократических покровов, опутывающих и обездвиживающих всю систему образования» [5, с. 954].

Как педагогу в сложившейся ситуации сформировать духовно-нравственный пласт молодежи: чувство долга, сочувствие, доброжелательность, преданность, патриотизм, законопослушание, если активно пропагандируется насилие и аморальность?

Г. А. Бордовский в работе «Современное образование: какое оно?» ставит следующий вопрос: «Как убедить детей в необходимости и ценности знаний, если они на самом деле никем не ценятся и быть дилетантом выгодно и престижно? Ведь, даже не овладев азами музыкального искусства, можно стать «звездой», получить общероссийскую известность, которую не имели даже самые талантливые певцы прошлых лет» [4, с. 11].

Во-вторых, актуальной проблемой отечественного образования (в том числе и зарубежного) является излишняя маркетинговая ориентация. Рыночные принципы плотно закрепились в образовательной среде. Сегодня «университеты, проводя политику удовлетворения ситуационных запросов студентов, уводят ресурсы из науки и технологии» [цит. по 6, с. 72].

Корни этой проблемы Т. А. Хагуров видит в противоречии взглядов между «консерваторами» и «реформаторами» в сфере образования. «Консерваторы» ассоциируют образование с фундаментальностью, а «реформаторы» с эффективностью. Ключевым моментом в этом разногласии является «ответ на вопрос о том, что должно собой представлять образование: социально значимое благо, гарантируемое государством, или современную высококачественную услугу, предоставляемую обществу и отдельным людям на конкурентной основе» [7, с. 33].

К сожалению, на сегодняшний день в данном споре первенство заняла «услуга». А значит, что образование – это продукт рынка, который имеет свою стоимость и является объектом купли-продажи. Говоря рыночным языком: учебные заведения – продавец, обучающийся – покупатель (потребитель). Кроме того, потребитель должен быть доволен услугой (покупкой), а если он не доволен, то приобретёт её в другом месте. Казалось бы, что плохого в том, что потребитель хочет получить качественное образование? Однако дело обстоит иначе, покупатель образовательных услуг больше думает об удобстве пользователя, чем о качестве. По словам Т. А. Хагурова, «делая образование предметом потребления, мы исключаем из него очень важный элемент – императивность, принудительность, требовательность. Потребитель больше всего ценит свой комфорт» [7, с. 37]. Современный студент, как потребитель образовательных услуг, не хочет прилагать особых усилий в процессе обучения. Он желает освоить лишь тот минимум знаний, который позволит ему обучиться ремеслу.

Господство рыночных отношений в образовательной среде в большей степени акцентируют внимание на компетентностные составляющие и игнорируют воспитательные, просветительские доминанты. ЕГЭ и тестовая система оценивания знаний свели учебный процесс к репетиторству и заучиванию правильных ответов. Мы стали забывать, что университет – «это школа, где преподается Универсум знаний», овладеть которым можно лишь путем многолетнего, упорного труда [7, с. 34].

Таким образом, обозначенные проблемы, указывают на то, что происходит утрата востребованности гуманистических ценностей и наблюдается смещение фокуса с познавательного аспекта образования на его рентабельность, гарантию хорошей работы, достатка [8, с. 56-63; 9, с. 64-73].

Сегодня преподаватели и административные работники учебных заведений работают в условиях жёсткой системы регламентации и контроля по всем видам академической деятельности – образовательной, воспитательной и научной.

В условиях тотальной бюрократизации системы образования, выполнение основных социальных задач современного преподавателя, таких как воспроизводство производительной силы, развитие духовно-нравственного и интеллектуального потенциала общества, формирование патриотизма, гражданственности, крайне затруднены. Формирование бесконечных документально-информационных потоков и процедура их согласования (хождение по различным отделам, сбор виз, переделывание документов и т.д.) ставит под угрозу выполнение преподавателем основных стратегических целей образования и воспитания. Избыточный документооборот препятствует полноценной работе и управленческого аппарата образовательных организаций.

Дебюрократизация системы образования является необходимой реальностью. Научно-педагогическому корпусу на научно-практических конференциях различного уровня следует методами открытого диалога регулярно поднимать вопросы социальной ценности педагога, справедливой оплаты их труда, уменьшения бумажного бремени и улучшения качества управления в образовании.

Список литературы

1. Бабинцев В. П. Бюрократизация регионального вуза / В. П. Бабинцев // Высшее образование в России. – 2014. – № 2. – С. 30-37.

2. Тамбиянц Ю. Г., Шалин В. В. Бюрократизация отечественного высшего образования: факторы и перспективы / Ю. Г. Тамбиянц, В. В. Шалин // *Общество: философия, история, культура*. – 2021. – № 5. – С. 31-39.
3. Абрамова П. А. Сверхбюрократизация как аномалия развития высшего образования в России / П. А. Абрамова // *Известия Уральского федерального университета. Сер.1 Проблемы образования, науки и культуры*. – 2018. – № 1(171). – Т. 24. – С. 173-183.
4. Бордовский Г. А. Современное образование: какое оно? / Г. А. Бордовский // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2012. – № 1. – С. 10-15.
5. Осипов А. М. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании / А. М. Осипов // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 953-966.
6. Дьячкова А. В. Высшее образование в России и за рубежом: тенденции и проблемы / А. В. Дьячкова, И. И. Красов // *Высшее образование в России: история и современность: сборник научных трудов / науч. ред. М. А. Дьячкова; отв. ред. О. Н. Томюк*. – Екатеринбург: УрГПУ, 2017. – С. 70-75.
7. Хагуров Т. А. Высшее образование: между служением и услугой / Т. А. Хагуров // *Экономика образования*. – 2011. – № 4. – С. 32-40.
8. Корж Н. В. Высшее профессиональное образование в структуре ценностей студенческой молодёжи / Н. В. Корж // *Известия ВУЗов. Общественные науки*. – 2011. – № 1(17). – С. 56-63.
9. Кошарная Г. Б. Ценностные ориентации населения в транзитивном обществе (региональный аспект) / Г. Б. Кошарная, Н. В. Корж // *Известия ВУЗов. Общественные науки*. – 2010. – № 2(14). – С. 64-73.

E. A. Odintsova

(Candidate of jurisprudence, associate professor)
Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan Baranovsky
(Donetsk city, Donetsk People's Republic)
E-mail: odintsova.e.a@gmail.com

THE BUREAUCRATIZATION OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Annotation. *The paper is devoted to the bureaucratization of domestic education and other problems that hinder the implementation of effective educational processes, reforms.*

Key words: *bureaucracy, education, overbureaucratization, officials, paper pressure, consumer of educational services.*

УДК 130.2

И. И. Ковалёва

(к.ист.наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: kovaleva6868@inbox.ru

А. В. Писарева

(ст. преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: belanna@list.ru

К ВОПРОСУ О САМОСОХРАНЕНИИ РУССКОГО МИРА

***Аннотация.** В статье рассмотрены глубинные культурные факторы и духовно-ценностные составляющие, лежащие в основе существования, развития и самовоспроизводства русского народа. Обозначена острая актуальность политики культурного традиционализма во имя самосохранения уникального цивилизационного остова Русского мира. Обоснована роль патриотического воспитания в современных условиях для будущего ДНР.*

***Ключевые слова.** Культура, русская культура, традиционализм, патриотизм, самосохранение, общечеловеческие ценности, гуманизм.*

Каждый из нас принадлежит своей культуре. Если суть истории состоит в изменчивости, то культуру отличает высокая степень постоянства. Прибегая к аналогиям, культуру можно сравнить с генетическим кодом общества, определяющим его целостность, идентичность, способность к самовоспроизводству и развитию.

Мы являемся носителями одной из самых уникальных культур, существующих в мире и, несмотря на все социально-исторические потрясения и изменения, она всё же сохраняется в духе нашего народа и будет ли она деградировать или развиваться зависит только от нас самих. На протяжении длительного времени нас пытаются заставить забыть, кто мы и кем были наши предки, пытаясь очернить их память для того, чтобы уничтожить нас ду-

ховно, навязав нам чуждые идеи и ценности.

Как отметил президент Российской Федерации В.В. Путин в указе о Стратегии национальной безопасности России (03.06.2021г.) этой цели способствует тот факт, что традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций. В частности, для этого используются «информационно-психологические диверсии», а также «вестернизация культуры», «фальсификация русской и мировой истории», «ослабление государствообразующего народа».

Поэтому сегодня перед государством и общественными организациями стоит задача защиты духовной сферы от внешней «идейно-ценностной экспансии» и «внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия», посредством повышения внимания к духовно-нравственному и патриотическому воспитанию.

Актуальность данной темы определена не только драматическими социокультурными перипетиями российской истории, заставляющими снова и снова размышлять о невыученных уроках прошлого, но и проблемой разрыва культурной преемственности (в отношении молодого поколения) в современной исторической ситуации, размывания и деформации русского культурного кода, неизменно служившего защитным механизмом в драматических событиях культурного прошлого.

Именно поэтому пришло время задуматься о сохранении нашей культуры и с особым вниманием относиться к исконным нормативно-ценностным основам духовного и морального характера как базису существования сильного государства.

Русская культура едва ли не единственная культура современного мира, воспринимающая как человека в социальном смысле слова любого, являющегося человеком биологически. В этом и выражается всеохватывающий, всеобщий, космический ее характер. Для носителя русской культуры самой важной ценностью всегда есть и будет справедливость и правда. Каждый носитель этой культуры готов внутренне примириться с практически любым ущербом для себя, если по тем или иным причинам будет считать это справедливым.

Русский философ Н.А. Бердяев утверждал, что русская куль-

тура всегда находилась на стыке двух мировых историй – Западной и Восточной. Русская культура уникальна, она не западная и не восточная, не азиатская и не европейская. Отечественная культура вобрала в себя языческие традиции Скандинавии, византийское православие, французское просвещение, обычаи и язык западных дворян и аристократии [1].

Нам необходимо сохранить эту особенность русской культуры, что прошла сквозь века и сохранилась до наших дней. Пусть менялись правители, менялись государства, но истинный носитель нашей отечественной культуры – это народ, который несёт в себе общечеловеческие ценности, веру в справедливость, уважение и дружелюбность к другим народам и в эпоху глобализации необходимо уберечь эту уникальную культуру, лежащую в основе нашей государственности и самоидентичности.

Одной из показательных характеристик нашего социально-культурного кода выступает традиционализм.

Традиционализм – сложное явление, которое в историко-политологической и философской литературе не имеет общепринятого определения и общепринятой оценки. В различных работах, базирующихся на религиозно-гуманистической методологии, господствующей сегодня в общественных науках, традиционализм чаще всего воспринимается критически, а в некоторых случаях вообще объявляется «консервативно-реакционным». Однако не следует столь негативно оценивать данное явление, поскольку традиционализм признает право любого народа на сохранение национального, духовного, социального, экономического, политического и бытового своеобразия, а также право народа самому решать собственную судьбу и право на свободное историческое развитие любого народа или цивилизации [2].

Традиционалистское мировоззрение не отрицает возможность и даже, в некоторых случаях, необходимость развития, изменений, но предполагает неспешный, реформистский путь исторического существования общества.

Так, основными, то есть традиционными ценностями для русского человека всегда были, есть и будут вера, справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, честь, трудолюбие, достоинство, жертвенность. На этих ценностях всегда держалась русская цивилизация и касается это не только этнических русских, но и тех,

кто духовно является русским и соотносит свою жизнь с основными принципами существования Русского мира («Русский – это не национальность. Русский – это комплекс человеческих качеств и состояние души человека»).

Важнейшей лично­ст­но­об­разую­щей цен­но­стью, без которой, по мнению авторов, человек теряет свою социально-культурную идентификацию, является патриотизм. Данное понятие обозначает ценностное отношение человека к своему Отечеству, преданность и любовь к Родине, своему народу, земле, обычаям, истории предков, природе и красоте родного края.

Патриотизм (греч. *patris* – отечество) – нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь и преданность Отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины [3].

За последнее время все большее распространение приобретает взгляд на патриотизм как на важнейшую ценность, интегрирующую не только социальный, но и духовный, нравственный, культурный, исторический и другие компоненты. Обобщая, можно дать такое определение: патриотизм – одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущих всем сферам жизни общества и государства, является важнейшим духовным достоянием личности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активно-деятельностной самореализации на благо Отечества [4].

Проблема патриотического воспитания и гражданского становления молодого поколения – сегодня одна из актуальных задач государства, общества и образовательных учреждений нашей строящейся Республики. Сегодня социальный заказ государства нацелен на воспитание человека с активной жизненной и профессиональной позицией, трудолюбивого и высоконравственного, патриота своей Родины, уважающего права и свободы личности, традиции и культуры других народов. Изменения военно-политической обстановки на территории Донецкой Народной Республики требует отлаженной работы всей системы патриотического воспитания подрастающего поколения. В связи с этим значительно возросла роль образовательных учреждений, детских и молодежных организаций, способствующих нравственно-патриотическому становлению детей и молодежи, подготовке их к самостоятельной жизни.

К задачам нравственно-патриотического воспитания можно отнести: формирование духовно-нравственного отношения и чув-

ства сопричастности к родному дому, семье, городу, селу; формирование духовно-нравственного отношения и чувства сопричастности к культурному наследию своего народа; формирование духовно-нравственного отношения к природе родного края и чувства сопричастности к ней; воспитание любви, уважения к своей нации, понимания своих национальных особенностей, чувства собственного достоинства, как представителя своего народа, и толерантного отношения к представителям других национальностей. В настоящее время нашим государством предпринимаются меры по возрождению системы военно-патриотического воспитания.

Реализация основных направлений оптимизации патриотического воспитания, задач, связанных с их осуществлением, позволит решить многие назревшие проблемы в отношении подрастающего поколения, причем не только педагогического, но и общесоциального характера. Благодаря формированию и развитию у молодежи таких важнейших социально значимых качеств, как гражданская зрелость, любовь к Родине, ответственность, чувство долга, верность традициям, стремление к сохранению и приумножению исторических и культурных ценностей, готовность к преодолению трудностей, самопожертвованию, намного возрастут ее возможности к активному участию в решении важнейших проблем общества в различных сферах его деятельности, даст возможность молодому поколению сохранить и приумножить достояние своего Отечества.

Список литературы

1. Залесский К.А. Взгляд с Запада. Противостояние русской и западной цивилизаций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://telemax-spb.livejournal.com/111521.html>
2. Ковтун Н.В. Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-kak-kriteriy-otechestvennoy-elity>
3. Кожевников С.И. Патриотическое воспитание студентов вузов. Дис. ... канд. социол. наук. – М., 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-gumanitarnyh-i-sotsialno-ekonomicheskikh-distiplin-v-grazhdansko-patrioticheskom-vozpitanii-studentov-pedagogicheskikh-vuzov#ixzz4LTXyMnHz>
4. Луговицкий В. Патриотическое воспитание: задачи, содержание, акценты // Народное образование. 2009. № 7. – С. 212-216.

I. I. Kovaleva

(Candidate of Historical Sciences, Associate Professor)
Donetsk National University of Economics and Trade named after
Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)
E-mail: kovaleva6868@inbox.ru

A. V. Pisareva

(Senior Lecturer)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Donetsk National University of Economics and Trade named after
Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)
E-mail: belanna@list.ru

**ON THE QUESTION OF SELF-PRESERVATION
OF THE RUSSIAN WORLD**

***Annotation.** The article discusses the depth cultural factors and spiritual and value components underlying the existence, development and self-reproduction of the Russian people. The urgent relevance of the policies of cultural traditionalism in the name of self-preservation of the unique civilization island of the Russian world is indicated. The role of patriotic education in modern conditions for the future DPR is substantiated.*

***Keywords.** Culture, Russian culture, traditionalism, patriotism, self-preservation, universal values, humanism.*

УДК 340.12

Н. Н. Власова

(ассистент кафедры философии)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: nnnata08@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И МОРАЛИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

***Аннотация.** В статье исследуются взаимодействие морали и права в контексте философского анализа. Рассматривается общность права и морали в их единстве и взаимодействии.*

***Ключевые слова:** философия, мораль, право.*

Соотношение права и морали – одна из вечных проблем философии права. Очевидно, что право и мораль взаимосвязаны между собой в том смысле, что эти нормативные системы воздействуют на общественные отношения и являются особыми способами социальной коммуникации. Вопрос соотношения права и морали в контексте философского мировоззрения нашел отражения в трудах многих ученых прошлого и современности. Выделим некоторых из них, таких как И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, С. С. Арнольди, Л. Л. Фуллер, И. А. Михайловский, Ю. А. Агешин и др.

Проблема соотношения права и морали (нравственности) относится к числу ключевых в философии. Право и мораль – это важнейшие элементы человеческой культуры, всегда выступающие в тесном взаимодействии, характер которого определяется конкретно-историческими условиями и социально-классовой структурой общества. Такая взаимосвязь объективно обусловлена, так как генезис и реальное бытие права и морали определяются едиными сферами общественных отношений, в которых разворачиваются сложные и подчас противоречивые связи данных социальных регуляторов. [1, с. 174]. Проблема взаимодействия морали и права всегда представляла собой важнейшую научную и практическую проблему во все эпохи, и каждый раз становилась актуальной в современном мире в периоды изменения общества.

Цель работы – рассмотреть взаимодействие морали и права в контексте философского анализа. Задача – определить специфику морально-правовых явлений в аспекте философского анализа.

В работе нет разграничений морали и нравственности т.к. у многих авторов эти понятия равнозначны. В научной литературе и в практическом обиходе они употребляются как идентичные. Впрочем, некоторые аналитики пытаются установить здесь различия, предлагая под моралью понимать совокупность норм, а под нравственностью – степень их соблюдения, то есть фактическое состояние, уровень морали. Что же касается этики, то это особая категория, означающая учение, науку о морали, хотя и она содержит в себе определенные оценочные критерии.

Со времен Иммануила Канта существует убеждение, что сфера нравственности охватывает сугубо внутренний мир человека, поэтому оценить поступок как нравственный или безнравственный можно лишь по отношению к лицу, которое его совершило. «Человек как бы извлекает из себя нормы своего поведения, в себе, в глубине своей «души», дает оценку своим действиям» [2, с. 12]. С данной точки зрения, человек, взятый отдельно, вне его отношений к другим людям, может руководствоваться нравственными правилами.

Мораль, по мнению Г. В. Гегеля, «требует даже, чтобы прежде всего было соблюдено право и лишь после того, как оно исчерпано, вступали бы в действия моральные определения» [3, с. 102]. Гегель отмечает: «Чтобы поступок имел моральную ценность, необходимо понимание того, справедлив он или несправедлив, является ли он хорошим или дурным» [3, с. 107].

Лавров Петр Лаврович (псевдоним Арнольди С. С.) (1823-1900 гг.) - русский философ, социолог в труде «Современные учения о нравственности и их история» обращает внимание на то, что невозможно найти точного обозначения понятий морали и нравственности поскольку истоки и первоначальный смысл их заложены в психологии человека. Он пишет: «То чувство, которое испытывает каждый, когда его мысль уясняется, знания расширяются, – есть особенное состояние духа, для которого с точки зрения субъективной едва ли можно найти выражение более близкое, нежели выражение – возвышенное существо» [4, с. 26].

Согласно С. С. Арнольди, источником нравственных норм являются разнообразные жизненные наблюдения, которые подвер-

гаются индукции и превращаются в систему взглядов и поступков. Мораль имеет принудительный характер, обязывая к определенному типу поведения и даже к определенному образу мыслей. Т. к. общество начинается с семьи, как правило, постепенно формирует у человека моральные устои, которые им часто прямо не осознаются и превращаются в привычку.

Лон Льюис Фуллер (1902-1978) – выдающийся философ, классик американской теории права. Он в своих взглядах о соотношении права и морали претендует на существенную новизну. Его работа «Мораль права», в которой он наделяет мораль отличной от иных концепций сущностью, разделяя последнюю на «внутреннюю» и «внешнюю». Мораль долга определяется через восемь базовых принципов, соответствием которым наделяет законодательную норму правовым содержанием и делает ее обязательной для исполнения. Мораль стремления, т.е. «внешняя», включает в себя те общественные нравственные принципы, требования к участникам правовых отношений, позволяющие нормы в корреляции с нравственностью.

Должно ли право соответствовать нормам морали? Фуллер полагает, что полностью безнравственная система правил перестает обладать статусом правовой системы и не стабильно функционировать продолжительное время. Поэтому «...для практической действительности права, - пишет Фуллер, - первостепенное значение имеет определенный минимум приверженности правовой морали...» [5, с. 187]. Однако такой подход не решает, а просто игнорирует проблему соотношения права и морали.

Выдающийся русский философ И. А. Михайловский в своей работе «Очерки философии права» в 1914 году писал, что между моралью и правом нет никакой разницы по содержанию. Любая моральная норма может быть облечена в правовую форму и стать нормой права» [6, с. 77].

Взаимодействие права и морали – процесс, характеризующийся многообразием форм. По мнению современного российского философа Ю. А. Агешина, «право, активно воздействуя на мораль, способствует более глубокому ее укоренению в обществе, в то же время оно само под влиянием морального фактора постоянно обогащается, расширяется его нравственная основа, повышается авторитет, возрастает его роль как социального регулятора обще-

ственных отношений» [7, с. 64]. Таким образом, воздействию права на мораль сопутствует процесс обратного влияния морали на право. Мораль требует не только соблюдения права по отношению к другим, а напротив, соединяет с правом умонастроение, состоящее в том, чтобы уважать право ради права.

С точки зрения современного российского правоведа Е. А. Лукашевой, «исследование проблемы взаимодействия права и морали следует начинать с генезиса и социальной сущности нормы, выявления её места в системе общественных отношений, в социальной деятельности людей» [8, с. 93]. Нормативная структура – один из важнейших признаков правовой и моральной системы, поэтому рассмотрение социальной природы нормативности будет способствовать раскрытию как общего, присущего праву и морали, так и специфики социальных регуляторов. Понятие нормы, нормативности неотделимо от социальной деятельности людей, от их общественных отношений, от их общественного бытия.

Таким образом, вопрос о соотношении и характере взаимодействия права и морали необычайно широк и многоаспектен. Право и мораль – дополняющие друг друга средства социального нормативного регулирования. Их взаимодействие носит преимущественно созидательный, конструктивный характер. В реальности право и мораль нерасторжимы, они функционируют как единое целое, органически переплетаясь между собой, дополняя друг друга. Наиболее характерной чертой взаимодействия права и морали является их сближение, взаимопроникновение, усиление их согласованного воздействия на общество [9, с. 183].

Вопрос соотношения права и морали, обусловлен потребностями самой морально-правовой сферы и вызывает интерес к таким проблемам, как смысл, место и значение морали и права в контексте философского мировоззрения, в системе философского учения о мире, человеке, формах и нормах социальной жизни, о путях и методах познания, о системе ценностей.

Список литературы

1. Е. С. Чикалова Проблема нравственно-правового регулирования общественных отношений // «Наука. Религия. Общество» - 2009. - №3. – С. 174-183.
2. Кант И. Сочинения: в 6 т. / Кант И. – М. : Мысль, 1965. – Т. 4. – 544 с.
3. Гегель. Работы разных лет / Гегель. – Т. 2. – М. : Мысль, 1973. – 630 с.
4. Арнольди С. С. Современные учения о нравственности и их история», СПб., 1904. – С. 26.
5. Фуллер Л. Мораль права. Пер. с англ. Т. Даниловой, под ред. А. Куряева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ИРИСЭН, 2007. – С. 187.
6. Ю. В. Сорокина Сотношение права и морали в современной философии права // «Теория и история государства и права» Вестник ВГУ №3, 2020 г.
7. Агешин Ю. А. Политика, Мораль, право / Агешин Ю. А. – М. : Юрид. лит., 1982. – 150 с.
8. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность / Е. А. Лукашева, В. М. Чхи-квадзе. – М. : Наука, 1986. – 264 с.
9. Е. С. Чикалова Проблема нравственно- правового регулирования общественных отношений// «Наука. Религия. Общество» - 2009. - № 3. – С. 174-183.

N. N. Vlasova

(Assistant Department of Philosophy)
Donetsk National Technical University
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: nnnata08@mail.ru

THE RELATIONSHIP OF LAW AND MORALITY IN THE CONTEXT OF A PHILOSOPHICAL WORLDVIEW

Annotation. The article explores the interaction of morality and law in the context of philosophical analysis. The commonality of law and morality in their unity and interaction is considered.

Key words: philosophy, morality, law.

III.

Человек - Общество - Культура как предмет философской рефлексии: культурологические аспекты проблемы

УДК 930.85

Г. А. Быковская

(д. ист. наук, профессор)

Воронежский государственный университет инженерных технологий
(г. Воронеж, Россия)

E-mail: istoria_vrn@mail.ru

В.Д. Черных

(к. ист. наук, доцент)

Воронежский государственный университет инженерных технологий
(г. Воронеж, Россия)

E-mail: vbr2010@bk.ru

СОВРЕМЕННЫЙ МИР В АНТИТЕЗЕ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: *В данной статье анализируются проблемы культурного диссонанса последних десятилетий. Указывается на основные причины социокультурного и духовного кризиса современной культуры. Подчеркивается роль открытий в естественных науках, которые произошли в последнее время и породили эйфорию вседозволенности и иллюзию всемогущества человеческого разума. Ставится вопрос о путях преодоления духовного кризиса современности.*

Ключевые слова: *Социокультурный и духовный кризис, посткультура, кризис идентичности, духовность.*

В последние десятилетия в России и мире крайне активно и зачастую болезненно для различных сфер общественной жизни и социальных институтов происходят процессы переосмысления культурных особенностей и социокультурной динамики. Культура является главной составной частью человеческой цивилизации, ее сущностной основой, направленной на развитие духовно - нравственных потребностей человека и организацию всех сфер его жизни в соответствии с этими потребностями.

Множество явлений, начало которых относится ко второй половине XIX в. и получивших свое наибольшее развитие в конце XX - начале XXI в., свидетельствуют, что культура вступила в фазу бифуркации – глобального скачка к посткультуре. Внешней причиной этого грандиозного кризиса является, на наш взгляд, некий пик техногенной цивилизации – взрыв научно-технического прогресса, который неизбежно привел к онтологическим изменениям в духовном мире человека, его мировоззренческих принципах, системе ценностей. Нарастание кризисных явлений к настоящему времени достигло критического состояния.

Еще в начале XX в. русский религиозный философ В. Розанов основную причину социокультурного кризиса, грозившего тогда всему человечеству, видел в кризисе христианства. «Нет сомнения, – писал философ, – что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства; в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства. Все потрясены. Все гибнут, всё гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания» [1, с. 5].

Аналогично мнение И. Ильина, утверждавшего по этому поводу, что причиной кризиса является уход человека от Бога. В ситуации, когда человек закрывает себе доступ к Богу и Бога к себе, колеблется его человеческий образ, он становится все более и более бессодержательным, а воля беспредметной. Это происходит, когда человек встает на путь исключительного самоутверждения, признания себя самодовлеющим существом. Стремясь к утверждению индивидуальности, человек на самом деле «истребляет, отрицает себя», теряя образ высшей Божественной природы. Нынешнее состояние общества, период его исторического развития Ильин склонен рассматривать с позиций, прежде всего, религиозного кризиса. В его понимании в истории были периоды, когда религии не удавалось достичь означенных целей: «Инстинкт и его страстные порывы перестают отзываться на религиозные зовы, образы и знаки (молитвы, догматы и обряды), бессознательное упорно утверждает себя в безбожии и противодуховности» [2, с. 47].

Социокультурный и духовный кризис неизбежно захватывает все стороны жизни, все формы духовности, все виды человеческой деятельности. Особенно ярко и остро он проявился в искусстве,

религии и духовных ценностях. Художественная культура воспроизвела кризис в виде отхода от классических художественных принципов и эстетических канонов, разрушения образной структуры искусства, переход на поиски выразительных средств, принципиально противостоящих естественной интуиции художника. Культура стала пониматься как условная сфера бытия, каждое из состояний которой вполне возможно и даже обязано быть сконструировано. Следует сказать, что в сфере искусства, на уровне духовного, психологического, эстетического восприятия кризисная ситуация проявляется через призму прежде всего социальных изменений. Затронуты оказались все виды искусства: поэзия, живопись, скульптура, архитектура, музыка и др. Это проявилось, прежде всего, в трансформации понятий красоты и гармонии. Ныне архитектура, литература, музыка и поэзия, на наш взгляд, отказались от классических канонов, но не смогли обрести новых одухотворяющих черт, способных дать новое содержание и оформить ищущих этого бессознательных интенций современного человечества. Здания из элементов художественной культуры превратились в утилитарные помещения для жилья. В литературе господствует подход рыночной конъюнктуры и возможности представления легкого чтения для обеспечения комфортного времяпрепровождения. Музыка прекратила свое парение к вершинам человеческого духа.

Искусство сегодня сводится к голой целесообразности, механическому удовлетворению абстрактных, установленных расщеплением нужд человека. Оно перестало быть выражением духовности. Вместо поиска совершенной природы, совершенных человеческих форм, в футуризме человек трансформируется в орудие космической эволюции, продукт действия неких абстрактных сил, пересечения разных систем, в которой складываются осколки разных миров. Человек как величайшая тема искусства уходит в небытие, а вместе с ним растворяется идея целостности всех форм искусства, направленных на воспитание эстетических и этических норм бытия. Кризис искусства в сфере музыки выразился в поисках новых гармоний, новых форм, погоней за символами – переносе внимания от мелодии к форме, лишь отдаленно, символически связанной с первой. В поэзии же царит желание вовсе освободиться от слова с его преданиями и законами.

Одна из составляющих современного культурного кризиса – катастрофическое восприятие последствий широкомасштабного

научно-технического развития. Жизнь человека рационализируется и механизмуется. Но эта рационализация жизни происходит именно тогда, когда сам рационализм в классическом понимании этого термина уже не представляется ценностью, когда разрушена вера в разум. Человек все более явственно начинает ощущать абсурдность, бессмысленность своего существования в мире.

Кризис культуры диалектически связан с реальным сознанием людей, втянутых в кризисное событие. Можно сказать, что анализ проблем кризиса культуры реализуется через призму смены культурных парадигм. При этом культурная парадигма - это сложное единство структуры и динамики культуры с совокупностью элементов и разнообразием связей между ними. Составными частями культурной парадигмы можно назвать следующие: субъект, коллективное жизненное настроение, социокультурные эмоции, сознание людей, ведущие ценностные ориентации, семиотические отношения, совместные духовные символы и артефакты. При смене культурной парадигмы происходит изменение различных ее элементов, но не всегда один и тот же элемент, меняясь, изменяет всю социокультурную целостность. Трансформация культурной парадигмы характеризуется появлением новых отношений между всеми ее элементами, она разнопланова и гетерогенна, следовательно, описать и проанализировать ее можно, учитывая все множество факторов и отношений.

Современная культура по сути – это всемерная рационализация всей жизни. Огромные открытия в естественных науках, которые произошли в последнее время, породили эйфорию вседозволенности и иллюзию всемогущества человеческого разума. Однако в то же время человечество не может принять и культурно осмыслить некоторые результаты научно-технического прогресса, такие, например, как клонирование, проблемы трансплантологии и эвтаназии. Еще более актуальным является проблема информационного этапа научно-технической революции, когда общество становится сверхсложной социотехнической системой и человек из субъекта превращается в объект, некую «сверхмашину».

Закономерным результатом этого процесса является внутренняя неудовлетворенность, которая особенно ярко проявляется среди современной молодёжи. Часть молодого поколения, непосредственно восприняв условия современной капиталистической

морали, проявляют лишь экономическую заинтересованность в практически любых проявлениях культуры, для них понятия нравственности не являются определяющими при выборе того или иного пути следования к материальному успеху и процветанию. Вторая часть молодежи, имеющая, с одной стороны, более глубокие корни воспитания, с другой, в силу психологических особенностей, не имеющая внутренних сил сразу отказаться от парадигм воспитания переходят в разряд нигилистов, не могущих преодолеть разрыв между идеалами и окружающей действительностью, зачастую предлагающей удивительные по своему цинизму пути процветания и успеха.

В настоящее время можно заметить идею антропологического кризиса всей цивилизации, когда развитие технологий и попытка решения некоторых глобальных проблем человечества приводит к неразрешимым этическим противоречиям. Попыткой преодоления этого кризиса, по нашему мнению, стало бы большее внимание не к материальной направленности прогресса, а к его сущностному, онтологическому, причинному началу.

В последнее время все настойчивее и сильнее становятся попытки переноса всех сфер жизни в цифровую реальность, вплоть до постмодернистских проектов сращивания человека с машиной, загрузки человеческого сознания в виртуальные базы хранения данных для оцифровки сознания и создания искусственного интеллекта (ИИ) так называемого третьего и четвертого уровня. ИИ третьего уровня должны анализировать мысли и эмоции человека, а ИИ четвертого уровня с самосознанием должны будут обладать расширенным разумом и способностью к осознанию своего внутреннего состояния и с возможностью саморазвития. После чего на основе этого цифрового, рационального самосознания появится возможность принятия самостоятельных, полностью оптимизированных для получения наилучшего результата решений. При этом религиозность, духовность, иррациональность (человечность) принятия решений сведется к нулю. Данное положение вещей полностью противоречит идее, когда-то лежавшей в основе развития науки, которая должна была совершенствоваться и улучшать окружающий мир для человека.

Считаем, что невозможность найти смысл жизни, направленной лишь на удовлетворение материальных потребностей, приводит к дезориентации человека и его последующей духовной дегра-

дации. Тенденция усиливается давлением со стороны СМИ, а именно, активной, агрессивной пропагандой сиюминутного успеха, соответствия стандартам общества потребления.

В этих условиях несомненным является признание печального факта, что кризис духовности не преодолён и имеет тенденцию к дальнейшему углублению. Главной задачей построения будущего общества становится развитие духовной культуры человека. Именно это должно стать основным направлением работы всех социальных институтов общества.

Список литературы

1. Апокалипсис нашего времени: [Текст]. Вып. №1-10. Собр. соч. / В. В. Розанов; под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М. : Республика, 2000.
2. Ильин, И. А. Основы художества о совершенном в искусстве [Текст]. – Рига : Рус. акад. изд-во, 1937.

G. A. Bykovskaya

(Doctor of Historical Sciences, Professor)

Voronezh State University of Engineering Technologies

(Voronezh, Russia)

E-mail: istoria_vrn@mail.ru

V. D. Chernykh

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Voronezh State University of Engineering Technologies

(Voronezh, Russia)

E-mail: ybr2010@bk.ru

THE MODERN WORLD IN THE ANTITHESIS OF CULTURE

***Annotation** This article analyzes the problems of cultural dissonance of recent decades. The main causes of the socio-cultural and spiritual crisis of modern culture are indicated. The role of discoveries in the natural sciences that have occurred recently and have given rise to the euphoria of permissiveness and the illusion of the omnipotence of the human mind is emphasized. The question is raised about ways to overcome the spiritual crisis of modernity.*

***Key words:** Socio-cultural and spiritual crisis, post-culture, identity crisis, spirituality.*

УДК 37.035.91

Е. В. Андриенко

(д. филос. наук, профессор)

Донецкий национальный университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail – elena_andrienko8@mail.ru

Д. В. Корнюхов

(аспирант)

Донецкий национальный университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail – kornuhovd@gmail.com

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЛИДЕРСТВА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА: ДРЕВНИЙ ВОСТОК И АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

***Аннотация.** Работа посвящена исследованию мировоззренческих оснований древневосточной и древнегреческой моделей лидерства. Сделан вывод о том, что если древневосточная модель лидерства носила выраженный мистико-религиозный характер, то древнегреческая модель опиралась на реалии рабовладельческой демократии, военных походов, а также на мифы о богах и героях. Античный лидер сочетал в себе черты Бога и Героя, интеллектуальных качеств и способности к активным действиям.*

***Ключевые слова:** лидерство, герой, мировоззрение, культура, личность.*

Лидерство – это феномен, который возник еще в эпоху первобытности. Первыми лидерами были бигмены и чифмены, описанные в антропологической и этнографической литературе, а позднее – вожди и жрецы (шаманы), или лица, объединявшие в себе обе эти роли. При этом любая модель лидерства имеет свой социокультурный контекст и отражает мировоззренческую и культурно-историческую специфику эпохи.

Лидерство и власть на Древнем Востоке всегда имели мистико-религиозный характер. Так, Император в Китае был «сыном неба», священнее высшим существом (Хуан Ди – «святейший владыка»), хотя сначала правителей называли просто царями (*wang*). Император в представлении древних китайцев имел особую благо-

датную силу (Дэ), которая передается потомкам и помогает создавать императорскую династию. Но, как известно, династии в Китае довольно часто менялись. Отсюда возникла идея о цикличности истории (теория Небесного Мандата) по принципу смены периодов расцвета и упадка.

В Древнем Египте фараон считался воплощенным божеством, особым существом, отдельным от всей Вселенной. Фараон не имел предопределенной судьбы, а потому был свободным. Фигуру фараона древнеегипетский канон предписывал изображать в несколько раз больше, чем фигуры других людей. Тело фараона оставалось нетленным, и после смерти он возрождался в мире Вечности. Целостный и обладавший свободной волей фараон противопоставлялся в древнеегипетском мировоззрении изменчивому и преходящему миру. Это противопоставление обусловленного и изменчивого мира и вечного Бога позднее укоренилось во всех авраамических религиях (иудаизме, исламе и христианстве).

В Древней Индии царь составлял один из семи элементов монархического государства, куда также входили министры, армия, село, укрепления, казна, союзники. Царями чаще всего становились представители кшатриев (военные). В религиозном аспекте царь в древнеиндийском государстве был священным центром мира. Церемония посвящения на царство длилась более года и отражала процесс перехода от хаоса к порядку (*rita*). При этом царь должен был прислушиваться к мнению народа, а народ в некоторых случаях мог отстранить его от власти.

С одной стороны, Древний Восток породил социально-пассивный тип личности, не ориентированный на лидерство и индивидуализм, на проявления своей личной воли. Этому способствовала также ретроспективность древневосточного мировоззрения с его установкой «будущее существует для того, чтобы стать прошлым». Не случайно все революции на Древнем Востоке заканчивались возвратом к прежнему укладу.

С другой стороны, современные ориенталистские исследования свидетельствуют о том, что стремление к власти, лидерству и самоутверждению своего Эго не были чужды представителям древневосточных культур [1, с. 126]. Если человек современного глобализованого мира поликультурен и выстраивает свое мировоззрение, опираясь на достижения различных культурно-

исторических традиций, стремясь выбирать из них лучшее для себя, то в древности мог черпать ресурсы для описания своего бытия и деятельности только из того, что было частью его самого. Древневосточный человек был включен в общий порядок вещей и событий, его самоощущение стремилось к гармонии между социумом, природным бытием и своей Самостью. В. В. Емельянов определяет Самость как «социально-ориентированное Эго», приводя в качестве примера Эго жителя древней Месопотамии, которое, по мнению исследователя, вовсе не было пассивным, а, наоборот, являлось цельным и «стремилось к первенству, власти, подчинению и организации других людей» [2, с. 143].

В современных исследованиях Древнего Востока акцент все больше переносится с общественных закономерностей на личность и ее внутренний мир. Познать до конца закономерности социокультурного развития невозможно, поскольку этому мешает сама непредсказуемость человеческой природы. Любая культурная традиция коренится в индивидуальных психических и творческих особенностях конкретного человека, поэтому на сегодняшний день изучение истории и культуры древних государств Востока проводится все больше с опорой на личность. А самый доступный исследовательский материал в данном случае – это материал, посвященный личностям древневосточных лидеров. Например, чешский востоковед Л. Вацин посвятил свое исследование царю месопотамского города Ура Шульги [1]. Российский историк В. А. Якобсон также исследовал личности правителей Древней Месопотамии. А. О. Большаков посвятил свою монографию исследованию многокомпонентной личности в мировоззрении древних египтян, а именно такому ее элементу как Двойник (*Ka*).

В целом, социокультурные модели лидерства в странах Древнего Востока становятся все более актуальным объектом исследования историков, антропологов и лингвистов. Их общей чертой является выраженный мистико-религиозный характер – личность лидера обожествляется и наделяется особыми, сверхъестественными качествами, которые часто противопоставляются природному и социальному бытию. Личность правителя – это всегда некий сакральный авторитет, которому поклоняются и который гарантирует целостность и стабильность космического порядка.

Античная модель лидерства носит выраженный политический характер. Это обусловлено полисной организацией жизни ан-

тичных греков и особенностями рабовладельческой демократии. Для жителя античного полиса путями реализации своего лидерского потенциала было владение риторикой (что проявлялось, в частности, в умение выступать на народных собраниях), а также почитание полисных богов (религия в античной Греции была делом гражданским) и военная доблесть. Значительное влияние на античную модель лидерства оказала мифология, особенно – мифы о героях. Античный монарх воплощал в себе черты Божества и Героя.

Изначально героями в Древней Греции называли мифологических персонажей – военных предводителей, обитавших на Олимпе. Затем так стали именовать реальных воинов, которые отличались особым мужеством и воинской доблестью.

В целом, лидерство в Античности отождествлялось с государственным управлением. Сократ говорил о преобладающем значении разумного начала в человеке. Это начало проявляется и в общественном устройстве, во главе которого должен стоять лидер (правитель), обладающий такими качествами как образованность, мудрость и честность.

Платон фактически положил начало теориям лидерства и управления. Лидеры – это философы, которые, по сути, являются лучшими представителями стражей, обученными диалектике («искусству рассуждать») и обладающими необходимыми нравственными и интеллектуальными качествами (развитой памятью, стремлением к познанию и справедливости, утонченностью, мужеством и великодушием) [3, с. 348].

В модели лидерства Аристотеля более выражен практический аспект. Философ разделял в сущности правителя мастерство (*poiesis*) и практическое поведение (*praxis*). Практическое поведение представляет собой более высокий уровень лидерства, чем мастерство, поскольку именно оно ведет правителя к реализации его целей. Среди самих лидеров Аристотель выделял отдельных представителей, которых называл «великими людьми». «Великий человек», согласно Аристотелю, должен быть сдержан, правдив, рассудителен, не обижать других людей, совершать благие поступки, а также должен ориентироваться на знания и истину [4, с. 129-133].

Таким образом, если древневосточная модель лидерства носила выраженный мистико-религиозный характер, то древнегрече-

ская модель опиралась на реалии рабовладельческой демократии, военных походов, а также на мифы о богах и героях. Античный лидер сочетал в себе черты Бога и Героя, интеллектуальных качеств и способности к активным действиям и был, прежде всего, государственным деятелем.

Список литературы

1. Vacin L. Šulgi of Ur: Life, Deeds, Ideology and Legacy of a Mesopotamian Ruler as Reflected Primarily in Literary Texts: PhD dissertation / SOAS (University of London), London, 2011. – 329 p.
2. Емельянов В. В. Антропологический поворот в науках о Древнем Востоке (на примере ассириологии) / В. В. Емельянов // Вопросы филологии. – 2013. – №2. – С. 136–147.
3. Платон. Государство / Платон; [пер. с греч. А. Н. Егунов]. – СПб.: Наука, 2005. – 576 с.
4. Аристотель. Политика / Аристотель. – М.: Рипол Классик, 2016. – 528 с.

E. V. Andriyenko

(Doctor of Philosophical Sciences, Professor)

Donetsk National University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail – elena_andrienko8@mail.ru

D. V. Kornyukhov

(graduate student)

Donetsk National University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail – kornuhovd@gmail.com

WORLDVIEW SOURCES OF LEADERSHIP AS A SOCIALLY-CULTURAL PHENOMENON: ANCIENT EAST AND ANCIENT GREECE

***Annotation.** The work is devoted to the study of the worldview foundations of the ancient Eastern and ancient Greek models of leadership. It has been concluded that if the ancient Eastern model of leadership was of a pronounced mystical-religious nature, then the ancient Greek model was based on the realities of slave-owning democracy, military campaigns, as well as myths about gods and heroes. The ancient leader combined the features of God and the Hero, intellectual qualities and the ability to take action.*

***Key words:** Leadership, Hero, Worldview, Culture, Personality.*

УДК 008: 130.122

А. Е. Отина

(к. филол. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая народная республика)

e-mail: otina.anna@mail.ru

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

***Аннотация.** В статье произведён анализ бинарной оппозиции, содержащейся в восприятии действительности философией и художественной литературой. В фокусе исследовательского внимания находятся эстетические трактаты российских мыслителей первой четверти XIX ст. – переходного периода от традиционалистского культурного типа к индивидуально-авторской эпохе, когда возникли первые отечественные философские, эстетические и собственно литературные рефлексии и были заложены основы теоретического осмысления философии и художественного творчества как форм отражения и превращения действительности.*

***Ключевые слова:** действительность, вымысел, самостоятельное бытие, диалог, недосказанность.*

С момента выделения из некогда синкретичного единства мировосприятия и начала развития в собственной онтологической определенности различных форм бытия культуры, таких как философия, наука, художественное творчество, эти формы вызывают необходимость отдельного осмысления и характеристики. Осознание собственной специфики каждой из указанных культурных областей происходит через призму отношения к действительности, принципиальные различия в восприятии, описании и воссоздании которой порождаются научным, философским методом познания и методом художественного творчества.

Если философия осмысляет мир, действительность, исходя из них самих и при помощи познания, то литература (даже в аристотелевской системе мимесиса, или в канонизации подражания классицизмом) – не только осмысление, воссоздание, но всегда художественное претворение, пересоздание мира (вплоть до существенно-несовпадения с реальностью в фантазмагориях Ф. Рабле, роман-

тических фантазиях и в современных фантастике и фэнтези) с помощью творческого воображения и художественного вымысла. В философии вымысел – признак ненаучности, несостоятельности данного образца как философской системы. В литературе вымысел – её имманентный признак и инструмент производства – художественного сотворения мира.

Эпохи классики национальных культур всегда сопровождаются философской рефлексией и рефлексией литературы. В эти периоды появляются значительные философские системы и методологии. В это время национальные литературы достигают апогея своего развития, составляя литературную классику, – неповторимое специфическое пространство в едином широком пространстве национальной, а затем общечеловеческой культуры. Исследование подобных периодов классического оформления культуры, необыкновенно богатых культурными смыслами, фактами и интенциями, порождает множество научных вопросов и проблем философского, культурологического, литературоведческого и т.д. содержания, которые не перестают быть актуальными, или приобретают новую акцентность, новую актуальность. *Ведь способность традиции актуализироваться является неотъемлемым свойством традиции, доказывая, собственно, её традиционность.*

Общая и подробная характеристика «больших» культурных и литературных эпох была дана в трудах Э. Р. Курциуса, С. С. Аверинцева, С. Н. Бройтмана, А. В. Михайлова.

С. С. Аверинцевым выделяются три эпохи: «дорефлексивный традиционализм», «рефлексивный традиционализм», «посттрадиционализм» [1]. С. Н. Бройтман исследует поэтику «эпохи синкретизма», «эйдетическую (традиционалистскую)» и «поэтику художественной модальности» [2]. А. В. Михайлов пишет о риторической системе и эпохе «индивидуальных миров» [3].

Глубокая и оригинальная разработка исследования литературы как специфической формы духовной культуры представлена в работах М. М. Бахтина, Р. Барта, Г. Гадамера, Ю. М. Лотмана, В. И. Тюпы и др. Большой вклад в исследование сущности и специфики искусства внесла русская эстетика первой половины XIX ст.

Эстетическая мысль XIX в. не содержала в себе такого понятия как «художественный текст», которое сегодня стало концептуальным. В своём понимании и дефинировании того, что есть про-

изведение искусства, литературное произведение авторы эстетических работ того времени постоянно обращались к эстетическому восприятию, творческому воображению, сотрудничеству и сотворчеству автора и читателя – к тому, что затем будет именоваться герменевтикой и составит сущность герменевтического метода. Разгадать загадки «художественного впечатления» по мнению А. И. Галича, В. Ф. Одоевского, И. В. Киреевского, П. А. Вяземского и др. означает постичь онтологическую природу литературного творчества, художественности и осуществить верный теоретический анализ (в то время он являлся инструментом литературной критики).

Целью данной работы является анализ диады «действительность – культура» в русском культурном пространстве через исследование взглядов, заключённых в русских эстетических трактатах первой четверти XIX ст., посвящённых специфике философии и искусства.

Цель отображается в следующих задачах:

- описание социокультурного пространства первой четверти XIX ст. – времени, когда русская культура динамично и плодотворно оформлялась в классическую национальную;

- анализ взглядов мыслителей, художников этого времени на сущность философии и литературы в их диалоге и неслиянности, то есть вербализованного пространства литературной и эстетической рефлексии;

- попытке объяснения того, почему классический период русской национальной культуры предстал перед нами под знаком литературы, в литературных «одеждах» (знаменитая «литературная культура» России XIX в.);

- выделении категории действительность как основного разграничителя философского познания и художественного творчества во всех принципиально различающихся стратегиях её восприятия, описания и отношения к ней.

Русская культура вплоть до периода серебряного века не обладала собственными образцами в философской сфере. Философия в России находилась в зародышевом состоянии, но, как это ни парадоксально, вся русская культура этого времени развивалась и развёртывалась под знаком философичности.

Это было, во-первых, связано с тем, что первая четверть XIX столетия представляет собой встречу двух больших эпох – традиционалистской и индивидуально-авторской. Это было время формирования и борьбы стилей, с одной стороны, традиционалистски жанрового характера (классицизм, сентиментализм), с другой – индивидуально-авторского (романтизм, реализм). Стилистическое столкновение, сражение художественных направлений сопровождалось апологетикой и, естественно, аргументированием, т.е. рефлексией литературы, эстетической рефлексией.

Во-вторых, европейское Просвещение успело сообщить миру о значении философской деятельности, громко заговорило с миром голосом философа. Русские мыслители и художники, авторы эстетических трактатов были последователями Н. Буало (А. Ф. Мерзляков, П. Е. Георгиевский), либо шеллингианцами и гегельянцами (А. И. Галич, В. Ф. Одоевский) в зависимости от избранного ими художественного стиля и направления. Славянофил И. В. Киреевский в своих знаменитых работах о специфике русской культуры и уникальности пути её развития, о характере русской литературы демонстрирует глубокие познания в области немецкой классической философии.

Таким образом, оказавшись в состоянии мощной внутренней диалектической динамики, русская литература в период своего стремительного классического оформления с сопровождающей его рефлексией впитала в себя и стремилась высказать нечто огромное не в количественном, а в качественном отношении. Отсюда и поиски художественных форм, и социальное наполнение, когда социальная действительность становится предметом литературы в существующих канонических формах, и философичность, и рефлексия – самопознание литературы. Литературная рефлексия приводит русских мыслителей к постановке проблемы соотношения действительности и её воссоздания, то есть к пониманию и необходимости анализа специфики художественного высказывания – к постановке проблемы литературного произведения (поэзии) и художественного мира (результата претворения действительности с помощью художественного вымысла). Авторы русских эстетических трактатов С. П. Шевырёв, А. И. Галич, В. Ф. Одоевский видят различные стратегии осознания и преобразования мира философией и литературой в следующем: философия стремится к осознанию мира путём его познания, а к преобразованию действительности через осозна-

ние причин и сущностей явлений и процессов, и на основании познания она прогнозирует преобразования. Литература, связанная с реальностью лишь тематически, создаёт иную реальность (художественный мир), никогда не совпадающую с реальностью как таковой. Как философия, так и литература в качестве материала, объекта познания видят реальность, действительный ход событий, явленный мир как он есть. Даже если речь идёт о фантазмагориях литературного вымысла, действительность, реальность всё равно в нём присутствует как отправная точка претворения мира в мире художественном, его искусственной перекройки в поэтической игре. Однако отношение к реальности у философа и поэта принципиально разнятся.

Философия стремится к точности и открытиям, происходящим из анализа фактов и феноменов действительности в их диалектической взаимосвязи. Иное осмысление, выявление взаимосвязей в их отдельности и нерасчленённости образов представлено в целостности художественного произведения. Сама эта целостность, единство художественного произведения в момент его высказанности, договорённости несёт в себе множество интенций и недоговорённостей, незавершённых потенциалов, обращённых к читателю. Так сущность литературы и литературного творчества, феномен художественного мира и литературного произведения понимаются уже русскими романтиками первой четверти XIX века. Споры с жанровым догматизмом и требованием подражания природе и образцу и защита романтиками идеи художественного творчества не как подражания природе, а творения подобно природе, привело авторов эстетических трактатов указанного периода к открытию феномена художественного мира, самостоятельного бытия литературного произведения и художественного вымысла как духа, оживляющего произведение, наполняющего его естественностью и естеством, создающего его целостность.

В одновременных целостности и недосказанности художественного высказывания состоит парадокс, заключающийся также в ясности и загадке, точности (единственное найденное, избранное и рождённое высказывание) и многозначности художественного слова.

И если единственное и точное слово философа сообщает нечто важное другим философам, избранным мудрецам, то много-

значное образное слово поэта обращено ко всему миру, ко всем без исключения. Так, В. Ф. Одоевский пишет об элитарной, кастовой и предельно умозрительной сущности философии, о её, как бы мы сейчас сказали, имплицитных, интравертных свойствах. Литература, наоборот, устремлена вовне.

По мнению В. Ф. Одоевского, как философ, так и поэт стремятся к познанию, самопознанию, рефлексии. Но при этом поэт «стремится извергнуть свою душу, вывести сокровища из их таинственного святилища, философ же боится открыть их взорам простолудинов и созерцает свои таинства внутри святилища»[4, с. 33]. Элитарная усложнённая деятельность философа контрастирует со стремительной, чувственной, образно-ощутимой, «рассчитанной» на сочувствие и сотворчество самореализацией поэта. Философ объясняет, поэт создаёт идеал и пытается примирить его с действительностью каждый раз при всём их огромном разрыве – в пространстве художественного мира.

Поэта и философа В. Ф. Одоевский называет «жрецами святилища, наиболее близкими божеству». Стремление к познанию, самоанализ и рефлексия как внутренние свойства личности, нашедшие выражение в философии, и их творческая овнешнённая реализация в поэзии, в единстве её формы и содержания, в чувственных образах художественного произведения, по мнению Одоевского, близки к религиозному синкретизму. Критик приходит к выводу, что душа человека божественна именно потому, что он способен не только к познанию и самопознанию, но и к культурному творчеству. Однако, претворение, пересоздание и сотворение мира невозможно без его познания, без анализа и синтеза философского характера. Поэтому в литературе Одоевский находит философичность, а в поэте ищет философа. Русские романтики философского направления в своих эстетических концепциях опирались прежде всего на идеи Ф. Шеллинга. В то же время, в их трудах наблюдается существенное расхождение со взглядами своего учителя именно в концепции литературного произведения, которое, по их мнению, является воплощением и носителем особой художественной действительности, самостоятельной художественной субстанции, порождающей собственные законы и обнаруживающей универсальные известные и скрытые закономерности бытия искусства. Восприятие литературного творения как эстетической субстанции привело русских романтиков к смещению центра эстети-

ческой науки в сторону художественности как первопричины искусства и к идее о необходимости выделения из неё теоретического знания. *Литературное произведение мыслится одновременно как факт художественной действительности (всякий раз подтверждающий свою реальность в момент каждого прочтения), особая художественная действительность (художественный мир, явленный в диалектическом единстве формы и содержания) и следствие законов, управляющих творческой деятельностью человека, т.е. объективно существующих законов, законов действительных.*

Как философия, так и литература в качестве предмета своего внимания видят мир, в котором существенное пространство занимает действительность (при наличии надреальных ноуменальных сфер и проявлений мира). Но отношение к действительности философа и поэта принципиально разное.

Философия стремится к точности и открытию мира. Открытие художественного мира состоит в его многогранности и бесконечной незавершённости образа при целостности произведения и узнаваемости неузнаваемого, когда художественная реальность воспринимается как нечто действительное даже в самых фантастических и причудливых своих выражениях.

Если философская наука правомерно и закономерно может затронуть какую-либо одну избранную в качестве своего предмета сторону реальности (память, сознание, существование и т.д.), то художественное произведение на любую тему и любого жанра – всегда целостный мир. Таким он является именно благодаря своей единой и единственной (уникальной) многозначности, где каждый отдельный многозначный образ обладает интенцией на читательское восприятие, на диалог и сотворчество – знаменитое бахтинское «созидательное общение» автора и читателя. И множественность, неоднозначность, противоречивость («образ Сфинкса» - модель художественного образа у Ю. Борева) словесного художественного образа никак не мешают, а лишь способствуют его восприятию читателем как единственного и единственно точного. Точность художественного слова состоит в его эстетической многозначности, в отражении действительности в её диалектическом многообразии в одном едином и неделимом и внутренне множественном художественном слове. В этом и есть парадокс эстетиче-

ского воспроизведения действительности в литературе, где она одновременно представлена такой, как она есть, такой, какой она существует только в пространстве художественного произведения и никогда не будет в реальном мире, и одновременно такой, какой она должна быть (эстетический идеал).

Целостность, единство художественного произведения в момент его высказанности, договорённости (в отличие от завершённого философского труда, единой философской системы) всегда несут в себе множество интенций и недоговорённостей в своей обращённости к читателю. В этом парадокс единства и незавершённости, ясности и тайны, точности (единственно найденное, избранное и возрождённое слово) и многозначности художественного слова.

По мнению русских романтиков, философия стремится к преобразованию мира через осознание и анализ процессов действительности, литература преобразует, создавая другую реальность, никогда не совпадающую с реальностью мира.

Идеи, содержащиеся в работах П. А. Вяземского, С. П. Шевырёва, В. Ф. Одоевского, А. И. Галича, И. В. Киреевского, получили развитие в современной эстетике, теории художественного творчества.

Взаимоотношения авторского сознания с действительностью глубоко исследованы В. Ф. Одоевским, который понимал произведение как художественный мир, обладающий собственными уникальными законами существования и саморазвития. Авторское сознание, преломляющее действительность в субъективном фокусе индивидуального миропонимания, примиряет самопознание и мировосприятие в процессе художественного переосмысления мира, который разворачивается по символическим законам этого одновременно уникального и всеобщего сознания. Это процесс онтологический по сути: проявление Единого Духа, божественной сущности в индивидуальном, единственном художественном сознании. Поэтому, по мнению В. Ф. Одоевского «в философии нельзя быть оригинальным, в поэзии – должно» [6, с. 161].

Центральной идеей эстетической теории А. И. Галича, содержащейся в его программной работе «Опыт науки изящного», без сомнения, является мысль о «самостоятельном бытии» и «безусловном характере» литературного произведения, выражающихся через его естественную целостность, «целость органическую».

Безусловное бытие литературного произведения проявляется через органическую слитность его идеи и её формального выражения. «Целость органическая» вместе с самостоятельностью произведения, замкнутого в собственном бытии и открытого для его восприятия, выделяются А. И. Галичем в качестве эстетических свойств и специфических характеристик художественного мира (художественной действительности). Критик говорит о естественности изящного как о его особой надприродной органичности.

О невидимой, недосказанной части образа и о значении вымысла в создании художественной действительности писали Д. И. Веневитиков и П. А. Вяземский. Для Веневитикова эстетическая реальность – результат свободного и одновременного соединения мысли и чувства в эстетическом выражении (сущность художественного вымысла). Вяземский в «пустотах» недосказанности художественного образа видит такие же важные части целого, как и то, что получило своё выражение. Критик высказывает мысль, находящуюся и в основе современных эстетических теорий, о том, что литературный образ имманентно содержит вербально не выраженное наполнение, которое лежит в основании сотворчества авторства и читателя, пробуждая творческое воображение последнего. Именно это сотворчество делает литературную действительность действительной.

Большой вклад в понимание специфики художественного творчества и того, что такое художественная действительность, художественный мир в создании и явленности, внёс И. В. Киреевский. Критик обосновал идею естественной взаимобусловленности самопознания авторской индивидуальности и образования литературы «художественных миров».

Мысль о гармонии «бесчисленных изменений тонов» (многомерности образов) в едином образе литературного произведения, о принципиальном инобытии поэзии по сравнению с действительностью, о высказанной действительности как принципиально оригинальной получила развитие в трудах культурологов, авторов эстетических трудов, литературоведов – Й. Хейзинги, М. М. Бахтина, Ю. Б. Борева и др.

Идея самостоятельного бытия литературного произведения и его органической целостности в наше время разрабатывалась М. М. Бахтиным, М. М. Гиршшаном, В. В. Кожинным.

О диалогичном содержании литературы, которое заключается прежде всего в диалоге «художественность – действительность», писал ещё И. В. Киреевский, выделивший три направления этого общения в развитии русской литературы первой трети XIX века: 1) диалог автор – читатель в литературном произведении; 2) диалог философского и литературно-художественного начал в отношении к действительности (осуществляется и в сфере индивидуального поэтического творчества, и в пространстве развёртывающегося литературного процесса); 3) диалог русской литературы с другими литературами и вообще с «остальным миром». В XX в. диалогичности литературы были посвящены знаменитые труды М. М. Бахтина.

Таким образом, русская эстетическая мысль первой четверти XIX в. положила начало разграничению в понимании интеллектуально-творческого освоения мира философией и литературой. Определяющими направлениями бинарности мировосприятия и воссоздания картины мира философом и поэтом явились: 1) осознание и анализ сущности философской методологии и метода художественного творчества в их пересечениях и коренных различиях; 2) принципиальная разница отношения к действительности, заключающаяся в точности философских формулировок и терминов и неосознанности художественного высказывания и образа.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы / С. С. Аверинцев. – М.: Наука, 1981. – С. 3-14
2. Бройтман С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман. – М.: РГУ, 2001. – 420с.
3. Михайлов А. В. Проблемы анализа и перехода к реализму в литературе XIX века // Методология анализа литературного процесса / А. В. Михайлов. – М.: Наука, 1989 – С. 31-39
4. Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве / В. Ф. Одоевский. – М.: Современник, 1982. – 223с.

A. E. Otina

(Candidate of Philological Sciences, Associate Professor)

Donetsk national technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

e-mail: otina.anna@mail.ru

**REALITY IN THE MIRROR OF RUSSIAN LITERATURE
AND AESTHETIC THOUGHT OF THE FIRST QUARTER OF
THE XIX CENTURY**

***Annotation.** The article analysis the binary opposition contained in the perception of reality by philosophy and fiction. The focus of research attention is on the aesthetic treatises of Russian thinkers of the first quarter on the XIX century- transitional period from the traditionalist cultural type to the individual author's era, when the first domestic philosophical, aesthetic and proper literary reflections arose and the foundations of the theoretical understanding of philosophy and artistic creative as forms of reality and transformation of reality.*

***Key words:** Reality, fiction, independent being, dialogue, understatement.*

УДК 1.124.2

В. С. Ромадыкина

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени М. Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: vitalija.romadykina@gmail.com

ТРИЕДИНАЯ ФОРМУЛА РУССКОЙ ДОКТРИНЫ «ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ, НАРОДНОСТЬ» СЕРГЕЯ СЕМЕНОВИЧА УВАРОВА

***Аннотация.** Концепция «Самодержавие. Православие. Народность» была задумана как великодержавная национальная идея способная противостоять всем антимонархическим движениям: сплотив народ, направить всю его энергию на упрочение могущества Российской Империи. Автор делает вывод, что национальная идея «Самодержавие. Православие. Народность» не вполне соответствовала социально-политической ситуации, в силу чего не смогла реализовать весь свой потенциал. Новые времена требовали кардинально новой национальной идеи.*

***Ключевые слова:** «русская идея», идея, национальная идея, государственность, власть.*

Внутренняя политика в России в начале XIX века, была противоречива и требовала пристального внимания: патриотический подъём после победы в войне 1812 года актуализировал идеи свободы, воли, республики. Создаются различного рода антимонархические кружки, союзы, объединения.

Одним из ярких и оставивших заметный след в российской истории стало движение декабристов (1825 год), которое было тем более симптоматично, что в его состав входили представители высших кругов, по сути те, кто должен был стоять на страже монархии, её оплот и надежда. Его разгром показал обществу несостоятельность либеральных идей и, одновременно, опасность «революционной заразы», доносившейся из Европы.

Необходимо было срочно сплотить население. И сплотить именно на основе консервативной национальной идеи, питаемой теми принципами православной нравственности, которые были положены в основу «Священного союза», перенеся идеи из внешней

политики во внутреннюю. Выразителем данных принципов стала новая концепция национальной идеи «Православие. Самодержавие. Народность», сформулированная и обоснованная графом С. С. Уваровым. «Еще в 1810-е годы Уваров пришел к убеждению, что в Европе революция стремится уничтожить культуру, просвещение и «народный дух», тогда как Россия может развиваться без революционных потрясений, опираясь на свои духовные, политические и национальные традиции. Уже в ранних работах, написанных под воздействием романтического ориентализма, он выступает как христианский просветитель, геополитик, предтеча евразийства, критик философии французского Просвещения и защитник христианской культуры и религии. Будучи философом-христианином, Уваров С.С. связывает «истинную свободу» с духовно-нравственной жизнью народа, добивается совершенствования политического через совершенствование нравственного, выводит освобождение гражданского из освобождения духовного. В отличие от многих представителей высшего чиновничества николаевской России, видевших в развитии образования революционную угрозу, он, напротив, рассматривает просвещение как наиболее эффективное средство укрепления российской государственности» [2].

Новая концепция национальной идеи российского государства 19 ноября 1833 года в документе «Православие. Самодержавие. Народность.» была представлена графом Уваровым С. С., министром народного просвещения.

В условиях европейских революционных мятежей и смут С.С. Уваров утверждал, что Россия способна сберечь исконно народный соборный дух, на который «Европа смотрит, как изможденный старец на бодрость и силу цветущего юноши» [11, с. 24].

Сергей Семёнович при создании концепции развития России видел главную задачу в том, чтобы изначально, до её создания, найти специфические российские черты, сделав их базовыми элементами всей конструкции, и выразить их в чёткой формуле великодержавной национальной идеей, способной противостоять всем антимонархическим движениям. И, по его мнению, ими являлись на тот момент три составляющие, «три кита» могущества и процветания Российской империи:

1) православие как связь с предками и величием прошлого через веру;

2) самодержавие как политический гарант свободы и будущего Государства Российского;

3) народность как ориентир для деятельности правительства, поскольку его основная задача – забота о благе Отечества и, следовательно, народа.

По его мнению С.С.Уварого, основательное образование необходимо сочетать с глубокими убеждениями и верой в истинно русские охранительные традиции православия, самодержавия, народности, которые составляют краеугольный камень спасения страны и важнейший залог силы и величия отечества [12, с. 300].

Следовательно, его триада новой национальной идеи была полностью способна эффективно выполнять и объединяющую, и целеполагающую функции по обеспечению государственности.

Объединяющая функция реализовывалась через элементы «самодержавие» и «православие» – обращение к объединению вокруг государства через веру: по выражению самого Уварова С. С. мы должны «...обратиться к духу монархических учреждений и в них искать той силы, того единства, той прочности, коих мы слишком часто думали открыть в мечтательных призраках равно для нас чуждых и бесполезных» [6, с. 67].

Целеполагающую функцию выполняли элементы «православие» и «народность». Элемент «православие» включал в себя большую смысловую нагрузку:

- как исключительность России – хранительницы чистоты веры;
- как объединяющая страну сила;
- как нравственные основы воспитания народа.

Элемент «народность» сам граф расшифровывал следующим образом: «...Относительно народности всё затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий, но народность не заставляет идти назад или останавливаться, она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет свой состав по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; доволь-

но, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий» [8].

Таким образом, формулировка национальной идеи «Самодержавие. Православие. Народность», предложенная графом Уваровым С. С., полностью отвечая социально-политическим запросам текущего исторического периода, была благосклонно принята Николаем I и официально закреплена в статусе государственной национальной идеи Российской империи.

Однако, несмотря на чёткую оформленность, уваровская триада, как практически, любая национальная идея, могла, при желании, быть истолкована на различных уровнях.

Кроме того, было различие понятий триады между властью и интеллигенцией. Первая полагала, что её главный смысл заключается в упрочении царской власти через религию. Вторые – видели тождество с идеями Московского царства, то есть «...неизменная организация церковная <...> есть крепкая, исторически сложившаяся организация государственная, охраняющая единство и независимость нации извне, законный порядок и ближайшие насущные интересы внутри...» [9, с. 105]. Славянофилы особо выделяли «народность» и видели в ней, прежде всего, воплощение соборного начала как высшего проявления народной души и народного, противопоставляя своё понимание так называемой «официальной народности».

При этом употребляемое ими понятие «официальная народность» широко и многозначно применялось, в том числе и научных источниках, а некоторые из исследователей в принципе считают его некорректным. Однако славянофилы и большинство представителей того времени употребляли понятие «официальная народность» в значении «внутренняя и внешняя политика власти во главе с Николаем I».

Историк А. Н. Пыпин назвал эту формулу «теорией официальной народности», считая, что Россия является совершенно особым государством и особой национальностью, непохожими на другие государства и национальности Европы. К России совершенно неприменимы критерии и требования европейской жизни. В ней одной преобладает истинный порядок вещей, отвечающий и требованиями религии и истинной политической мудрости [7, с. 82-83]. «Православие. Самодержавие. Народность» – это

сформированный духовно-политический идеал, к которому должна была стремиться российская империя. Триада стала сердцем концепции исторического развития России и в дальнейшем.

С позиции учёного Н. И. Цимбаева, значение деятельности министра графа Уварова С. С. заключается именно в том, что сформулированная им триада через официальную идеологию, ориентиром для которой она стала, оказала большое влияние на общественное сознание 30-х годов XIX века: «Уваров немало содействовал расколу в русском обществе и показал свое умение бороться со всем, что носило отпечаток либеральных идей. С помощью услужливых журналистов министр поссорил недавних друзей и будущих союзников, принизил до почти болгаринского уровня передовые «Отечественные записки», представил «Москвитянин», журнал без читателей, законным выразителем всех оттенков самобытной русской мысли Москвы сороковых годов. В противостоянии официальной идеологии российские либералы, по сути, терпели поражение» [15, с. 71-72]. Однако понятие «успех», как полагает исследователь, здесь странный, поскольку министр, проявив политическую гениальность, по сути, сформулировал «идею национальной исключительности и имперского превосходства России», отражавшую только «теорию казенного патриотизма победоносной военной империи» [14, с. 71-72].

Определённый итог в оценке и триады, и её исторического значения для текущего момента подводит Левандовский А. Л.: «Так и не став философской системой, теория «официальной народности» сомкнулась с консервативным мировоззрением, которое веками вырабатывалось в господствующем классе, придав ему необходимую цельность и законченность, освятив его благословением высшей власти. О результатах этого процесса можно судить на основании массы документальных материалов, мемуаров, писем, исходивших из самых разных слоев этого класса: от правящих верхов до самого «дремучего» провинциального дворянства» [4, с. 6, 8, 9].

Таким образом, основные события XIX века – наполеоновские войны в Европе и Отечественная война 1812 года в России, либеральные брожения в умах интеллигенции и их апофеоз виде Великой Французской революции и восстания декабристов, выстраиваются в единую цепочку закономерностей, завершившихся переориентацией политической элиты России в сторону нацио-

нального консерватизма. На мировой арене это привело к тому, что Россия заняла прочное положение в качестве бастиона европейского консерватизма и хранилища базовых ценностей, в большой мере утраченных Западом в предшествующую эпоху.

Переломным моментом триады графа Уварова С. С. и выработанной на её основе теории официальной народности, стал период реформ Александра II в 1860 – 1870 годах, направленных на практическую реализацию либеральных идей, однако вновь повторился «...неизменный алгоритм авторитарного правления: готовит реформу воодушевление либеральной идеей, а проводит её в жизнь осторожность консервативной практики. Так, охранительный инстинкт, выработанный многовековой рутинной самодержавного правления, проявил себя во внутренней противоречивости большинства либеральных преобразований. Например, крестьянская реформа, делая землепашца формально свободным, на десятилетия предопределила его экономическую и социальную зависимость от общины, хозяйственную несвободу от государства...» [13, с. 91].

Кровавое воскресенье [3] 9/22 января 1905 года окончательно скомпрометировало самодержавие в глазах народа, а фраза предводителя мирного шествия священника Георгия Гапона: «У нас нет больше царя. Река крови отделяет царя от народа. Да здравствует борьба за свободу!»[5], – стала грозным пророчеством, предрекшим события 1917 года.

Реальная возможность событий, произошедших в 1917 году, была подготовлена следующими моментами:

1) качественное изменение в составе населения (в начале XX столетия 88% населения были рабочие и свободные крестьяне);

2) на внутренне политической арене появился новый активный игрок – пролетариат [3];

3) усугубление социальных проблем на фоне промышленного роста России и сопровождавшего его экономического подъёма (по показателям этих уровней Россия в начале XX века опередила США и крупнейшие европейские державы);

4) проведение реформ по западным образцам без учёта российских особенностей.

То есть перечисленные выше составляющие в совокупности произвели коренные изменения в сознании масс по восприятию

смысла православия, самодержавия и народности и настроили его в унисон с идеями марксизма.

Отречение Николая II от престола 2 марта 1917 года стало апофеозом социально-экономического и политического кризиса [1], актуализировавшим необходимость поиска новых духовных ориентиров [10], оформления их в новую национальную идею, которая могла бы указать новое направление развития российской государственности и мобилизовать народ идти по нему.

Таким образом, «русская идея» с самого начала была призвана, и успешно справлялась с этой задачей, сплотив народ, направить всю его энергию сначала на создание Российской империи, позднее – на упрочение её могущества. Однако к 1917 году она исчерпала свой потенциал. Новые времена требовали кардинально новой национальной идеи.

Список литературы

1. Борщукова, Е. Д. Патриотические настроения и отречение Николая II от престола: причинно-следственные связи. – Текст : электронный // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2010. – № 120. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskie-nastroeniya-i-otrechenie-nikolaya-ii-ot-prestola-prichinno-sledstvennye-svyazi>.
2. Гаврилов, И. Б. Сергей Семенович Уваров. Жизнь. Труды. Мирозозрение. – DOI 10.24411/2541-9587-2019-10019. – Текст : электронный // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. – Санкт-Петербург, 2019. – № 2 (4). – С. 131–191. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sergey-semenovich-uvarov-zhizn-trudy-mirovozzrenie>.
3. Карнаушенко, Л. В. Антиправовые стратегии политической борьбы в Российской империи конца XIX – начала XX века и их влияние на правосознание : соц.-истор. анализ. – DOI 10.24411/2073-3313-2020-10052. – Текст : электронный // Закон и право. – 2020. – № 2. – С. 15–18. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antipravovye-strategii-politicheskoy-borby-v-rossiyskoy-imperii-kontsa-xix-nachala-xx-veka-i-ih-vliyanie-na-pravosoznanie-sotsialno>.
4. Левандовский, А. Л. Т. Н. Грановский в русском общественном движении / Левандовский А. Л. – Москва : Изд-во МГУ, 1989. – 251, [2] с.
5. Ленин, В. И. Начало революции в России. – Текст : электронный // Вперед. – 1905. – № 4, 31 (18) янв. – URL: <http://lenin.rusarchives.ru/dokumenty/stati-vi-lenina-nachalo-revoljucii-v-rossii-i-revolucionnyye-dni-opublikovannye-v-gazete>.

6. Полное собрание законов Российской империи повелением государя Николая Павловича составленное. – Санкт-Петербург : тип. П. Отд-ния собственной Его Император. величества Канцелярии, 1830. – Собрание Первое : с 1649 по 12 дек. 1825 г. – Текст : электронный // Книжная полка Crusoe. – URL: <https://on-island.net/PSZ-1.htm>
7. Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. – СПб., – 1873. – С. 82-83.
8. Россия. Министерство народного просвещения. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833-1843 : (записка, представл. государю императору Николаю Павловичу министром нар. просвещения графом Уваровым в 1843 г.). – Санкт-Петербург : Тип. Имп. акад. наук, 1864. – 161 с. – Текст : электронный // Государственная публичная историческая библиотека России : электрон. б-ка. – Москва, cop. 1863–2021. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/22068-rossiya-ministerstvo-narodnogo-prosvescheniya-desyatiletie-ministerstva-narodnogo-prosvescheniya-1833-1843-zapiska-predstavlennaya-gosudaryu-imperatoru-nikolayu-pavlovichu-ministrom-narodnogo-prosvescheniya-grafom-uvarovym-v-1843-g-spb-1864>.
9. Солоневич, И. Народная монархия / Иван Солоневич. – Текст : электронный // Великая Россия. – [Москва], 2021. – URL: <https://velikoross.org/narodnaya-monarhiya>.
10. Степанов, И.И. Кризис религиозного сознания в России в 1917 году : (по материалам опубл. архив. док., период. печати, дневников) / Степанов И.И. – Текст : электронный // Христианское чтение. – 2020. – № 3. – С. 117–124. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-religioznogo-soznaniya-v-rossii-v-1917-godu-po-materialam-opublikovannyh-arhivnyh-dokumentov-periodicheskoy-pechati-dnevnikov>.
11. Уваров С. С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. – СПб., 1813. – 28 с.
12. Уваров С. С. Избранные труды / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. – М. : РОСС-ПЭН. – 719 с.
13. Фогель М.В. Роль национальной идеи в современном политическом развитии России и Германии : дне. ...канд. полит, наук. – М., 2004. – С. 91.
14. Цимбаев Н.И. «Под бременем познания и сомненья...» (Идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи: (Мемуары современников). – М.: Изд-во МГУ, 1989. - С. 31.
15. Цимбаев Н.И. Московские споры либерального времени... // Русское общество 40-50-х годов XIX века. - Ч. 1. Записки А.И. Кошелева. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 27.

V. S. Romadykina

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)
Donetsk National University of Economics and Trade named
after Michael Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)
E-mail: vitalija.romadykina@gmail.com

**THE TRIUNE FORMULA OF THE RUSSIAN DOCTRINE
«ORTHODOXY, AUTOCRACY, NATIONALITY»
SERGEY SEMENOVICH UVAROV**

***Annotation.** Concept “Autocracy. Orthodoxy. Nationality” was conceived as a great-power national idea capable of confronting all anti-monarchist movements: consolidating the people, target all its energy to strengthening the power of the Russian Empire. The author concludes that the national idea “Autocracy. Orthodoxy. Nature” did not quite fit the socio-political situation, which was not able to realize all its potential. New times demanded a radically new national idea.*

***Key words:** “Russian idea”, idea, national idea, statehood, power.*

УДК 101.9

А. С. Романова

(аспирант)

Донецкий национальный университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: anna.romanova1810@gmail.com

САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

***Аннотация.** Работа посвящена исследованию античных идей личностного саморазвития. Сделан вывод о том, что, хотя понятий личности и личностного саморазвития в античной культуре не существовало, именно античными мыслителями впервые была осознана важная роль образования в саморазвитии человека. Личность в античной культуре имела смысл только как часть гражданской общины. Личностное саморазвитие в Античности представляло собой процесс физического и духовного становления человека как достойного гражданина полиса.*

***Ключевые слова:** личность, общество, философия, культура, саморазвитие, Античность.*

Личность (греч. *persona*, маска в древнегреческом театре) – это отдельный человек с определенными чертами характера, индивидуальными способностями и склонностями. Изучение личности и ее саморазвития тесно связано с социокультурным контекстом, обусловленным историческими особенностями развития общества и культуры. Важнейшую роль для понимания философских оснований личностного саморазвития играет обращение к античному опыту, поскольку именно Античность, наряду с христианством, является одним из духовных оснований современной европейской культуры.

В период Античности не существовало понятия личности в современном значении этого слова. Это было связано с отсутствием развитой субъектности и индивидуальной свободы. Древний грек не мыслил себя вне полиса – города-государства, с которым он был единым целым. В период греческой Античности сформировался идеал гражданина, который приносит жертвы богам-покровителям полиса, участвует в коллективном принятии решений на народном собрании и становится на защиту своего полиса в

военных конфликтах. В полисе сливались общество и государство. Полисы строились на принципах автаркии (самодостаточности), исономии (равноправия перед законом свободных граждан), участия всех свободных и зрелых членов полиса мужского пола в процессе принятия политических решений. Полис поддерживал относительную социальную однородность – он вводил максимум для богатых, наделяя участками граждан, потерявших землю, финансируя переселения на новые территории и создание там колоний. Внутреннее единство полиса опиралось на развитую сеть ассоциаций и союзов – религиозных, дружеских, политических, литературных. Возглавляло полис народное собрание, куда входили все свободные совершеннолетние греческие мужчины. Личностная свобода жителя античного полиса заключалась в праве участвовать в полисных делах.

В Античности, как и в эпоху Средневековья, не было понятия о личностном развитии ребенка. Как пишет И. Арзамасцева, античный мир не оставил Европе в наследство литературы для детей, хотя бы в виде разрозненного набора текстов [1, с. 48]. При этом древнеримская литература, которая начиналась с переводов греческих произведений, была призвана, прежде всего, служить образованию детей и юношества, а детские годы обычно были частью биографических описаний, но никогда не становились темой отдельной завершенной работы. В Античности дети не были объектом культурного влияния в эстетическом и педагогическом смысле, и даже дети аристократии не обладали свободой индивидуального самовыражения. Жизненный путь ребенка в идеале был путем подражания примерам достойных предков, так же, как и позднее, в Средневековье действовал принцип – «каков отец – таков и сын».

Личность в Античности не была самоценной. Она имела смысл только как часть гражданской общины. Полис контролировал имущество, воспитание и религию граждан. Можно было сомневаться в общегреческих богах, но сомневающиеся в богах-покровителях полиса жестко преследовались. Полис мог приказывать женщинам отдать все драгоценности на благо общины, наказывать холостяков за то, что они не вступают в брак. В Локрах мужчины не могли пить вино без воды, в Риме, Милете и Массилии это запрещалось женщинам, на Родосе и в Византии было запрещено бриться, в Спарте законы устанавливали женский головной убор [2, с. 135]. В классическую эпоху возникла равновесие между коллек-

тивом и индивидом. Политиков и народ начали высмеивать в комедиях (Аристофан). Ремесленники стали подписывать свои работы. Рост личной свободы проявлялось в мистериях и трагедии. Если раньше там главную роль играл хор, то потом на первое место выходят герои трагедии.

Греко-римская Античность впервые ставит в центр духовных поисков самого человека и во всем принимает человеческий масштаб измерения («Человек есть мера всех вещей»). Античность, а позже и Европу, интересуют реальный мир и реальная живая личность.

В эллинистический период полис находился в кризисном состоянии. Были нарушены традиционные связи между государством и гражданином. В связи с этим активно формировались новые ценностные доминанты. Полисный патриотизм уступил место космополитизму. На смену образу героя-гражданина приходит индивидуализированная личность со своими интересами и переживаниями. Характерное и индивидуальное начинает доминировать над идеализированно-типичным. В искусство постепенно приходят драматический пафос и экспрессия, лиризм и грациозность.

Развитие античной, а в дальнейшем и всей западной цивилизации было во многом обусловлено античным принципом агональности (соперничества), который пронизывал военную, политическую, судебную, спортивную и художественную сферы жизни. Смыслом этого соперничества было достижение славы и формирования достойной личности, причем личные заслуги оценивались только с учетом соблюдения общественных интересов полиса. Целью при этом является утверждение своего творческого «Я», что в дальнейшем станет аксиологической основой западной цивилизации.

Проблема личности отчасти раскрывается в период Античности в контексте учения о душе и ее компонентах. Представитель атомизма Демокрит [3] полагал, что поведением человека руководят два равноправных начала – эмоциональное и рациональное. Эти два начала определяют два уровня познания мира. Чувственное познание позволяет воспринимать только преходящие вещи, образованные соединением атомов, в то время как постичь внутренние закономерности устройства мира можно лишь на высшем рациональном уровне. Душа человека смертна и материальна. Она

состоит из самых маленьких гладких и подвижных атомов (атомы огня), которые рассеяны по всему организму, а после смерти распадаются и образуют новые комбинации с другими атомами.

Эпикур продолжил развитие идей Демокрита, но приоритетную роль в определении человеческой поступков отдавал эмоциональной компоненте [4, с. 301-302]. Философ считал, что существуют высшие духовные чувства, которые доставляют человеку истинное наслаждение. Все действия обусловлены стремлением получить наслаждение и избежать страданий (гедонизм). Антропологический переворот в философской мысли Античности, который совершил Сократ [5, с. 35], поставивший человека в центр философских поисков, также затрагивал в своих рассуждениях вопрос личности и ее развития. Он стал первым мыслителем, который считал душу человека не только фундаментом его деятельности, но и источником свободы, разума и нравственности.

Ученик Сократа – Платон, также полагал, что активность человека направляется его душой, в которой мыслитель выделял три части – вожделеющую (относится к животным биологическим порывам), эмоциональную (связана с чувствами и потребностями надорганического уровня) и разумную (выступает основой нравственности) [6, с. 275-278]. По аналогии со строением души мыслитель сформировал свое представление об идеальном общественном устройстве, включающем правителей-мудрецов, воинов, а также ремесленников и земледельцев, обеспечивающих материальную основу общественной жизни.

Для Аристотеля душа – это форма, состоящая из разумного и неразумного начал [7, с. 401-402]. Разумная часть души позволяет личности осуществлять выбор мотивов и целей деятельности. Неразумная часть души, включающая аффективную и вегетативную компоненты, отвечает за метаболизм, размножение и рост. Моральное сознание личности и ее нравственной совершенство зависят от разумной части души, которая обеспечивает сознание и волю. Саморазвитие личности Аристотель считал возможным, если правильно определена цель данного процесса.

Таким образом, хотя понятий личности и личностного саморазвития в античной культуре не существовало, именно античными мыслителями впервые была осознана важная роль образования в саморазвитии человека. Важнейшей ценностью полисной культуры была эвристика – направленность на познание нового и осознание

самоценности знаний как таковых. Греки предложили миру уникальную систему образования – пайдейю, которая по сути своей была направлена на формирование человека как достойного гражданина и как целостной, развитой физически и интеллектуально личности.

Список литературы

1. Арзамасцева И. О концепции «детство» в древнеримской литературе / И. Арзамасцева // Развитие личности. – 2004. – №1. – С. 42–61.
2. Куланж де Фюстель Н.-Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Ньюма-Дэни Фюстель де Куланж. – М.: ЛитРес, 2021. – 350 с.
3. Асмус В.Ф. Демокрит / В.Ф. Асмус. – М.: Издательство МГУ, 1960. – 77 с.
4. Эпикур. Письмо к Геродоту / Эпикур // Тит Лукреций Кар. О природе вещей. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 292–306. – (Библиотека античной литературы).
5. Асмус В.Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус. – М.: Высшая школа, 1999. – 400 с.
6. Платон. Государство / Платон; [пер. с греч. А. Н. Егунов]. – СПб.: Наука, 2005. – 576 с.
7. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения в 4-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1983. – С. 371–448.

A. S. Romanova

(graduate student)

Donetsk National University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail – anna.romanova1810@gmail.com

SELF-DEVELOPMENT OF A PERSONALITY IN THE MEANING SPACE OF ANTIQUE CULTURE

***Annotation.** The work is devoted to the study of antique ideas of personal self-development. It has been concluded that although the concepts of personality and personal self-development did not exist in ancient culture, it was ancient thinkers who first realized the important role of education in human self-development. The individual in antique culture made sense only as part of a civil community. Personal self-development in Antiquity was a process of physical and spiritual formation of a person as a worthy member of the polis.*

***Key words:** Personality, Society, Philosophy, Culture, Self-development, Antiquity.*

УДК:101.1::316

Е. А. Нафанец

(старший преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского,

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: elena.nafanec@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРЫ

***Аннотация:** в данной статье рассматриваются основные стороны культуры, ее законосообразность и уникальность в формировании духовности личности, определяются утраты человеческого индивидуального и коллективного бытия и критерии оценки культурного процесса, сделана попытка рассмотреть основные тенденции развития культурной ситуации современности.*

***Ключевые слова:** культура, общество, человек, ценности, духовная жизнь, среда обитания, мировоззрение.*

В современном обществе существует немало неподконтрольных процессов, обращенных против человека. Способностью отчуждаться от человека, утрачивать свой первоначальный жизненно-практический смысл обладают не только экономические процессы, но и техника, наука, даже искусство. Техника, наука и искусство все чаще пытаются навязать обществу свои чисто экспериментальные новшества, выдать их за нечто «сверхважное» и тем самым подчинить естественноисторический процесс надуманным проектам коренных преобразований [1].

Никогда прежде в мировой культуре не звучали так громко призывы к защите уже существующих среды обитания, жизни, памятников, духовного наследия, нравственных устоев. Тема защиты и сохранения укоренена в глобальной ситуации человечества, связана с осознанием недопустимости бесконтрольного, автоматического прогресса.

Культура как среда обитания человека, становления его индивидуальности и закрепления его национальных корней со временем утратила свойства полиморфной системы, существовавшей в виде механических актов социального бытия, и заняла позиции двигателя истории, идеологии, мировоззрения и, разумеется, социальной реальности. В настоящее время обнаруживаются все более отчет-

ливые подходы к систематизации и вычленению наиболее ярких и значимых для эволюции человека социокультурных традиций и тенденций, рассматриваемых в процессах становления, динамики культуры [1].

С целью обеспечить объективный взгляд на культуру вырабатываются методы, учитывающие культурную генетику, культурную коммуникацию, динамическую историю культурных норм и ценностей. Ракурс оценки богатого культурно-исторического материала изменился в той мере, что культура стала рассматриваться не как «застывший» феномен, не как идеализированный мир человеческого существования, а как движущееся и движимое явление с открытыми границами для информационного взаимодействия. По словам А. Н. Быстровой, «если оставаться в рамках информационной парадигмы, то необходимо выделить минимум две стороны культуры. С одной стороны, географическое пространство, представляющее собой среду обитания людей... С другой стороны, различные символы, опредмеченное знание, результаты многообразной человеческой деятельности становятся языком культуры» [2, с. 33-34].

В любом случае культура – мощнейший информационный поток, охватывающий все структуры повседневности, социального мира, не только земные территориальные просторы, а также космические дали и высоты, - но не обязательно в качестве «передающего устройства». Культура – это всегда автономный источник информации и коммуникации, для понимания которого необходим особый «живой» язык. Понимание культуры в ее открытости человеку и социуму зависит от многих обстоятельств – времени, концепции человека и личности, условий свободы, ответственности [1].

Роль культуры в духовной жизни человека, социума, в процессе становления их духовно-нравственных и ценностно-нормативных принципов очень велика. Понимание культуры становится задачей и обязанностью общества. Понимание культуры – выяснение тех смыслов, от которых зависит развитие человека; и это феномен мировоззренческого порядка, предполагающий признание за культурой доминирующей позиции в бытии. Смысловыми элементами культурной системы, как известно, являются символы, знаки, тропы, образы [1].

Для русской культуры двадцатого века дешаблонизация идейно-политического концепта «культы личности» и в целом тоталитаризма была затруднена не только по причине жестокости властей и эффективного нивелирования народного самосознания, но и в связи с тем, что культура подменялась комплексом культурных форм, безжизненных и не способных преодолеть социальную инерцию, заданную эпохой и общественными отношениями.

«Cultura» как возделывание почвы еще в далекие времена античности полагало социально-гармонизирующее действие человека, нацеленное на изменение окружающей действительности для получения социальной пользы в соответствии с принципами социальной справедливости и общественного интереса. В. М. Розин отмечает, что «как социальная действительность культура не только законосообразна, но и уникальна. Последнее связано, в частности, с тем, что культура – это форма социальной жизни. Особенность же социальной жизни в том, что отдельные культуры рождаются, живут и умирают, однако новые культуры формируются, ассимилируя переосмысленный опыт и структуры ушедших или рядом существующих культур» [3, с. 143]. Следует учитывать, что культура редуцирует социальные связи и отношения, «ассимилируя переосмысленный опыт», в нескольких направлениях:

- 1) мировоззренческое искушение возврата в «новое средневековье» или шире – трансформация архаизмов в неологизмы и актуализация прошлого в качестве символов современности;
- 2) смещение ценностей к полюсу антиценностей;
- 3) относительное «выравнивание» духовного пространства – отсутствие четких ритмов или признаков духовности [3].

Культурную реальность можно назвать как французский поэт Шарль Бодлер «цветами зла» [4]. Проблемы заключаются в отчуждении социально мыслящего человека и социальной реальности. Бездуховность, танатальность, выхолощенность, аномия и антиценности – это лишь небольшой, но, пожалуй, самый показательный список утрат человеческого индивидуального и коллективного бытия. Вместе с тем «поток» социокультурных проблем с каждым десятилетием существенно расширяет свои горизонты и все более приобретает выраженный антигуманистический характер [1]. В этом пространстве должны не просто декларироваться ценности или антиценности, вызванные теми или иными преобразованиями в обществе; рефреном должна звучать мысль об отражении

всей социальной реальности в ценностях, обусловленных менталитетом и национальным характером носителей культуры, – с одной стороны, а с другой – влияющих на формирование этих свойств человеческой природы.

Как полагает А. Г. Здравомыслов, «...именно культурная традиция формирует определенные склонности и предустановки в социологической исследовательской практике. Именно этот тезис заслуживает внимания и может быть развернут на основе выявления специфики ценностного содержания национальных культур» [5, с. 5]. Изучение культурных традиций должно строиться не по принципу их перечисления от позитивных до негативных, а на основе моделирования возможного социокультурного равновесия, достигаемого гармонией этнонациональных черт культурного развития и универсалий социальной реальности (можно в выводы).

Особое значение, на наш взгляд, должно иметь пристальное внимание к мировоззренческим ипостасям культурного развития. Показательно в связи с этим мнение о том, что «И «Вишневый сад» обращается к языку экзистенциальной социологии: в событиях пьесы зарегистрирован действительный, исторически верифицируемый социальный конфликт уходящего господствующего класса с новым, но здесь он не сводится к конфликту социальных сил – тут прежде всего конфликт ментальностей, жизнеощущений, способности межчеловеческого общения и понимания» [6, с. 177].

Это свидетельствует о необходимом «проникновении» в жизнь, мир, человека, культуру. Поэтому совершенно недостаточным и легковесным представляется сегодня такое исследование культуры, ее многообразных форм, в котором конфликт ценностей представляется только как конфликт социальных институтов или социальных групп, – в то время, как ценностный мир отражает широчайший спектр культурной динамики: слом поколений, преемственность фактов исторической памяти, социокультурное кодирование реальности [1].

Г. Зиммель в статье «Конфликт современной культуры» отмечал: «О культуре мы можем говорить только тогда, когда творческая стихия жизни создаст известные явления, находя в них формы своего воплощения; явления эти принимают в себя набегающие волны жизненной стихии, придавая им содержание и форму, порядок и предоставляя им известный простор...» [7, с. 494].

Признаки современной культуры: динамизм, многозначность, пестрота общей картины, полицентричность, зависимость от влияния информационных технологий и роли СМИ в формировании потребительского и бездуховного отношения к миру, а также обеспечение СМИ эффекта внушения. Во все эпохи искусство выражало стремление к духовному развитию человека. Современное искусство находится сегодня в поиске новых форм, нового языка для отражения современной эпохи. XX век – это и век постиндустриального общества (50-70-е годы), век многовариативного развития, основывающегося на «многокультурности» мира (последняя четверть века), век «информационного общества» в качестве переходной ступени для рождения новой культуры., когда информация становится более важной составляющей, чем земля, труд, капитал, сырье..

В современном сознании живая изменчивая природа не вмещается в рамки искусственных структур. И как следствие – формируется господствующий стиль мышления, борющийся за «назначение» истин, перенос с реальности на представления об этой реальности [8]. Окружающий мир доступен человеку только в виде повествования, рассказа о нем, то и сама личность – рассказ о себе, приобретающий характер условности. Поэтому нет принципиальной разницы между наблюдаемой и виртуальной реальностью. Культура превращается из сферы должного и идеального в мозаику различных срезов взаимоотношений человека с окружающим, не стыкующиеся между собой представления и элементы действительности. Появляется «экономический» человек индустриальной эпохи, ориентированный на удовлетворение материальных потребностей.

Последствия глобализации и информатизации общества различны для регионов, стран, народов. Для выживания и процветания общепланетарной культуры необходимо утверждение гуманистических идеалов, основанных на идеях сотрудничества, взаимопомощи, признании ценности другого человека и другой культуры.

Какие же современные тенденции будут решающими для культуры будущего?

- 1) Убыстряющееся развитие научно-технической революции
- 2) Рост взаимозависимости человеческого сообщества, доступность любой информации в кратчайшие сроки

- 3) Возникновение и обострение глобальных проблем, угрозы тотального самоуничтожения мирового сообщества;
- 4) Коренные изменения в сознании человечества, формирование нового взгляда на мир, т.е. нового качества культуры;
- 5) Глобализация религий, имеющих общую основу – веру в действие божественной силы;
- 6) Движение человечества к новому этапу своего развития [9].

Существует естественный критерий оценки культурного процесса: как культура служит человеку, помогает ли культура человеку жить в соответствии с общечеловеческими ценностями, делает ли человека духовно богаче, добрее, благороднее, честнее, сострадательнее к горю и бедам другого человека? Здесь все ясно: если культура служит человеку и развивает его лучшие – с позиций общечеловеческих ценностей – качества, способности и склонности, то это хороший культурный процесс, благотворная культура. Именно с этой позиции надо рассматривать те тенденции развития культурной ситуации, разворачивающиеся сегодня:

1. Неидеологизация культуры. К сожалению, свобода творчества и свобода выбора, привели к потере контроля за качеством и уровнем предлагаемой потребителю культурной продукции.

2. Недоступность культуры для широких народных масс как процесса духовного обогащения человека средствами музыки, литературы, поэзии, живописи. Превращение культуры в массовую культуру.

3. Искусственно подогреваемый интерес к дореволюционному прошлому России.

4. Решение национального вопроса, проблемы многообразия национальных культур – важный выбор, для решения которого остается все меньше и меньше времени.

5. Сложные современные процессы образования и просвещения – внедрение непрерывного образования или «вторичной неграмотности», увеличение разрыва между элитарной культурой и культурой массовой, низкопробной.

6. Особая проблема – проблема культурного воспитания молодежи [11].

Доступ к информации, к знанию является определяющей основой приобщения к общечеловеческой культуре. Но создания единой общей системы ценностей, единого способа мышления и

отношения к действительности не происходит, поскольку каждая культура из мирового богатства осваивает близкое ей, соответствующее уровню ее развития и духовному настрою. Последствия глобализации и информатизации общества, на наш взгляд, будут различными для разных регионов, стран и народов. [10]. Для выживания и процветания общечеловеческой общепланетарной культуры во всем ее многообразии необходимо утверждение гуманистических идеалов, основанных на идеях сотрудничества, взаимопонимания, взаимопомощи, отвергающих насилие и признающих ценность другого человека и другой культуры.

Список литературы

1. Попов Е. А. Культура, общество и человек в объектно-предметном поле современной социальной культурологии и социологии культуры // *Философская мысль*. – 2013. – № 3. – С. 170-204.
2. Быстрова А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // *Философ. науки*. 2004. № 12.
3. Розин В. М. Современная культурология: проблемы формирования и методологический идеал // *Личность. Культура. Общество*. – М., 2005. Вып. I.
4. Шарль Бодлер «Цветы зла» / Золотая серия поэзии. – М.: ЭКСМО, 2013. – 216 с.
5. Здравомыслов А. Г. Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания // *Социол. исследования*. 2008. № 8.
6. Сендерович С. А.П. Чехов и Л.И. Шестов. А также кое-что об экзистенциальной социологии // *Вопросы литературы*. 2007. Вып. IV.
7. Зиммель Г. Избранное: В 2-х т. Т. I. *Философия культуры*. М., 1996.
8. В. Гейзенберг. *Физика и философия. Часть и целое*.-М: Наука,1990-с. 145.
9. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // *Новая технократическая волна на Западе*. — Москва: Прогресс, 1986.-с. 330-342.
10. Белл Д., [Иноземцев В.](#) *Эпоха разобщенности*. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.
11. Современная культурная ситуация и тенденции ее развития. Тенденции развития культуры в современном мире <https://flero.ru/education/sovremennaya-kulturnaya-situaciya-i-tendencii-ee-razvitiya-tendencii.html>

E. A. Nafanets

(senior lecturer)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: elena.nafanec@mail.ru

MODERN REALITY OF CULTURE

Annotations: *this article discusses the main aspects of culture, its conformity to law and uniqueness in the formation of the spirituality of the individual, determines the loss of human individual and collective existence and the criteria for evaluating the cultural process, an attempt is made to consider the main trends in the development of the cultural situation of our time.*

Key words: *culture, society, human, values, spiritual life, habitat, worldview.*

УДК : 316.722+316.733

Р. П. Соловьева

(канд. ист. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

Ю. М. Соловьева

(старший преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: rpsol@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА: КОНЦЕПТЫ РАЗВИТИЯ

***Аннотация.** В статье раскрыта сущность культуры; показаны особенности современного культурного развития; освещены противоречия, проблемы и сложности в социокультурном мире; актуализированы преемственность и рациональное сочетание традиций и инноваций.*

***Ключевые слова:** культура, культурное развитие, мировая культура, традиции, инновации.*

На современном этапе цивилизационного прогресса культура приобретает первостепенное значение и выступает мощным фактором социального развития. Проникая во все аспекты человеческой жизнедеятельности – от основ материального производства и человеческих потребностей до величайших проявлений человеческого духа, культура играет большую роль в решении программных целей социального движения, формировании гражданского общества, укреплении творческих способностей человека, построении правового государства. Культура воздействует на все сферы жизни личности и общества, поэтому актуальным вопросом современного мира является приоритетное развитие культуры, рациональное использование традиций, качественное внедрение инноваций. Сущность культуры и ее значение изучали многие ученые: Костина А.В., Кожаринова А.Р., Момолова М.Н., Сомсикова О.А., Умова Е.В., Хилтухина Е.Г. и другие.

Авторами статьи ставится цель – показать основные концепты развития современной культуры в отечественном и мировом пространстве.

Представление о культуре в современном обществе уникально. Оно объединяет повседневные представления о ней как процессе приобщения к общечеловеческим ценностям и неукоснительное соблюдение нравственных канонов поведения [1]. С концептуальной точки зрения культура – исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [2, с. 3]. Это процесс человеческой деятельности, включающий навыки и умения, идеалы и нормы жизни общества на определенном историческом этапе. Он охватывает все сферы человеческого бытия: образование, воспитание, трудовую деятельность, искусство, духовную жизнь и направлен на улучшение качественного состояния общества, воспитание высоких моральных ценностей [3].

Феномен современной культуры можно представить в двух измерениях: постиндустриальном и постмодернистском. Она развивается как результат взаимодействия глобальных подходов к преобразованию и к оценке действительности: первый непосредственно регулирует способы формирования социальных и технологических реалий, а второй – создаёт и транслирует ценности, возникающие внутри культуры [1]. Современная культура с одной стороны, непосредственно соприкасаясь с русской культурой прошлых веков в смысле хронологического «соседства», тесно связана с накопленным культурным опытом, с другой – являясь частью мировой культуры, впитывает, перерабатывает, трансформирует тенденции развития культуры в целом.

Реалии отечественной и мировой культуры свидетельствуют о ее воплощении в огромном множестве создаваемых инновационных материальных и духовных явлений, таких как: новые средства труда, элементы материальной инфраструктуры быта, производства, научные идеи, идеологические концепции, религиозные верования, нравственные идеалы и моральные регуляторы. В то же время, сфера современной культуры при детальном рассмотрении ее сегментов является неоднородной [4].

Культура сейчас претерпевает изменения разновекторного характера. Современное искусство строится на основе уникальных классических принципов. Развивается свободное творчество. По-

явились новые направления в музыкальной культуре (электронная, экспериментальная музыка) и современные жанры (поп, рок, реп). Известно много инноваций в живописи: инсталляция, граффити, гиперреализм, боди арт. Имеет место трехмерная графика в изобразительном искусстве. Распространяется 3D изображение для рекламы в сфере недвижимости, актуализируется визуализация строящихся зданий. Популяризируется современный жанр социальной сатиры в литературе. Активно используется компьютерная графика в современной кинематографии. Развивается религиозная культура, приобретает духовность, воплощаются народные заповеди и высоконравственные религиозные каноны [3].

Современную эпоху по праву можно назвать веком инноваций. Дискурс современности, связанный со стремительным процессом глубоких культурных изменений, выдвинул на первый план научных обсуждений проблему модернизации и инновации. Современные культурологические процессы специфичны инновационным характером развития. В ходе практической реализации нововведений в культурную практику происходит целенаправленное качественное изменение [5, с. 94-95], появляются новые элементы, которые являются приоритетами нововведения. В современной науке взаимоотношение инновационного и традиционного компонентов в развитии культуры становится мейнстримом. Сущность социокультурной инновации понимается как фундаментальный механизм положительной динамики. Все нововведения в конкретной культуре проходят своеобразный отбор с точки зрения соответствия ментальным установкам и традиционным ценностям, принимаются и отторгаются в зависимости от того, насколько высок инновационный потенциал этнической культуры. Эффективность инновационного процесса зависит от исторически сложившейся в каждой национальной культуре меры модернизации, за границами которой количественно накапливаемые в ходе нововведений положительно воздействуют на культуру личности и общества в целом [5, с. 99-100]. Одним из наиболее важных аспектов развития современной культуры является вопрос толерантного сочетания традиций и инноваций в культурном пространстве. Устойчивая сторона культуры, культурная традиция, благодаря которой происходит накопление и трансляция человеческого наследия в истории, предоставляет новым поколениям возможность актуализации и рационализации использования предшествующего опыта

[4]. Сейчас усвоение культуры происходит через воспроизведение положительных идеалов, с возможностью незначительных вариаций в рамках традиции как основы функционирования культурных процессов.

Соотношение традиций и инноваций, использование культурного опыта поколений и адаптация к реалиям современности способствует сохранению и развитию общества. Если инновации принимаются социальной системой, то они в той или иной форме закрепляются культурной традицией [5, с. 97]. В культурном творчестве органически сочетается общее и уникальное. Каждая культурная ценность является неповторимой, как художественное, так и научное изобретение. Творческие приоритеты как источники инноваций, вовлекаются в противоречивый процесс развития культурного процесса и отражают широкий спектр иногда противоположных и противоборствующих тенденций современной исторической эпохи [4]. Культура современной эпохи состоит из трёх уровней: элитарной («высокой»), массовой («низкие жанры») и народной составляющих. Сегодня она неотделима от технологических аспектов организации социума и от процессов новых ценностных ориентиров человека [1].

Потенциал современной отечественной культуры с позиций практической реальности предоставляет ответы на вызовы цивилизации, но ее современное состояние далеко от идеала [4]. Сегодня культура, как и весь мир, вступила в период, который может предполагать разные перспективы. Материальная база находится в состоянии глубокого кризиса. Глубоко контрастируют с расширением интереса к культурным ценностям в странах мира разрушающиеся библиотеки, недостаток театральных и концертных залов, отсутствие ассигнований на поддержку ценностей народной, классической культуры. Наблюдается сложное взаимодействие культуры и рынка. Происходит коммерциализация культуры, снижается уровень освоения молодежью классического наследия. При огромном культурном потенциале происходит духовное обнищание народа. На почве бездуховности растут преступность и насилие, наблюдается упадок морали и нравственности. Рыночные отношения привели к непредвиденным для духовной культуры последствиям [6, с. 184] и негативным тенденциям. Не всегда искусство является высоким. Творчество часто служит для обогащения. Телевидение из-

лишне политизировано и заполнено низкосортными зарубежными фильмами. Начинает превалировать шоу-бизнес. Многие развлекательные шоу программы не имеют логического смысла, допускают нецензурную лексику [3]. Создание произведений превращается в «проект», в комплекс PR-акций, в котором утрачиваются различия между рекламой и художественными достижениями в традиционном понимании. Это явная иллюстрация симуляции социокультурной практики, осуществляемой посредством информационных и рекламных технологий, превращения культуры в рыночный товар [1].

В современной отечественной культуре сочетаются несоединимые ценности и ориентации: коллективизм и индивидуализм, политизированность и аполитичность, государственность и анархия. Наблюдаются противоречия: между высоким и обыденным, элитарным и народным. Сосуществуют взаимоисключающие друг друга явления, обретенные культурные ценности зарубежья, заново переосмысленное классическое наследие, ценности официальной советской культуры. Это явления культурной жизни, характерные для постмодернизма, широко распространенного в мире [6, с. 184].

Сейчас национальные культуры испытывают давление глобальной, локальных и этнических культур, находившихся прежде под доминированием национальных. Нужно развивать толерантность и диалог культур в контексте их взаимодействия. Однако, маловероятно, что эпоха толерантности быстро снимет все те противоречия, которые уже накопила эпоха плюрализма. Классическая культура подвергается массивному давлению электронно-сетевых структур, идет поиск приоритетов использования позитивного наследия, накопленного в веках самобытности. Толерантность коллективизирует субъекты, нивелируя их способности к индивидуальному выбору и определению собственной самобытности. По мнению ученых, вряд ли мультикультурное мировоззрение является универсальным средством от всех культурных негативов современности [1].

Вследствие рационального использования опыта и особенностей предшествующих культурных традиций мировая культура обладает своими специфическими свойствами, придающими ей своеобразие и уникальность. Современная культурная ситуация определяется тем, что ее основные черты являются следствием глобализации и развития западноевропейской культурной традиции. Это

обстоятельство – одно из важнейших свойств современного состояния мировой культуры в целом. Приоритеты культур предшествующих эпох стали признаками европейской цивилизации и предопределили особенности современной мировой культуры [7].

В сложных исторических и природных условиях общество выстояло, создало свою самобытную оригинальную культуру под влиянием Запада и Востока, обогатив своим воздействием другие цивилизации. Перед современной отечественной культурой стоит сложная задача – выработать свой стратегический курс на будущее в быстро меняющемся мире. Решение этой глобальной задачи чрезвычайно сложно из-за осознания глубинных противоречий, присущих ей на всем протяжении исторического развития. Отечественная культура всегда играла важную роль в мировом созидательном процессе, выполняя цивилизационную и организационную функцию в социокультурном пространстве. Она доказала свою жизнеспособность и подтвердила, что развитие демократии, нравственная консолидация невозможны без сохранения и приумножения накопленного культурного потенциала [6, с. 185]. Великая литература и искусство, развитая наука и признанная система образования, идеальные устремления к общечеловеческим ценностям и моральным нормам являются одним из самых активных созидательных элементов культуры мира.

Выводы: таким образом, культура является уникальным феноменом с определенными особенностями и свойствами, противоречиями и проблемами. Культурная ситуация представляет собой своеобразный инновационный процесс. Современный мир обладает положительными и отрицательными тенденциями культурного развития. Соотношение традиций и инноваций, адаптация культурного опыта предшествующих поколений к реалиям современности способствует сохранению и развитию общества.

Список литературы

1. Особенности развития современной культуры. – URL. – <http://lawinrussia.ru/content/osobennosti-razvitiya-sovremennoy-kultury>
2. Умова Е.В. Мировая культура: история и современность. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». – 2017. – 36 с.
3. Современная культура России. – URL. – <https://www.istmira.com/drugoe-istoriya-rossii/15615-sovremennaja-kultura-rossii.html>

4. Современная культура России. – URL. – <https://works.doklad.ru/view/aupY29K6YK4.htm> (Дата обращения: 06.03.2022)
5. Мосолова Л.М. Модернизация и инновации как концепты динамики культуры и ее образовательной сферы // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2008. – № 3 (8). – С. 94-103
6. Хилтухина Е.Г. Состояние культуры в современной России: проблемы и перспективы // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2011. – № 6-1. – С. 184-188
7. Культура в современном мире. – URL. – https://studme.org/175208264860/kulturologiya/kultura_sovremennom_mire

R. P. Solovyova

(Candidate of Historical Sciences, Associate Professor)
Donetsk National University of Economics and Trade
named of Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

U. M. Solovyova

(Senior Lecturer)
Donetsk National University of Economics and Trade
named of Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail rpsol@mail.ru

MODERN CULTURE: DEVELOPMENT CONCEPTS

***Annotation.** The article reveals the essence of culture; features of modern cultural development are shown; highlights the contradictions, problems and difficulties in the socio-cultural world; the continuity and rational combination of traditions and innovations have been updated.*

***Keywords:** culture, cultural development, world culture, traditions, innovations.*

УДК 39.394

Ю. В. Буланая

(старший преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского,

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: ulikmarkina@gmail.com

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

***Аннотация.** В статье автором проведен анализ феномена «семьи» в повседневной жизни. Рассмотрена сложность определения понятия «повседневность», с точки зрения философов, социологов разных исторических эпох. Далее анализируются семейные нормы и семейные правила, как важный регулирующий фактор в межличностных отношениях членов семьи. Обоснована угроза стабильной повседневности в современном мире. Определены факторы, обеспечивающие стабильность и удовлетворенность браком.*

***Ключевые слова:** семья, повседневность, семейные правила, нормы, бытие, семейный конфликт, удовлетворенность браком.*

В современном толковании образа жизни семьи актуально применить такое понятие, как «повседневность». Повседневная жизнь человека интересует социологов, философов, культурологов, историков, поэтому в исследовании повседневности единого подхода не выявлено и наблюдается сложность точного определения понятия «повседневность».

Французский философ эпохи Возрождения М. Монтень в 1580 г. в вопросе повседневной и простой жизни видел, что «вся моральная философия может быть с таким же успехом приложена к жизни повседневной и простой, как и к жизни более содержательной и богатой событиями: у каждого человека есть все, что свойственно всему роду людскому» [1, с. 327]

Современные исследователи повседневности отмечают: «философия и гуманитарные науки постоянно представляют повседневность в ее разных проявлениях объектом своего исследования, при этом сомневаются между низведением повседневности к рутинному сознанию и практике и возвышением ее до интегрального

мифоподобного горизонта, свойственного современности»[2, с. 145]

В исследовании и описании онтологических принципов повседневности, профессор О. А. Марковцева отмечает, что «феномен «повседневность» презентуется такими базовыми её структурами, как непосредственность, экзистенция, опыт, смысл, язык, знак, текст. Их целостность устанавливается в качестве основания повседневного бытия, условием которого является самосознание человека» [3, с. 114]

Ряд социологов раскрывают смысл повседневного, через структуру социокультурного пространства обыденного мира, включая пространство быта, пространство переживаний человека, повседневной рефлексии, языковое поведение при межличностном общении, при этом выделяют основные концепты повседневности: семья, дом, воспитание детей, работа, питание, учеба, отдых, досуг.

Понятие «повседневности» тождественно философской категории «бытия», оба понятия означают нахождение в мире, бытие в широком смысле – совокупность всего существования в мире: процессов, идей, ценностей, событий и вещей, понятий, а повседневность жизнь человека и человечества.

Отличие в понимании бытия заключается в качестве разграничения на реальное и идеальное, а повседневность подразумевает только реальное существование в мире, в котором первично само существование человека.

Со времен классической рациональности было определено, что чистое бытие – ничто и только через установку норм, контролирующей отношения между людьми, это бытие приобретает социальный характер, общие цели и даже определяет образ жизни определенного сообщества, например семьи как малой социальной группы.

Следовательно, повседневная жизнедеятельность определена через бытие норм, а нормы устанавливаются благодаря повседневной рутинности и повторяемости, или «бытийственности» событий и действий [4, с. 115]

Совокупность основных принципов, обязательств на которых строится жизнь семьи образуют семейные нормы и правила. Важным регулирующим фактором в межличностных отношениях членов семьи выступают семейные правила, которые детерминируют различные варианты их поведения. Правила делят на две группы –

открытые (эксплицитные, честные, подлинные) и скрытые (имплицитные, невыраженные). Найти систему взаимодействия в семье, основная цель семейных правил, которые объясняют, как положено вести себя в тех или иных обстоятельствах, что должны или не должны совершать члены семьи, и какое наказание влечет за их пренебрежение.

Отсутствие или недостаточность семейных правил и норм создает беспорядок в семейной системе и представляет угрозу для духовного здоровья семьи.

Противоречивый характер и регулярное изменение семейных правил и норм содействуют росту страха, беспокойства у членов семьи, что создает стрессовые ситуации и сдерживает развитие всей семейной системы или отдельных ее членов. Семейные нормы, правила дают возможность всем членам семьи понимать действительность и укреплять семью в целом.

Причиной семейных конфликтов нередко являются несогласованные правила семейной жизни, или противоречие с тем, кто устанавливал эти правила, или усиление интегрировать правила, несовместимые друг с другом.

Учитывая затяжной кризисный период российской экономики и постоянно возникающие обострения в финансовом секторе, здравоохранение, образование и в других социальных институтах социума, понятие повседневности лишается своей незыблемой «рутинной принадлежности». Для России переход стабильной повседневности в небезопасную зону становится важнейшей проблемой, что в первую очередь сводится к кризису образа жизни семьи.

Разные слои населения постепенно привыкают к другому образу повседневности, происходит смена правил поведения в отдельных сферах жизнедеятельности, меняются жизненные приоритеты. В настоящее время при характеристике современной семьи часто употребляют понятия «повседневность» и «удовлетворенность браком».

По мнению В. А. Сысенко: «..стабильность и удовлетворенность – достаточно связанные между собой характеристики, однако они не являются тождественными. Высокостабильные браки не всегда имеют высокий уровень удовлетворенности, а браки, где партнеры удовлетворены отношениями, могут быть нестабильными». Исследователь выделяет две группы факторов, обеспечиваю-

ших стабильность и удовлетворенность браком: социально-экономические факторы (материальная обеспеченность семьи, жилищные условия и т. д.) и социально-психологические, которые, по убеждению автора удовлетворяют эмоционально-психологические потребности в любви, психологической поддержке и взаимопомощи, сотрудничестве, потребность в доверительном общении. [5, с. 37]

С. И. Голод определяет удовлетворенность браком, как реализацию представлений о семье, которые формируются в сознании под влиянием различных событий в жизни, опыта. Каждый человек – это неповторимая личность, со своими устоями, характером, воспитанием. Все эти факторы могут определять устойчивость отношений между супругами, влиять на их удовлетворенность браком. [6, с. 98]

На удовлетворенность браком молодых супругов, оказывают влияние создаваемые конфликты и определенная форма поведения в них (неумение приспосабливаться, нежелание идти на компромисс, «избегание», соперничество), создаются дополнительные трудности в коммуникации супругов, что неблагоприятно сказывается на удовлетворенности браком. [7, с. 92]

В связи сложившейся многовековой повседневностью, опирающуюся на устойчивое социально-экономическое развитие общества, значительная часть народонаселения отдают предпочтение привычному укладу жизни. С этой точки зрения, повседневность, как социальная действительность однообразна, повторяется изо дня в день, а с другой, – она трансформируется, меняется в связи с нарушением принципов, законов повседневной жизни, с созданием новых реалий жизни например, из-за глобального финансово-экономического кризиса, военных действий. В такой ситуации происходит смешивание различных порядков в области повседневности, и появляется потребность адаптации к кризисному укладу повседневности.

Изменение повседневной жизнедеятельности человека непрерывно, и подчиняется исторической обусловленности развития общества, но «при всех исторических трансформациях повседневность все равно остается повседневностью – эмпирическим миром с повторяющимися отношениями». [8, с. 9] Такие отношения продиктованы ежедневными потребностями людей и органично связаны с будничной практикой.

Таким образом, с модернизацией современной цивилизации происходят изменения в повседневной семейной жизни человека, и вследствие, адаптации к новым условиям развития общества трансформируются ценности, права, обязанности, функции семьи, увеличивая уровень кризиса семьи.

Именно фундаментальное противоречие индустриального общества, которое, с одной стороны, не может существовать без семьи, без воспроизводства населения, а с другой, – не имеет внутренних механизмов реализации этой экзистенциальной потребности, формирует необходимость проведения семейной и демографической политики.

Итак, повседневность характерна для любого общества, она выступает соединяющим институциональным звеном, связывает разные элементы человеческого бытия в единое целое, имеет место быть при всяких условиях существования человека. В связи с этим повседневность обнаруживает себя при любых условиях существования человека, и вне зависимости от исторического времени порождает ясные, гибкие, непротиворечивые нормы и правила поведения общественного бытия, обеспечивающие и регулирующие социально-культурные отношения.

Список литературы

1. Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3 т. Т 3 / М. Монтень: пер. с фр. – М.: Голос, 1992. – 416 с
2. Касавин И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М.: Канон, 2004. – 432 с
3. Марковцева О. А. Повседневность как бытие человека в мире / О. А. Марковцева // Вестник ОГУ. – 2006. – Т. 1, № 6. – С. 111–117
4. Фролова С. М. Институциональные основы повседневности / С. М. Фролова // Вестник ПАГС. – 2012. – № 4 (33). – С. 113–120
5. Сысенко В. А. Психодиагностика супружеских взаимоотношений: научно-методическое пособие в помощь работникам социальных служб / В. А. Сысенко. – М., 2011. – 109 с
6. Голод С. М. Семья и брак: историко-социологический анализ / С. М. Голод. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 2010. – 272 с
7. Полынская Е. В. Влияние семейных конфликтов на удовлетворенность браком молодых супругов / Е. В. Полынская // Совере-

менные исследования социальных проблем. – 2011. – № 2 (06). – С. 90–92

8. Давидович В. Е. Повседневность и идеология / В. Е. Давидович, Е. В. Золотухина-Аболлина // Философские науки. – 2004. – № 3. – С. 9

U. V. Bulanaia

(Senior Lecturer)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Michael Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

FAMILY RELATIONS IN EVERYDAY LIFE

Introduction. *The author analyses the phenomenon of 'family' in everyday life. The complexity of the definition of "everyday life" is examined from the point of view of philosophers and sociologists from different historical periods. The family norms and family rules are analyzed as an important regulating factor in interpersonal relations of family members. The threat of a stable everyday life in the modern world is substantiated. The factors that ensure stability and satisfaction in marriage are identified.*

Key words: *family, everyday life, family rules, norms, existence, family conflict, marital satisfaction.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Андриенко Елена Владимировна** – д.филос.н., доцент, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
2. **Безгузько Наталья Анатольевна** – старший преподаватель кафедры социологии управления. Донецкая академия управления при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
3. **Беженарь Мария Сергеевна** – ассистент кафедры философии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
4. **Брычков Анатолий Сегреевич** – д.филос.н., профессор, действительный член Академии военных наук, Российской Академии социальных наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского (г. Смоленск, Российская Федерация).
5. **Буланая Юлия Викторовна** – старший преподаватель кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
6. **Быковская Галина Алексеевна** – д. ист. наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий (г. Воронеж, Российская Федерация).
7. **Власова Наталья Николаевна** – ассистент кафедры философии, Донецкий национальный технический университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
8. **Гижа Андрей Владимирович** – к. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии, Донецкий национальный технический университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
9. **Давыденко Элина Николаевна**, к. филос. наук, доцент кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

10. **Камарали Анна Владимировна** – к. филос. наук., доцент кафедры философии, Донецкий национальный университет, (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
11. **Ковалёва Ирина Игоревна** – к. ист. наук, доцент, доцент кафедры правовых и политических наук, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
12. **Кондратьев Валерий Алексеевич** – к. юр. наук, доцент кафедры правовых и политических наук, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
13. **Корнюхов Д. В.** – аспирант кафедры философии, Донецкий национальный университет, (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
14. **Кухтин Михаил Михайлович** – к. полит. наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и внешней политики, Донецкий национальный университет, (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
15. **Лемешко Галина Александровна** – ст. преподаватель кафедры философии, Донецкий национальный технический университет» (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
16. **Лустин Юрий Михайлович** – к. филос.н., доцент кафедры философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени М. Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
17. **Максименко Анастасия Васильевна** – аспирант кафедры философии, Донецкий национальный технический университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
18. **Миргородский Андрей Александрович** – к. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Академия Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики имени Ф. Э. Дзержинского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
19. **Мусатова Светлана Владимировна** – ассистент кафедры философии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

20. **Нафанец Елена Александровна** – старший преподаватель кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
21. **Никоноров Григорий Александрович** – к. филос. н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского (г. Смоленск, Российская Федерация).
22. **Овсяникова Дарья Дмитриевна** – аспирант кафедры философии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
23. **Отина Анна Евгеньевна** – к. филос. н., доцент кафедры социологии и политологии, Донецкий национальный технический университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
24. **Петрова Елена Игоревна** – старший преподаватель кафедры правовых и политических наук, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
25. **Певтиев Олег Владимирович** – к. юрид. наук, доцент, доцент кафедры правовых и политических наук, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
26. **Писарева Анна Владимировна** – старший преподаватель кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
27. **Поправко Анатолий Константинович** – к. филос. наук, доцент, ректор Донбасской юридической академии, (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
28. **Поправко Александр Анатольевич** – старший преподаватель кафедры государственного права и исторических дисциплин, Донбасская юридическая академия (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

29. **Пряхин Николай Геннадьевич** – к. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
30. **Рагозина Татьяна Эдуардовна** – д. филос.н., доцент, зав. кафедрой философии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
31. **Ромадыкина Виталия Сергеевна** – к. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
32. **Романова Анна Сергеевна** – аспирант кафедры философии, Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
33. **Рочняк Елена Владимировна** – к. филос. наук, доцент кафедры философии и истории, Горловский институт иностранных языков (г. Горловка, Донецкая Народная Республика).
34. **Соловьёва Раиса Петровна** – к. ист. наук, доцент, доцент кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
35. **Соловьёва Юлия Михайловна** – ассистент кафедры экономической теории Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
36. **Сулимов Станислав Игоревич** – к. филос. наук, доцент, доцент кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Российская Федерация).
37. **Черных Владимир Дмитриевич** – к. ист. наук, доцент кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий (г. Воронеж, Российская Федерация).
38. **Шелухина Ольга Николаевна** – к. юрид. Наук, доцент кафедры правовых и политических наук, Донецкий

национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

39. **Ширкова Ирина Владимировна** – ст. преподаватель кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

Для заметок

